Ка78628

З. М. ОРУДЖЕВ

К. Маркс и диалектическая логика

АЗЕРНЕШР · 1964 г.

З. М. ОРУДЖЕВ

К. МАРКС И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку — 1964

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, возникновение марксистской философии означало не только решительное отрицание всей старой философии, но и дальнейшее развитие всего лучшего, что было создано всем ходом предшествовавшего философского развития вообще, развитием немецкой классической философии в особенности (Гегель, Фейербах). «Маркс, — писал В. И. Ленин, — не остановился на материализме 18 века, а двинул философию вперед. Он обогатил ее приобретениями немецкой классической философии, особенно системы Гегеля, которая в свою очередь привела к материализму Фейербаха. Главное из этих приобретений — **диалектика,** т. е. учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи»[1].

Основная роль в подготовке этого великого приобретения марксизма, т. е. диалектики, по праву принадлежит Гегелю[2], исторической заслугой которого является систематическая разработка диалектического взгляда на мир и, следовательно, диалектического подхода к изучению этого мира. Бесспорно, диалектика зародилась еще в древности, и ее элементы разрабатывались на протяже-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 4.

[2] Пожалуй, никто не может отрицать логической связи между диалектикой Гегеля и диалектикой Маркса. Труднее понять их противоположность, как это видно из потуг буржуазных «исследователей» истории марксизма. Но находятся и такие «исследователи», которые «доказывают», что диалектика Маркса не имеет никакого отношения к гегелевской (См. T. *Litt.* „Hegel. Versuch einer Erneuerung. Heidelberg. 1953).

нии всей истории философии. Гегелю принадлежит историческая заслуга первой попытки дать систематическое развитие ее принципов в применении ко всем областям мира — природы, истории и познания. Эта составившая эпоху постановка вопроса о диалектике как науке и научном методе не могла найти своего разрешения с позиций идеализма, на которых стоял Гегель. Поэтому, несмотря на то, что он сформулировал даже основные законы диалектики, идеалистическая основа его диалектики определила ее ненаучный характер.

Идеализм гегелевской философии явился причиной извращения диалектики не только в том смысле, что в его учении диалектика предстала как отражение диалектики мышления, т. е. идей и понятий, но и в том смысле, что в результате этого она была формализирована, лишена во многом конкретного содержания.

Наряду с идеализмом в гегелевской философии имелся еще один порок — его метафизическая система, основное внутреннее требование которой сводилось к тому, чтобы завершить собой все историческое развитие абсолютной истиной того или иного рода. Оно, это требование, прямо противоречило существу самой диалектики и было несовместимо с ней. Поэтому построить всеобъемлющую систему можно было лишь ценой отказа от диалектики. Гениальность и вместе с тем трагедия Гегеля заключалась в том, что он не отбросил диалектику, но в то же время принес ее в жертву системе другим путем — путем их примирения. Гегель был далек от того, чтобы осуществить это примирение способом механического соединения их друг с другом. Он попытался поставить саму диалектику на службу своей системе. Так, например, закон отрицания отрицания служил ему для построения всего здания его системы (абсолютная идея — природа — абсолютный дух). «Гегелевская система как таковая, — писал Энгельс, — была колоссальным недоноском, но зато и последним в своем роде. А именно, она еще страдала неизлечимым внутренним противоречием: с одной стороны, ее существенной предпосылкой было воззрение на человеческую историю как на процесс развития, который по самой своей природе не может найти умственного завершения в открытии так называемой абсолютной истины; но, с другой стороны, его система претендует быть именно завершением этой абсолютной

истины. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы и истории противоречит основным законам диалектического мышления, но это, однако, отнюдь не исключает, а напротив, предполагает, что систематическое познание всего внешнего мира может делать гигантские успехи с каждым поколением»[1].

Гегель, следовательно, исчерпал не только идеалистическую традицию. Он вместе с тем показал всю бесплодность старой философии, как некоей абсолютно законченной, всеобъемлющей системы. Дальнейшее развитие философии могло быть связано с поворотом от идеализма к материализму и избавлением диалектики от метафизической системы.

Нет нужды подробно останавливаться на том, что Фейербах, повернув к материализму, отбросил диалектику Гегеля и тем самым так и не преодолел его философию по-настоящему. Нет также особой надобности говорить и о том, что младогегельянцы, начавшие «очищение» диалектики Гегеля от метафизической системы, не смогли довести эту работу до конца, признавая даже свою приверженность к тому или иному элементу его системы. Маркс и Энгельс «...были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»[2]. «Очищение» гегелевской диалектики от метафизической системы и идеализма осуществлялось не путем их механического удаления, а путем преобразования самой диалектики Гегеля.

Марксизм не только показал, что диалектика совместима с материализмом, он вместе с тем убедительно доказал, что научной является только та диалектика, которая органически связана с материализмом, является материалистической. Именно поэтому Энгельс и говорит, что «гегелевская диалектика так относится к рациональной диалектике, как теория теплорода — к механической теории теплоты, как теория флогистона — к теории Лавуазье»[3].

Материализм открывает именно те горизонты для

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», 1953, стр. 24.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 316.

развития диалектики, которых не может дать диалектика идеалистическая. Материальная действительность развивается диалектически, и ее бесконечное многообразие несравненно богаче диалектики понятий, которая, являясь лишь отражением объективной диалектики, не может полностью охватить всех ее связей и форм движения. Маркс поэтому уже в 1843 г., увидев неизбежную связь идеалистической абсолютизации диалектики понятий с формализмом, безразличием к конкретному содержанию, метко заметил, что причина этого в том, что для идеалиста в центре философского интереса находится не логика дела, а дело самой логики[1].

Основоположники марксизма не раз указывали на противоположность их диалектики гегелевской. «Мой диалектический метод, — писал Маркс, — не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург (творец, созидатель) действительного, которое представляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»[2].

Противоположность материалистической диалектики старой, идеалистической была непонята многими деятелями II Интернационала, рассматривавшими марксизм как простой синтез диалектики Гегеля и материализма Фейербаха, и она осталась непонятой до сих пор буржуазными «исследователями» истории марксизма, которые упорно продолжают рассматривать связь диалектики Маркса с гегелевской как полное тождество.

Так, в 1954 г. некое западногерманское исследовательское общество Евангелической Академии выпустило сборник «Очерки по марксизму»[3], в котором содержался целый ряд докладов по философии марксизма и среди них один, посвященный взаимоотношению философий Ге-

---

[1] Эта очевидная истина настолько недоступна буржуазному пониманию, что ее современные представители вслед за самим Гегелем продолжают до сих пор настаивать на несовместимости диалектики и материализма. Всякое исследование материалистической диалектики является практическим опровержением этой иллюзии.

[2] *К. Маркс.* «Капитал», т. I. 1955, стр. 19.

[3] Marxismusstudien. Tübingen. 1954.

геля и Маркса[1]. Автор этой статьи Л. Ландгребе пытается провести мысль, будто Маркс вовсе не имел своей философии и ставил перед собой весьма скромную задачу: практически осуществить философию... Гегеля! «Маркс возражает, таким образом, Фейербаху, что задача не может заключаться в том, чтобы противопоставить философии Гегеля новую философию. Дело не в этом; ибо философия Гегелем завершилась»[2]. Задача в том, чтобы эту «философию осуществить». Бросается в глаза, что Ландгребе исходит из мысли о том, что гегелевская философия есть предел развития философии вообще. Свою статью он начинает именно с утверждения, что современное развитие двух противоположных социальных миров определяется борьбой двух возможностей, заключенных в 1) гегелевской философии и 2) отношении к ней Маркса. Оказывается, гегелевская философия заключала в себе возможность чисто теоретического отношения к действительности, как этого хотел Гегель, и практического, как этого захотел Маркс. Ниже будет показано, что Маркс в полную противоположность Гегелю создал философию, которая не только имеет дело с объективным, материальным миром, но также является теорией, способом научного познания, в корне противоположным гегелевскому.

Точка зрения Ландгребе — самая грубая точка зрения по данному вопросу. Пожалуй, никто из буржуазных «ниспровергателей» философии Маркса не отваживается сейчас утверждать, что у Маркса не было своей философии. Наоборот, скорее всего у Маркса именно философия является определяющей частью его учения, утверждают они. Например, «Капитал» Маркса — это не столько экономическое произведение, сколько философское. Ниже мы остановимся на разборе и этого утверждения «критиков» марксизма, а пока послушаем, что говорят они по поводу связи диалектики Маркса с гегелевской.

Католический профессор Густав Веттер более осторожно утверждает, что «гегелевская диалектика и фейербаховский материализм выступают как основные камни (die Hauptsteine) марксистского философского зда-

---

[1] *L. Landgrebe.* „Hegel und Marx". Marxismusstudien..., S 39—54.

[2] Там же, стр. 45.

ния»[1]. Попытка растворить марксистскую философию в буржуазной налицо. Тайный смысл этого сведения философии Маркса к буржуазной заключается в той же попытке доказать, будто материалистическая диалектика не представляет собой ничего нового по сравнению с гегелевской и фейербаховской философией. В другом месте Веттер пишет, что Маркс вообще «...в своем философском мышлении стоит на уровне гегельянства»[2].

Ему нет дела до того, что Гегель не решил им же самим поставленного вопроса о диалектике как науке, в то время как Маркс дал в «Капитале» блестящие образцы ее научного применения.

Сотрудник Западноберлинского института политических наук Макс Ланге[3] утверждает даже, что Маркс заимствовал у Гегеля не только его диалектику, хотя и в «модифицированном виде», но и... систему! Регенсбургский профессор философии Якоб Гоммес также утверждает, что свой диалектический метод Маркс и Энгельс «заимствовали от **Гегеля**, который впервые выразил и применил его как закон сущности бытия и мышления»[4]. Другой «критик» материалистической диалектики Иринг Фечер считает, что слова Маркса о противоположности его диалектики идеалистической диалектике Гегеля касаются, собственно, «не диалектического метода, а материалистического толкования мирового процесса, включая и процесс мышления»[5]. Поэтому слова Маркса

---

[1] *Gustav A. Wetter.* „Der dialektische Materialismus". Wien, 1956, S. 59.

[2] Там же, S. 39. В своей последней книжке об отношении Маркса к диалектике Гегеля «Die Umkehrung Hegels». (Köln, 1963) он уже признает, что диалектика Маркса отличается от гегелевской, он даже досадует по этому поводу, «доказывая», что, «перевернув» Гегеля, Маркс тем самым ухудшил его диалектику. В свое утешение он все же утверждает, что диалектика Маркса не так уж материалистична, так как Маркс-де не мыслит природу без человека, и наоборот. Он умалчивает при этом, что это новое искажение взглядов Маркса возникло во Франции (в работах Кожева, Мерло-Понти, Кальвеза и др.) и там же было погребено в 1957 г. блестящей критикой коммуниста-теоретика *Р. Гароди* (см. его труд «Марксистский гуманизм» Москва, И. Л., 1959, стр. 111—166).

[3] См. *M. G. Lange.* „Marxismus, Leninismus, Stalinismus." Stuttgart, 1955.

[4] *J. Hommes.* „Der technische Eros". Freiburg, 1955, S. 15.

[5] *Stalin.* „Uber dialektischen und historischen Materialismus". Vollständiger Text und kritischer Kommentar von Jring Fetscher. Frankfurt/M—Berlin—Bonn, 1957, S. 36.

о прямой противоположности его метода гегелевскому Фечер предлагает не принимать «буквально». «Нельзя называть, — говорит он, — метод Маркса прямой противоположностью методу Гегеля»[1]. С Фечером нельзя не согласиться в том отношении, что речь идет прежде всего о «примате материи», когда мы говорим об отличии метода Маркса от идеалистического. Но именно это обстоятельство и делает метод Маркса совершенно другим. Фечер исходит из абстрактного понимания метода, который должен оставаться неизменным, как бы он ни применялся.

В одном из последних буржуазных изданий избранных произведений Маркса Франц Боркенау, вообще специализирующийся на издании и «критике» произведений Маркса и Энгельса, признает отрицательную, критическую сторону отношения Маркса к диалектике Гегеля. Но эта критика не носит характера принципиального разногласия, а лишь характер критической поправки, согласно которой «гегелевская диалектика должна быть не ликвидирована (и заменена новой — *З. О.*), а дополнена»[2]. «Доказательству» этой мысли Я. Гоммес посвящает в своем труде целый раздел под заглавием: «Материализм как дополнение диалектического метода»[3]. А. Вальтер Таймер в своей работе под названием «Марксизм» договорился до того, что объявил Маркса «материалистическим Гегелем»[4]. Причем согласно его утверждению слово «материя» означает не «вещество», а лишь «хозяйство»: материализм Маркса — это «экономический» материализм, — говорит он.

Здесь нет особой надобности специально опровергать эту давно устаревшую, но с понятным упрямством проповедуемую ненаучную точку зрения, извращающую существо отношения диалектики Маркса к гегелевской. Выше уже, мимоходом, была указана и в ходе изложения данной работы станет еще яснее принципиальная противоположность материалистической диалектики

---

[1] *Stalin* „Uber dialektischen und historischen Materialismus" Vollständiger Text und kritischen Kommentar von Jring Fetscher Frankfurt/M—Berlin—Bonn, 1957, S 37—38.

[2] *K. Marx*. Auswahl und Einleitung von Franz Borkenau. Frankfurt/M—Hamburg, 1956, S. 12.

[3] См. *J. Hommes* „Der technische Eros"... II Kapitel. § 1.

[4] *W. Teimer* „Der Marxismus. Lehre—Wirkung-Kritik". Bern und München. Dritte Auflage, 1960. S. 11.

идеалистической, **внутренняя** связь научной диалектики с материалистическим миропониманием.

Для приемов буржуазной полемики против философии Маркса вообще характерно постоянное обращение к положениям и аргументам, давным-давно устаревшим и опровергнутым, хотя нельзя сказать, чтобы буржуазия не использовала бы и более «модных» положений, призванных смазать то принципиально новое, что было создано Марксом в философии по сравнению с ее предшествующим развитием. Уже упомянутый Веттер позволяет себе утверждать, например, что к «...философским корням марксизма» относится... позитивизм![1]. Общность между ними Веттер усматривает в том, что и тот и другой отвергают «неизменные», «метафизические» понятия и стремятся заменить их «конкретным рассмотрением фактов и их развития». Эту общность Веттер усматривает также в тенденции «отождествить» философию с отдельными науками и отказать-де ей в самостоятельности. То же самое повторяет обрадованный этим новым «открытием» М. Ланге.

Всех, однако, в попытке растворить марксистскую философию в старой превзошел некий Кёлер[2], который поставил перед собой задачу «доказать», что успех диалектического материализма объясняется не тем, **что создано** Марксом, а лишь тем, что якобы заимствовано им из прошлой философии. Причем Кёлер крохоборствует по отношению к каждой исторически существовавшей философской системе, отыскивая в них какую-нибудь мелкую деталь для того, чтобы включить ее в философию марксизма, которую он характеризует затем как суррогат старых (в том числе и религиозных!) идей. Книжка Кёлера, пожалуй, является единственной формой подобного извращения диалектического материализма и столь же огромной претензии на знание происхождения философских идей марксизма.

Несмотря на все потуги буржуазных фальсификаторов диалектического материализма свести его к гегельянству, фейербахианству, позитивизму (Веттер, Ланге,

---

[1] См. *G. A. Wetter* „Der dialektische Materialismus"... S. 17—18.

[2] См. *Hans Köhler*. „Gründe des dialektischen Materialismus im europäischen Denken". München, 1961.

Кёлер[1] и др.) экзистенциализму (Сартр, Мерло-Понти, Тир, Гоммес и др.) и т. д., — несмотря на все эти бесплодные потуги, диалектический материализм представляет собой высшее достижение в развитии философской мысли человечества. Классики марксистской философии глубоко раскрыли сущность революционного переворота, совершенного в философии Марксом и Энгельсом, и ученые-марксисты, выполняя завещание В. И. Ленина, дали конкретную разработку философских систем предшественников марксизма, а также проблемы их исторического и логического взаимоотношения с последним.

За последние годы в марксистской литературе появились крупные монографические исследования по философии Гегеля, в которых раскрывается подлинный смысл его системы, его основное завоевание — диалектика, а также коренной недостаток последней, ее историческая ограниченность[2]. Следует отметить и сравнительно небольшие работы о Гегеле Т. И. Ойзермана, В. В. Соколова и др. Вместе с тем в тот же промежуток времени появились работы, которые оказались под влиянием буржуазной фальсификации существа дела и пытались смазать коренную противоположность диалектики Гегеля и Маркса[3].

Очень важное значение для понимания противоположности научного метода гегелевскому имеют марксистские исследования, посвященные истории формирования философских взглядов Маркса и Энгельса. Они показывают нам в историческом плане процесс диалектического превращения идеалистической философии в научную, процесс исторического генезиса диалектического метода Маркса. Та критика, которой была подвергнута Марксом и Энгельсом диалектика Гегеля в период формирования их взглядов, сохранилась в зрелом марксизме как важнейший момент последнего, момент, который буржуазные фальсификаторы всецело относят лишь к истории. Взгляд на прошлое, как на груду развалин,

---

[1] См. *H. Köhler* „Gründe des dialektischen Materialismus...", S.94.

[2] *К. С. Бакрадзе.* «Система и метод философии Гегеля», Тбилиси, 1958; М. Ф. Овсянников. «Философия Гегеля», Москва, 1959; К. И. *Гулиан* «Метод и система Гегеля», Москва. И—Л 1962, т. 1.

[3] См. *Ernst Bloch.* „Subjekt—Objekt". Berlin, 1952; (Geo. *g*) *Lukacs.* „Der junge Hegel und die Probleme der kapitalistischen Gesellschaft"; Berlin, 1954.

трупов, костей, как на то, что лишь умерло, — таков историзм буржуазных фальсификаторов, противопоставляющих «раннего» Маркса «позднему», историзм, опровергнутый в свое время еще самим Гегелем. Игнорируя принципиальную критику Марксом идеалистической диалектики Гегеля, ее значение в деле создания научного метода, буржуазная фальсификация рассматривает высокую оценку основоположниками марксистской философии диалектики Гегеля как свидетельство их полной приверженности к ней, как самое обыкновенное возвращение к ней. Отсюда—то огромное значение, которое имеют для истории взглядов Маркса исследования процесса формирования научной, материалистической диалектики.

Среди всех марксистских трудов, посвященных раннему периоду марксистской философии, имеется много работ, весьма ценных и помогающих нам уяснить процесс зарождения и становления научной методологии Маркса. Это — работы М. Б. Митина, П. Н. Федосеева и некоторых других советских философов, вышедшие еще в 30-х годах. Уже тогда советские марксисты разоблачили вышеупомянутую концепцию буржуазных «исследователей» марксизма, растворявшую диалектический материализм в диалектике Гегеля и материализме Фейербаха, и дали научное решение проблемы. В последние годы вышли в свет такие крупные произведения по истории формирования философских взглядов Маркса и Энгельса, как книга французского марксиста, работающего в настоящее время в демократическом Берлине, О. Корню «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность» (первые два тома вышли в свет и на русском языке; в 1959 г. — I том и в 1961 г. — 2 том), монография М. В. Серебрякова «Фридрих Энгельс в молодости» (1958 г.), книга О. М. Бакурадзе «К вопросу о формировании философских взглядов К. Маркса» (Т—1956 г.) и др.[1].

Самым новым исследованием исторического процесса формирования диалектического материализма является

---

[1] Весьма ценный и обстоятельный обзор буржуазной и марксистской литературы о раннем Марксе дал *Н. И. Лапин* в своей книге «Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса» (Москва, 1962 г.), вышедшей как бы в противовес статье Э. Тира: «Etappen der Marxinterpretation" (См. „Marxismusstudien", 1954, S. 1—39).

большая монография Т. И. Ойзермана «Формирование философии марксизма», Москва, 1962 г. Эта работа, заслуженно получившая признание в научных кругах[1], является наиболее полным и точным изображением действительной истории возникновения и становления научной философии, в которой внешняя сторона деятельности Маркса и Энгельса историко-биографического харакатера несколько отодвинута на задний план. Это объясняется главным образом тем, что в работах О. Корню, М. В. Серебрякова и др. эта сторона истории получила подробное освещение, и тем самым появилась возможность выдвинуть на передний план исследование именно процесса философско-теоретического становления марксизма. Т. И. Ойзерман, как правильно пишет в своей рецензии на книгу акад. М. Митин, «дал ценное исследование, которое восполнило существенный пробел, имеющийся в нашей литературе по марксистско-ленинской философии»[2].

Советские и зарубежные философы-марксисты, строго придерживаясь важнейших положений Маркса, Энгельса и Ленина относительно истории марксизма вообще, создали, таким образом, стройную науку об этой истории, об истории марксистской философии в том числе. Вместо поверхностного противопоставления «раннего» Маркса «позднему» или отождествления их, философы-марксисты раскрывают «позднего» Маркса как мыслителя, давшего конкретную разработку принципам, созданным в результате, итоге «раннего» развития его взглядов. «Поздний» Маркс, таким образом, не только не изменил «раннему»[3] или остался на уровне последнего, но представляет его дальнейшее продолжение, развитие. Все дело лишь в том, чтобы не выискивать в «раннем» Марксе того, что является свидетельством неразвитости, а потому и незрелости, его взглядов и что, естественно, должно было исчезнуть в «позднем» марксизме. Однако, именно такое, единственно научное понима-

---

[1] См., напр. сб. «Из истории марксизма и международного рабочего движения», Москва, 1963 г., стр. 11—12, журн. «Коммунист», № 6, 1963 г., стр. 116—120 и т. д.

[2] Журнал «Коммунист», № 6, 1963 г., стр. 120.

[3] См., напр., сб. «Marxismusstudien», 1954, S. 4. Обстоятельную критику этой концепции см. в работе *Кешелава В. В.* «Миф о двух Марксах», Госполитиздат, 1963 г.

ние исторического развития не устраивает как буржуазных фальсификаторов истории марксизма, так и ревизионистов. Это прекрасно понимают и сами буржуазные философы, которые признают, что обращение к «раннему» Марксу диктуется требованием оппозиции против марксизма вообще, Ленина[1].

Противоположная концепция, пытающаяся выдать философию «раннего» Маркса за предел его философского развития, за потолок, выше которого он уже никогда не смог подняться[2], имеет своей подоплекой отрицание за марксизмом способности к развитию, ибо все, что было сделано Марксом в «поздний» период, т. е. в 50-х годах и позже, сводится при такой концепции лишь к простому, механическому применению готовой, законченной философии к той или иной области познания и практической деятельности. Сторонники этой концепции заявляют, что философия «раннего» Маркса в «поздний» период оказалась лишь «закутанной» в экономическую терминологию, заслоненной экономическим учением (Э. Тир). Правда, между сторонниками этой антиисторической концепции существует и различие точек зрения по поводу того, что является более важным в «позднем» марксизме — экономическая или философская сторона учения? Так, Михайловский одно время считал, что Маркс де вовсе не создал в зрелый период философских работ, оставаясь на позициях гегельянства, за что был подвергнут уничтожающей критике Лениным. К. Каутский вообще рассматривал марксизм лишь как «эмпирическое» учение об обществе. В настоящее же время, как это справедливо подчеркивает Т. И. Ойзерман, враги марксизма придерживаются противоположной точки зрения, объявляя даже «Капитал» Маркса не экономическим, а философским произведением! Так, Фридрих Делекат в своем «теологическом» анализе «Капитала» оговаривается, что в этом труде важной стороной является не экономическое содержание, которое-де является лишь повторением разобранного, а философское[3]. Однако, несмотря на эти различия точек зрения, все «критики» марксизма

---

[1] См. *D. Henrich*, „Karl Marx als Schüler Hegels, Universitätstage, 1961. Marxismus—Leninismus. Geschichte und Gestalt," S. 7.

[2] См. *K. Bekker*. „Marx, philosophische Entwicklung, sein Verhältnis zu Hegel". Zürich/New-Jork, 1940, S. 99.

[3] См. сб. Marxismusstudien. 1954, S. 54.

одинаково отказываются рассматривать философию Маркса как живое, творчески развивающееся учение. Они предпочитают рассматривать марксистскую философию в качестве материалистически подправленного гегельянства, которое продолжает жить в «позднем» Марксе[1].

Предлагаемая работа ставит своей задачей показать, что философия Маркса в 50-х годах не только была несравненно выше гегелевской, но представляла собой определенный шаг вперед по сравнению с работами, завершившими период формирования философии марксизма.

Остановимся пока вкратце на вопросе о том, в каком смысле следует считать «Капитал» Маркса философским трудом? От правильного ответа на этот вопрос зависит сама постановка вопроса о дальнейшем развитии философии марксизма в «поздний» период, ибо, поскольку речь идет о Марксе, он на самом деле в зрелый период не писал специальных работ по философии, если не считать его отдельных писем, в которых он местами затрагивал философские проблемы, и один небольшой раздел рукописи «Очерки критики политической экономии», написанной в 50-х годах 19 в.

Конечно, «Капитал» Маркса—это труд, посвященный прежде всего экономическим проблемам. Поэтому «Капитал» является экономическим исследованием. Но вместе с тем, это, конечно, гениальный философский труд. Эта работа Маркса является первым в истории познания исследованием, которое **сознательно** определялось применением научного метода исследования — материалистической диалектики. Научное познание в своем историческом и логическом движении всегда подчинено, как и все, законам диалектики. Но отсутствие сознательного применения диалектического метода, которое не было

---

[1] Некоторые из них придерживаются «оригинальной» точки зрения, будто Маркс с 1845 г. вообще забросил всякий метод и стал эмпириком, пока в 1858 г. ему в руки случайно не попала «Логика» Гегеля, под влиянием которой он якобы «вновь открыл диалектический метод» (Цитировано по статье Н. Садовского в журн. «Вопросы философии» № 10. 1958 г., стр. 89). Это — точка зрения ревизиониста А. Лефевра, который, однако, перещеголял в деле фальсификации истории марксизма даже буржуазных критиков марксизма, ибо К. Беккер, и тот считает, что в 1847—1857 гг. Маркс не забросил метод, а лишь перестал специально заниматься проблемами философии (см. *K. Bekker* „Marx" philosophische Entwicklung...," S. 102.)

возможно до того, как законы диалектического познания были открыты, скрывало в той или иной степени структуру (причем внутреннюю, а не внешнюю, которая зовется иногда архитектоникой), логическую конструкцию познания (зафиксированного в научных произведениях и т. д.) тем, что называется зигзагами, блужданиями и «случайностями» познания. Сознательное применение диалектического метода Марксом в «Капитале» выделяет этот труд среди всех гениальных произведений, написанных до него, как труд, логическая структура которого дана как бы в обнаженном виде. Применение диалектического метода Марксом сделало его экономическое исследование предельно «экономным», строго логичным, очищенным от всяких «случайностей» познания, в результате чего внутренняя логика «Капитала» как бы выступила наружу. Это обстоятельство сделало изучение логики «Капитала» одной из важнейших задач марксистско-ленинского исследования. Именно в этой связи «Капитал» Маркса выступает как гениальный, единственный в своем роде философский труд.

Именно поэтому В. И. Ленин и говорит о том, что Маркс оставил после себя нам **логику «Капитала»**, которую мы должны изучать, если хотим вообще знать, что такое диалектический материализм в действии, т. е. в действительности, ибо всякое общее действительно лишь в «снятом» виде, лишь в особом, конкретном воплощении.

Как уже указывалось, в данной работе нами будет рассмотрен вопрос о разработке Марксом диалектического метода в 50-х годах прошлого столетия, которая послужила как бы репетицией к генеральному штурму недосягаемых для буржуазного способа мышления высот экономической науки. Уже то обстоятельство, что такая предварительная философская подготовка оказалась накануне и в процессе создания «Капитала» необходимым этапом, свидетельствует о том, что развитие философских взглядов Маркса, вопреки утверждениям буржуазных критиков, отнюдь не остановилось на его ранних произведениях. Отсюда вытекает первостепенная задача исследования развития философских взглядов Маркса в 50—60 гг. То обстоятельство, что период формирования философии марксизма всесторонне и полно исследован в работах О. Корню, М. В. Серебрякова, О. М. Бакурадзе и Т. О. Ойзермана делает такое исследование очередной

задачей, «повесткой дня» науки по истории марксистской философии.

Этап методологической подготовки «Капитала» отличается специфическими чертами от раннего периода и от периода написания Марксом самого «Капитала» как с точки зрения отношения Маркса к диалектике Гегеля, так и с точки зрения уровня развития самой диалектики Маркса, как с точки зрения проблематики философских интересов Маркса, так и с точки зрения способа применения диалектического метода. В тексте работы на эту сторону дела будет обращено внимание читателя.

Следует заметить, что до сих пор проблема развития Марксом диалектического метода в 50-х годах прошлого столетия в марксистской историко-философской литературе еще не сделалась предметом специального исследования, хотя этого нельзя сказать о «Капитале», обстоятельный анализ которого в указанном аспекте мы имеем в работах М. Розенталя, Э. Ильенкова и Б. Грушина[1].

Ценность этих работ не только в том, что они раскрывают нам «позднего» Маркса совсем в ином свете, чем рисуют его буржуазные критики. Их ценность также в том, что с них начинается в высшей степени благодарная работа по изучению диалектической логики как науки, диалектики как закона познания (Ленин)[2].

Философский анализ «Капитала» включает в себя и проблематику 50-х годов, поскольку метод «Капитала» представляет собой более развитое, цельное «тело», чем методологические взгляды Маркса в 50-х годах, которые можно назвать системой **основных** положений материалистической диалектики, хотя уже в то время мы имеем

---

[1] *М. Розенталь.* «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса». Москва — 1955; *Э. В. Ильенков* «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса», Москва — 1960; *Б. А. Грушин* «Очерки логики исторического исследования». Москва — 1961 (последняя, несмотря на общий заголовок, по существу построена на анализе «Капитала», хотя и не полностью).

[2] Здесь можно было бы назвать и другие исследования, посвященные проблемам диалектической логики, — М. А. Алексеева, Д. Горского, Эли де Гортари, В. Черкесова, П. В. Копнина, Б. Кедрова, А. Касымжанова, самого М. Розенталя и др., но следует иметь в виду, что речь идет об историческом развитии логики марксизма и специальное рассмотрение работ названных авторов несколько изменило бы характер данной работы

в работе «К критике политической экономии» Маркса начало систематического применения основных положений нового, единственно научного метода исследования развивающегося объекта. Диалектический метод Маркса, разработанный им в 50-х годах, является поэтому частью метода «Капитала». Отсюда ясно, что всякое исследование метода «Капитала» должно неизбежно приводить к проблематике 50-х годов, что и обнаруживается в работах М. Розенталя, Э. Ильенкова и Б. Грушина. Это значит, что без понимания философской проблематики 50-х годов невозможно понимание метода «Капитала». Разработка и применение Марксом вопросов диалектического метода в 50-х годах 19 века в этом смысле может рассматриваться в качестве необходимого пролога всесторонней систематической разработки и применения этого метода в «Капитале». Вот почему нам представляется необходимым выделить и подвергнуть специальному рассмотрению разработку Марксом материалистической диалектики именно в 50-х годах прошлого столетия.

Основное различие между диалектической логикой Маркса в 50-х годах и в «Капитале» заключается в том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении на первом этапе развития выступал в самом общем виде, тогда как в «Капитале» он существует как определенное, конкретное единство различных форм мышления, как нечто внутри себя многократно расчлененное — как анализ и синтез, индукция и дедукция и т. д. В 50-х годах 19 века Маркс разбирает, в основном, категории абстрактного и конкретного, их взаимную диалектику, заключающуюся в том, что противоположность между ними разрешается в методе восхождения от абстрактного к конкретному, отдельному рассмотрению подвергаются анализ и синтез. В «Капитале», однако, ни анализ, ни синтез, ни метод восхождения от абстрактного к конкретному не даны отдельно друг от друга и выступают слитно, как нечто единое, конкретное целое. Поэтому «Капитал» является тем основным источником, из которого каждый исследователь в любой области науки может не только почерпнуть ценные сведения о диалектическом методе в целом, но и научиться им пользоваться, ибо только в процессе применения диалектического метода и происходит диалек-

тическое, т. е. противоречивое, совпадение всех форм мышления, всех элементов, сторон диалектической логики.

Вышеупомянутые работы М. Розенталя, Э. Ильенкова и Б. Грушина положили весьма важное начало в деле решения глубокого вопроса о внутреннем единстве таких форм логического мышления в «Капитале» Маркса, как индукция и дедукция, анализ и синтез и т. д. Тем не менее отношение этих форм мышления к методу восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении дается в них отчасти во внешнем плане, отчасти и вовсе не раскрывается, т. е. метод восхождения от абстрактного к конкретному не берется как **разрешающая форма противоположности индукции и дедукции, анализа и синтеза,** хотя наличие всех этих форм мышления в методе восхождения от абстрактного к конкретному превосходно иллюстрируется, что является, очевидно, предварительным условием действительного раскрытия структуры теоретического мышления, движущегося от абстрактного к конкретному, структуры, стало быть, самого метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Нельзя, конечно, сказать, что указанные авторы ничего не сделали в деле раскрытия структуры теоретического мышления. Наоборот, именно они и положили начало действительному изучению этой структуры, но пока она остается для нас абстрактной: мы знаем общее направление движения мышления, но конкретно не знаем места вышеперечисленных форм мышления в этом движении, хотя из отдельных примеров видим, что они присутствуют в каждом звене марксова исследования[1].

В работе Б. Грушина основным недостатком является противопоставление исторического способа рассмотрения развития объекта логическому, как генетического — структурному.

Ограничимся пока лишь простым указанием на эти вполне оправданные недостатки, разбор которых будет

---

[1] Так, например, Э. Ильенков очень хорошо показывает случаи совпадения индукции и дедукции, анализа и синтеза, но не исследует, что получается из этого совпадения, какую более сложную форму, чем только индукция и дедукция, это совпадение принимает?

дан в тексте данной работы, для того чтобы обратить внимание читателя на следующее. Научный интерес к проблемам диалектической логики в трудах Маркса и вообще особенно возрос только за последние 10—15 лет, и недостатки, которые сопутствуют и неизбежно должны сопутствовать исследованию малоразработанных вопросов, естественно, должны быть весьма заметными. Мы не сомневаемся в том, что и настоящая работа также содержит, возможно, и более значительные упущения и будем рады всякой научной критике по ее адресу.

Вместе с тем, хотелось бы предвосхитить хотя бы некоторые замечания по поводу способа изложения вопросов, затронутых в работе. Читателю может, например, показаться неуместным и даже скучным постоянное сопоставление взглядов Гегеля и Маркса на тот или иной вопрос. Оно, однако, может быть оправдано не только указанием на историческую связь диалектики Маркса с гегелевской.

Надо сказать, что хотя гегелевская диалектика как таковая и была материалистически переработана Марксом и Энгельсом в период формирования их взглядов, однако, эта работа была выполнена лишь в решающих, главных чертах. Одним из частных, производных моментов переработки гегелевской диалектики в научную было преодоление его идеалистического взгляда на природу субъективной диалектики, диалектического мышления. Поэтому критическое отношение Маркса к гегелевской логике было, собственно, частью творческой разработки им проблем научного метода в 50-х годах XIX в. Не менее важным обстоятельством, также оправдывающим такую форму изложения вопросов темы, является и то, что буржуазные философы на Западе, как уже указывалось, до сих пор тщатся доказать, будто Маркс не внес в диалектику Гегеля ничего нового, а лишь объявил ее материалистической и только. О том, что недостатки и пороки, слабость и ограниченность гегелевской диалектики делают ее несовместимой с материализмом, что, следовательно, механическое соединение диалектики Гегеля с материализмом вообще невозможно, что лишь на материалистической основе диалектика может быть живым, непрерывно и вечно развивающимся способом мышления, — об этом они всегда предпочитают умалчивать.

В работе мы не ограничиваемся рассмотрением взглядов Маркса на вышеуказанные вопросы по его произведениям 50-х годов, хотя, как указывалось, основным предметом рассмотрения для нас послужат работы Маркса, написанные в 50-х годах 19 в. Это объясняется тем, что основные принципы, разработанные Марксом в 50-х годах, получили всестороннее применение в «Капитале», благодаря чему — об этом выше была уже речь — легче уяснить внутреннюю структуру метода логического рассмотрения предмета исследования. Кроме того, поскольку сам «Капитал» Маркса представляет дальнейший шаг вперед в разработке вопросов диалектической логики, рассмотрение его с этой стороны должно поэтому помочь еще лучше раскрыть историческое место произведений Маркса, написанных в 50-х годах 19 столетия, в истории марксистской философии вообще.

Несколько слов о значении изучения трудов Маркса, написанных в 50-х годах 19 столетия. Прежде всего, ясно, что это значение не является чисто историко-философским, ибо, как указывал Энгельс, само изучение истории философии является школой теоретического мышления. И если это верно по отношению к истории философии вообще (а это безусловно так), то это тем более верно по отношению к истории марксистской философии, которая, собственно, является не чем иным, как научной философией в ее творческом, историческом развитии. Материалистическая диалектика является основной, единственной формой теоретического развития естествознания на современном этапе науки, поскольку каждая историческая эпоха в развитии познания имеет свою, определенную форму теоретического мышления[1].

В Программе КПСС прямо указывается на значение материалистической диалектики для развития науки, современного естествознания «как единственно научного

---

[1] «Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. А это имеет важное значение также и для практического применения мышления к эмпирическим областям» (Ф. *Энгельс* «Анти-Дюринг», 1953 г., стр. 311).

метода познания»[1]. Неиссякаемым источником изучения и овладения «единственно-научным методом познания» являются произведения классиков марксизма-ленинизма.

В настоящее время материалистическая диалектика стала, можно сказать, господствующей формой мышления в науке и находится на вооружении самых передовых ученых-естествоиспытателей всего мира (П. Ланжевен, Д. Бернал и др., не говоря об ученых, работающих в странах социализма). Правда, буржуазные «исследователи» философии марксизма утверждают, будто успехи советской науки достигнуты не благодаря, а вопреки диалектическому материализму[2], но в то же время не объясняют причин того, что советский народ, начав почти на голом месте, сумел воздвигнуть такое здание науки, которое уже сейчас заметно превосходит достижения науки в капиталистических странах (при этом следует иметь в виду, что речь идет о самых новейших и сложных областях теоретического познания). Дело не только в том, что историческая необходимость приводит и окончательно приведет ученых к сознательному переходу на позиции материалистической диалектики. Истинные ученые всегда, хотят они того или нет, находятся на позициях диалектики, хотя зачастую пока это происходит стихийно. И чем сложнее область науки, тем явственнее это обстоятельство. По остроумному выражению М. Омельяновского, современная физика явно говорит языком диалектики[3]. К этому можно лишь добавить, что не все ученые-естествоиспытатели находятся на положении мольеровского Журдена.

Значение изучения философских взглядов Маркса в 50-х годах 19 в. вышеизложенным отнюдь не ограничивается. Оно имеет также и воспитательное значение в свете поставленной XXII съездом КПСС задачи по формированию научного мировоззрения советских людей. «В условиях социализма и строительства коммунистического общества, когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства

---

[1] Программа КПСС, Госполитиздат, 1961 г., стр. 127.

[2] *Günter Eifler.* „Die Stellung der Wissenschaften im historischen und dialektischen Materialismus". Meinz, 1959. S. 3—4

[3] См. журн. «Вопросы философии» № 10, 1958 г., стр. 71.

и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов»[1]. Изучение философских взглядов Маркса в 50-х годах 19 в. является неотъемлемой частью поставленной Программой КПСС вышеуказанной задачи. Мы поэтому надеемся, что данная работа в некоторой степени послужит скромным содействием в деле выполнения Программы КПСС.

История возникновения и развития марксизма есть история самой ожесточенной и беспощадной борьбы против казенных защитников наемного рабства — капиталистической эксплуатации. Она, эта история, делится на ряд основных периодов. Первый период охватывает время с революций 1848 года до Парижской Коммуны (1871 г.). В течение этого периода происходит банкротство мелкобуржуазных социалистических учений. В течение второго периода (1872—1904 гг.) «учение Маркса одерживает полную победу и — **идет вширь**»[2]. Третий период охватывает время примерно от первой русской революции 1905 г. до 1917 г. «После появления марксизма, — писал В. И. Ленин, — каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха»[3].

Эту грядущую историческую эпоху переживаем в настоящее время мы. Справедливость слов Ленина хорошо видна из многочисленных признаний самых ярых врагов марксизма сегодня. Оголтелый антикоммунист Ланге, скрепя сердце, вынужден признать, что в наше время сторонников у Маркса «больше, чем у всех остальных философских направлений». Другой противник коммунизма Гольвитцер оценивает марксизм следующим образом. «Значение марксизма в том, что он принадлежит к тем величинам (zu derjenigen Grössen) нашего времени,

---

1 Программа КПСС. Госполитиздат, 1961 г., стр. 117—118.
2 *В. И. Ленин.* Соч. т. 18, стр. 545—546.
3 Там же, стр. 547.

которые нельзя безнаказанно игнорировать при определении своей позиции»[1]. Такие же признания делают Таймер, Кёлер и др.

В настоящее время, когда история все больше и больше подтверждает истинность великого учения Маркса, Энгельса и Ленина, когда свыше одной трети населения земного шара занято практическим осуществлением идей научного коммунизма, достигая в этом больших успехов, когда на путь освободительной борьбы вступают многие народы, ища правильного выхода из мира эксплуатации и бесправия, когда в ряды коммунистических партий вливаются тысячи и миллионы, буржуазия особенно ожесточенно нападает на идеи грядущего, стремясь опорочить их, с тем чтобы отвратить от них народные массы. Не имея в своем арсенале ничего, кроме истасканной и обанкротившейся идеологии антикоммунизма, она пускает в ход все самые худшие средства для достижения этой цели. Одним из таких средств является искажение, фальсификация научного существа марксизма, замалчивание того нового, что внес марксизм-ленинизм в науку по сравнению с предшествующими учениями. И это весьма показательно, ибо, как указывал В. И. Ленин еще в 1914 году, «когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет, буржуазия **везде и всегда** прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете»[2].

В этих условиях особенно важно в интересах защиты чистоты марксизма раскрытие подлинной сущности научной идеологии рабочего класса, в том числе и философско-теоретической основы этой идеологии.

---

[1] *H. Gollwitzer.* „Marxistische Religionskritik und christlicher Glaube". В сборнике: „Marxismusstudien." Vierte Folge Tübingen 1962, S. 6

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 453.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМА ДВИЖЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ. ЕГО ВНУТРЕННЯЯ ДИАЛЕКТИКА.

В 50-х годах XIX в. бурная практическая деятельность Маркса в революции 1848—1849 гг. сменяется после ее поражения спокойным научным исследованием экономических (а также и политических вопросов, диктовавшихся необходимостью теоретически осмыслить опыт буржуазных революций 1848—1851 гг. в Западной Европе) проблем, с целью систематического политэкономического обоснования неизбежности гибели капитализма и возникновения социализма, — исследованием, которое было возможно лишь благодаря сознательному применению научного диалектического метода познания, созданного в основных чертах в 40-х годах 19 в. Такое систематическое исследование явилось вместе с тем практической проверкой нового метода, в процессе которой осуществлялось его дальнейшее развитие.

Но случайно областью научного применения материалистической диалектики оказалась в это время именно политическая экономия. Задача экономического обоснования неизбежности гибели капитализма и возникновения социализма со всей остротой встала в 50-х годах не вследствие внутренних нужд самой теории познания, а с необходимостью диктовалась внешними, объективными обстоятельствами, связанными с приближением экономического кризиса 1857 года и видами на возрождение революционных действий рабочего класса. Вопросы революции — вот что постоянно определяло характер и

направление научных изысканий Маркса в области политэкономии.

За время с 1851 по 1859 г., когда появилась замечательная работа Маркса по политэкономии — «К критике политической экономии», он изучил поистине горы литературы и др. научных данных. Помимо истории экономической теории, он проштудировал обширную литературу по конкретным отраслям экономики, в частности, работы Тука, Фуллартона, Торренса, Гарнье, Сениора, Пиля. Со свойственной ему основательностью, он изучает почти всю историю денег, ренты, связанные с последней агрохимию и геологию, проблемы народонаселения, торговлю и т. д. и т. п.

Здесь нельзя не сказать о помощи Энгельса, которую он оказывал Марксу в деле изучения конкретных данных, касавшихся работы капиталистических предприятий. Будучи непосредственно связан с «коммерцией», Энгельс очень часто консультировал Маркса, по его просьбе, относительно исчисления, например, фабрикантами и купцами той доли прибыли, которая идет в их личное потребление[1], об изнашивании машин[2] и т. д. и т. п.

Плодом многолетних трудов Маркса в 50-х годах 19 в. явилась его знаменитая работа «К Критике политической экономии», переписка с Энгельсом, о которой упомянул В. И. Ленин, и обширная рукопись 1857—1858 гг.[3], полностью опубликованная на языке оригинала лишь в 1939 году. Содержание рукописи свидетельствует о том, что в конце 50-х годов Маркс закончил выяснение не только вопросов стоимости и денег, как это видно из работы «К критике политической экономии», но и учение о прибыли, которое в политической экономии до 1858 г. было совершенно неудовлетворительно[4] и которое ему пришлось поэтому выкинуть «за борт». Энгельс совершенно справедливо указывает, что свою критику политической экономии Маркс закончил к 1859 году. Поэтому если работу Маркса «К критике политической экономии» можно назвать прологом к «Капиталу», то рукопись 1857—1858 гг. является его не менее важной подготовкой.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 184—185.

[2] Там же, стр. 313—315.

[3] *K. Marx* Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf). Berlin, 1953.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. XXII, стр. 290.

* *
*

В ранний период Маркс не останавливался подробно на вопросе о природе общественных отношений, решая его в общей форме. В конце 40-х и особенно в 50-е годы Маркс приступает к систематическому изучению определенных общественных отношений—экономических, производственных отношений буржуазного общества. В этой связи было очень важно предварительно обстоятельно разобрать их общую (материальную) природу, так как без научной гносеологической основы нельзя было браться за решение такой грандиозной задачи, свидетельством чему являются все злоключения буржуазной экономии.

В ранний период своей деятельности Маркс ставил и решал, главным образом, вопрос о материальной природе общественных отношений (в противовес гегелевской историографии, против младогегельянства, в противовес своей «прежней философской совести»). Это было время могучего становления диалектического материализма во всех областях знания — и в области природы, и в области истории общества. Материализм должен был утвердить себя во всех областях человеческого познания. Уже со второй половины 40-х годов вопрос ставится несколько иначе. Маркс разбирает преимущественно уже специфически-историческую природу материальных общественных отношений, производственных отношений между людьми (в противовес идеалистическому антиисторизму Прудона, в противовес «натуралистическому материализму» буржуазной политической экономии). Так развивалась материалистическая методология науки об обществе: сначала разрабатывается, главным образом, материалистическая сущность истории, затем — историческая сущность материализма, материальных производственных отношений, изгонявшихся экономистами из области истории в природу. В предисловии к работе «К критике политической экономии» в классической форме раскрыта зависимость истории всего общества от истории производства. Основная мысль предисловия, это — та, что специальная наука о тех или иных общественных отношениях возможна лишь на основе исторического материализма. Поэтому в «Капитале», в котором в самой полной мере и систематической форме применен

диалектический и исторический материализм, Маркс указывает, что материалистическую основу своего метода он изложил в 1859 году[1].

Особой гносеологии для науки об обществе Гегель не дал. Его диалектика — это универсальный метод обработки эмпирического материала, доставляемого специальными науками, которые, с его точки зрения, не могут быть теоретическими. Его абстрактное мышление — «единственно научный метод», который презрительно возвышается над всеми «эмпирическими науками». К «эмпирическим наукам» Гегель относил все виды конкретных знаний — и науки о природе, и науки об обществе.

Однако некоторые «исследователи» гегелевского наследства считают, что Гегель имел лишь диалектику общественного развития и к области природы ее не применял. Так, например, А. Кожев, читавший в 30-х годах в Париже лекции о Гегеле, утверждал, что хотя Гегель и приводит примеры из области природы, тем не менее создание диалектики природы — открытие всецело... Шеллинга! Он тщится доказать, что исторический материализм Маркса—не его заслуга, а... Гегеля, ибо современные апологеты империализма обычно сводят исторический материализм к диалектике Гегеля в ее применении к обществу, и антропологизму Фейербаха. Отличие Кожева от других в том, что он считает, что Марксу не приходилось брать для этого еще антропологизм у Фейербаха, ибо он содержался у ...самого Гегеля! «...Диалектическая, или антропологическая философия Гегеля есть в конце концов философия смерти»...[2].

Нет особой надобности доказывать, что Кожев фальсифицирует взгляды самого Гегеля. Беззастенчиво приписывая Гегелю основные идеи экзистенциализма, Кожев модернизирует его в интересах империалистической идеологии.

Заметим еще раз, что у Гегеля нет особой гносеологии общественных наук, а лишь спекулятивное логическое мышление, являющееся для него универсальным средством обнаружения внутренней «абсолютной необ-

---

[1] *К. Маркс,* «Капитал», т. 1, стр. 17.

[2] *A. Kojeve.* „Hegel. Eine Vergegenvärtigung seines Denkens". Stuttgart, 1958, S. 200.

ходимости предмета». «Если в эмпирических науках материал берется извне, как данный опытом, упорядочивается согласно уже твердо установленному общему правилу и приводится во внешнюю связь, — пишет он, — то спекулятивное мышление, наоборот, должно раскрыть каждый свой предмет и его развитие с присущей ему абсолютной необходимостью»[1]. Гегелевская историография не содержит никаких специфических законов движения его «абсолютной идеи». Она специфична лишь по внешней форме.

§ 1. ПРЕДМЕТ НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ФОРМА ЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Энгельс писал, что со времени Гегеля до Маркса не было сделано ни одной попытки «развить какую-нибудь науку в ее собственной, присущей ей внутренней связи». Официальная гегелевская школа совершенно не могла пользоваться методом своего учителя даже в том виде, в каком он был провозглашен им самим. Выступивший со своей критикой гегельянства Фейербах, а также бурные события 1848—1849 гг. окончательно дискредитировали гегельянство, и стало казаться, что в науке снова началось царство старой метафизики с ее неподвижными категориями. Гегелевская официальная школа так дискредитировала учение Гегеля, что в науке наметился резкий поворот от методологических вопросов в сторону исключительно эмпирического изучения положительного материала естественных наук, что не могло происходить без ущерба для самого способа мышления. Старый метафизический метод возродился в еще более ухудшенной форме вульгарными материалистами. «...Наступила эпоха, в которой положительное содержание науки снова перевесило ее формальную сторону»[2].

Задача, за которую взялся Маркс, заключалась в том, чтобы сначала решить вопрос, не относящийся как таковой к самой политической экономии, — вопрос о «ло-

---

[1] *Гегель.* Соч. т. III, стр. 29.

[2] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 233.

гическом методе» обработки[1] эмпирического материала экономической науки. Поскольку задача систематической критики буржуазной политической экономии и связного изложения законов буржуазного производства и буржуазного обмена стояла перед Марксом еще в 40-х годах, то уже тогда он ставил вопрос о логическом методе, о методе развития политической экономии («Нищета философии»).

В 50-х годах вопрос о методе логического познания науки, о применении диалектики ставится еще актуальнее. Касаясь содержания переписки Маркса и Энгельса между собой в эти годы, В. И. Ленин указывал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет **диалектика.** Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли»[2].

Вопрос о том, «как развивать науку?», был чрезвычайно важным вопросом, но на основе уже существовавшего к этому времени материалистического понимания истории было ясно, что прежняя политическая экономия стояла на неправильном пути. Форма ее развития лишь подтверждала оценку Гегелем «нефилософских наук» как только «эмпирических», «опытных». Развитие наук, в том числе и естествознания[3], в XVIII в. было эмпирическим. Естествознание в начале XIX в. начало стихийно переходить на путь теоретического развития. Что касается политической экономии, то она все еще шла по пути

---

[1] Под логическим методом обработки эмпирического материала следует иметь в виду не кантовскую деятельность рассудка, заключающуюся во внешнем упорядочении эмпирического материала, а метод обнаружения внутренней связи в эмпирическом, т. е. метод, собственно, исследования внутренних связей, закономерностей эмпирически данного предмета.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 503.

[3] См., например *Энгельс.* «Диалектика природы», 1950 г., стр. 154—155.

аналитического выделения отдельных абстрактных экономических категорий, не умея совершенно ими пользоваться в силу метафизического способа мышления, неизбежно связанного с эмпирическим методом исследования. Политическая экономия должна была подняться до уровня теоретической науки, но в теоретической области, как указывал Энгельс, эмпирические методы бессильны, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление[1].

С политической экономией XIX в. происходило то же самое, что и с естествознанием, которое под давлением своих же собственных результатов вынуждено было вступить в теоретическую область. Придя к таким важнейшим категориям, как стоимость, капитал, зарплата и т. д., буржуазная политическая экономия стала сплошь и рядом натыкаться на противоречия, будучи не в силах разрешить их (например, противоречие между законом стоимости и ценой, капиталом и т. д.) при помощи плоского метафизического метода, подвергнутого критике в свое время еще Кантом (в его антиномиях) и позже Гегелем. В XIX веке буржуазные экономисты не могли обратиться к уже возникшей диалектике Гегеля в силу своих классовых позиций. Будучи лишь толкователями и апологетами законов капитализма[2], они не смели становиться на путь научных обобщений и раскрытия исторически специфических, глубинных законов капиталистического общества. Критикуя Струве в 1914 году, В. И. Ленин, по существу, указал истинные причины кризиса буржуазной политической экономии, начавшегося еще 100 лет тому назад: «Отчаяние в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких «законов» исторического развития, загородить **лес** — деревьями, вот классовый смысл того модного буржуазного скептицизма, той мертвой и мертвящей схоластики, которые мы видим у г-на Струве»[3]. «Пресловутый эмпиризм» г-на Струве состоит в изгнании из науки неприят-

---

[1] См. *Ф. Энгельс* «Диалектика природы», 1950 г., стр. 22.

[2] Здесь имеются в виду вульгарные экономисты, которые в отличие от классической политэкономии физиократов, А. Смита и Д. Рикардо отказались от всяких попыток научно понять явления капиталистического производства в их внутренней связи.

[3] *Ленин*, Соч., т. 20, стр. 179.

ных для буржуа обобщений, которые все же приходится признавать, так сказать, неофициально»[1]. Уже из этих слов В. И. Ленина видно, что применение диалектического метода к политической экономии было вообще возможно только с позиций рабочего класса.

Бессилие эмпиризма буржуазной науки XVIII в., особенно политической экономии, нашло свое косвенное философское выражение в скептицизме Юма и Канта. Отрывая эмпирическое от «вещи в себе», от сущности[2], ставя вопрос о несоответствии явления сущности, Кант тем самым невольно выразил невозможность проникновения буржуазной науки за область явления, эмпирического — в «вещь в себе», в сущность предмета. Проявлением бессилия, неуверенности, колебания и половинчатости буржуазной науки, как только она все же осмелится проникнуть за область явления, служил агностицизм также и в антиномиях Канта. Выходя за область эмпирического, человеческое мышление наталкивается на «неразрешимые противоречия»[3], имея дело с одинаково правомерными и, казалось бы, совершенно исключающими друг друга положениями. Буржуазные экономисты, натолкнувшиеся на вышеупомянутые противоречия, не отбросили ни одну из полученных экономических категорий, а лишь оставили противоречия не разрешенными. В этом была и гениальность и слабость представителей классической политической экономии[4], в отличие от вульгарных экономистов — Мальтуса, Мак-Куллаха и др.

Если философия Локка и материалистов XVIII в. служила философско-теоретической основой восходящего

---

[1] *Ленин.* Соч., т. 20, стр. 182.

[2] См. *Ленин* «Философские тетради», 1947, стр. 177.

[3] «К несчастью для теории (быть может, к счастию для практической цели человека), — писал Кант, — среди самых великих надежд своих, разум видит себя очутившимся среди хаоса самых противоречащих друг другу оснований» (*И. Кант.* «Критика чистого разума». С-Пб, 1867, стр. 381).

[4] Небезынтересно в этой связи свидетельство В. Гейзенберга об Эйнштейне, который «...также не мог оспаривать наличие полного противоречия между своей гипотезой световых квантов и волновыми представлениями. Эйнштейн даже не пытался устранить внутренние противоречия своей интерпретации. Он принял противоречия как нечто, которое, вероятно, может быть понято много позднее благодаря совершенно новому методу мышления». (*В. Гейзенберг* «Физика и философия». М. И—Л, 1963, стр. 15).

движения буржуазно-экономической мысли на эмпирической стадии ее развития, то философия Канта явилась, так сказать, теоретическим обобщением истории человеческого познания XVIII столетия на стадии ее переломного момента, когда эмпирический способ познания оказался недостаточным и требовался переход к теоретическому способу развития науки.

Первым, кто научно поставил вопрос о диалектическом выходе за пределы эмпирического, был Гегель. Критикуя Канта, Гегель подчеркивал, что тот узаконивает бессилие прежней науки, и «не идти дальше явления и того, что в обыденном сознании получается для простого представления, значит отказываться от понятия и от философии»[1].

Безусловно, чтобы познать, «нужно эмпирически начать понимание», изучение, от эмпирии подниматься к общему.

Гегель подразделял познание на три формы: форму 1) «опыта», или «непосредственного знания», 2) «отношений рефлектирующей мысли» и 3) «чистого мышления». «Форма мышления есть абсолютная форма»..., «наиболее совершенный способ познания»... по сравнению с остальными, которые квалифицируются как «конечные формы»[2]. Правда, поскольку мышление само бесконечно, по Гегелю, оно должно присутствовать везде, в том числе и в предыдущих формах познания. Однако мышление в этих «конечных формах» само существенным образом ограничивается.

Опытное, эмпирическое познание, например, «дает нам многочисленные и, пожалуй, бесчисленные одинаковые восприятия... Эмпирическое наблюдение точно так же доставляет нам восприятие следующих **друг за другом** изменений, или **лежащих рядом друг с другом предметов,** но оно не показывает нам **необходимости** связи. Так как восприятие должно оставаться основой того, что признается истинным, то всеобщность и необходимость кажутся чем-то неправомерным, субъективной случайностью» и т. д.[3]. Для эмпиризма поэтому лишь внешнее составляет вообще истинное и поэтому познание «сверх-

---

[1] *Гегель,* Соч., т. VI, стр. 243—244.
[2] См. *Гегель.* Соч., т. 1, стр. 58.
[3] *Гегель,* Соч. т. 1, стр. 82—83.

чувственного», если оно существует, невозможно. Гегель замечает, например, что юмовский скептицизм кладет в основание лишь «истинность эмпирического, чувства, созерцания» и оспаривает «всеобщие определения и законы». Эту критику агностицизма юмовского эмпиризма Гегелем очень высоко оценил Энгельс[1].

Важным результатом кантовской философии Гегель считает положение о том, что предметы нашего непосредственного, опытного познания постигаются лишь только как «явления», «что они имеют основание своего существования не в самих себе, а в чем-то другом»[2]. Высокая оценка Гегелем кантовской постановки вопроса о внутренней сущности вещей, отличной от явлений, сопровождается его критикой субъективно-идеалистического утверждения Канта о том, что эти явления по своей природе субъективны. Истинное положение вещей таково, по Гегелю, что вещи суть явления «не только для нас, но также и в себе», откуда, естественно, напрашивается неизбежный вывод о возможности познания вещи в себе, ибо она объективно связана с явлением.

Резкой критике подвергается Гегелем также кантовское понимание мышления, или «деятельности разума», которая заключается лишь в простой «систематизации доставляемого восприятием материала посредством применения категорий, т. е. во внешнем его упорядочении, и принципом разума является при этом только непротиворечивость»[3]. Согласно Канту, категории мышления суть лишь пустые формы, содержание которым доставляется чувственным познанием. Гегель совершенно справедливо отвергает это кантовское положение, доказывая, что формы мышления должны быть содержательными, иначе переход от одной категории к другой не будет носить характера необходимости, связь между ними будет не внутренней, «имманентной», а случайной и внешней, поверхностной. Отмечая, что «для того, чтобы быть содержанием, требуется нечто большее, чем один лишь чувственный материал», Гегель идеалистически сводит содержание категорий мышления к определениям мысли, к самим «категориям» логики, к «собственной дея-

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Диалектика природы», 1950, стр. 182.
[2] См. *Гегель.* Соч. т. 1, стр. 92—93.
[3] *Гегель.* Там же, стр. 105.

тельности логической идеи», ставя тем самым вопрос о содержании категорий мышления в отрыве и вне связи их с объективными диалектическими закономерностями развития предмета. Если деятельность мышления заключается в диалектике понятий, как утверждает Гегель, то следует иметь в виду, что диалектика понятий в свою очередь совпадает с диалектикой **специфических законов** развития предмета.

Уже отсюда вытекает возможность развития положительной науки в форме теоретического познания, в форме диалектического мышления. Однако гегелевская концепция довольно откровенно игнорирует такую возможность. Согласно его точке зрения, лишь философия является наукой об истине, следовательно, истинной наукой. Все остальные науки не являются таковыми, так как они неспособны развиваться в форме «бесконечного», «чистого мышления». Первое различие между рассудком и разумом, говорит Гегель, дал Кант, как различие между познаниями, имеющими своим предметом «конечное» (рассудок) и «бесконечное» (разум)[1]. Предметом нефилософских наук является «конечное», поэтому они развиваются или в форме опытного познания, или в лучшем случае в форме «рассудочной рефлексии». Он считал в порядке вещей, что положительные науки должны развиваться в форме «конечного мышления». Метафизику Гегель считает «минувшей» лишь с точки зрения истории философии, сама же она везде и повсюду существует, так как она является «чисто рассудочным воззрением» на предметы и поэтому ее существование в других областях вполне естественно.

В противоположность метафизике, которая имеет дело только с готовыми, неподвижными рассудочными определениями, истинно философское мышление призвано преодолеть то, что фиксировано рассудком. Деятельность рассудка состоит вообще в том, что она сообщает своему содержанию «форму всеобщности», и всеобщее это есть лишь «абстрактно-всеобщее», которое, как таковое, фиксируется в противоположность особенному и уже вследствие этого само оказывается только особенным.

[1] Гегель отмечает, правда, что Кант не справился с этим различием, ибо не сумел понять деятельности разума последовательно диалектически, т. к. в своих антиномиях не раскрыл всеобщей природы диалектики.

Правда, поскольку рассудок действует по отношению к своим предметам «разделяющим и абстрагирующим образом», то он тем самым представляет собой противоположность непосредственному содержанию и чувству, которые всецело имеют дело только с особенным и единичным, и уже поэтому является предварительной ступенью логического мышления, даже его моментом, включенным, правда, в логическое лишь в снятом виде. Это значит, что само мышление в начале процесса познания действует как рассудок. Рассудок есть поэтому «первая форма логического». Так как «рассудочные определения во всяком случае не представляют собой последнего результата», диалектическое мышление снимает их, заставляя переходить их в свои противоположности и обнаруживая тем самым их односторонность и ограниченность, фактическое «отрицание самих себя». «Диалектика есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собою принцип, который один вносит в содержание науки **имманентную связь и необходимость,** равно как в нем заключается подлинное, а не внешнее, возвышение над конечным»[1].

В этом гимне диалектическому мышлению содержится та рациональная мысль, что лишь благодаря диалектическому мышлению раскрывается «имманентная связь и необходимость» предмета, если материалистически «перевернуть» это гегелевское положение. Это материалистическое «переворачивание» необходимо, т. к. непосредственно в гегелевской формулировке эта мысль означает что диалектика «вносит в содержание науки» эту «имманентную связь и необходимость». Никакая другая наука, кроме философии, не является диалектической, следовательно, истинной наукой. Даже теология не является истинной наукой о вере. Она могла бы стать таковой лишь в том случае, если бы перешла «... к постигающему в понятиях мышлению, которое представляет собою задачу философии. Истинная теология, таким образом, есть по существу своему вместе с тем и философия религии»...[2]. Истинная наука о праве, таким образом, есть «философия права», истинная история — «философия истории» и т. д. и т. п. Истинно научной политической экономией, с этой

[1] *Гегель.* Соч. т. 1, стр. 185.
[2] Там же, стр. 75—76.

точки зрения была бы «философия политической экономии», которую безуспешно пытался создать Прудон.

В 1844 году Маркс дал уничтожающую критику этой концепции Гегеля с позиций воинствующего материализма. Он показал тогда, что вообще предметом любой науки является не само по себе духовное, не мышление, хотя бы даже диалектическое, а материальная действительность. В 50-х годах Маркс ставит вопрос о «теоретическом методе политической экономии»[1]. Это значит, что философия теряет монополию на истинно научное мышление, диалектический метод. Позже Энгельс указал на историческое значение этой постановки вопроса[2]. Положительная наука сама по своей природе должна развиваться диалектически, а это значит, что отныне по своей форме она становится теоретической.

Если теоретическая форма познания была вызвана к жизни всем ходом развития самого познания, его содержания, то возникшая теоретическая форма познания не могла в свою очередь не повлиять на характер процесса познания. Эта постановка вопроса Кантом и особенно Гегелем имела колоссальное значение для теории познания. Речь идет о постановке вопроса об **активности** и относительной самостоятельности человеческого познания по отношению к объекту познания. Кант поставил вопрос в самом широком и общем плане как вопрос об активности субъекта, субъективного. Уже этим он существенно облегчил понимание категорий мышления как субъективных форм духовного освоения человеком объекта. Сознание человека есть «как бы плавильная печь, огонь которой пожирает безразличное друг к другу многообразие и сводит его к единству... Этим во всяком случае правильно выражена природа всякого сознания. Человек стремится вообще к тому, чтобы познать мир, завладеть им и подчинить его себе и для этой цели он должен как бы разрушить, т. е. идеализировать реальность мира»[3]. Вместе с тем, Гегель тут же критикует субъективизм Канта с позиций объективного идеализма. Он отмечает, что это единство, которое сознание вносит в многообра-

---

[1] См. *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1950, стр. 214.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, 1948, стр. 124.

[3] *Гегель.* Соч., т. 1, стр. 88.

зие мира, имеет своим источником не субъективное, не сознание человека, а оно само существует объективно, «абсолютно», вне человека. Лишь благодаря этой активной деятельности человеческого мышления по преобразованию эмпирического материала, чувственных данных и возможно раскрытие внутренне единого содержания объекта. Лишь превратив эмпирическую связь двух следующих друг за другом явлений в мысленную связь, в связь категорий причины и следствия, мы можем познать ее сущность.

Ценная мысль Гегеля о том, что «внутреннее **содержание**» вещей можно раскрыть лишь благодаря активной творческой деятельности человеческого мышления, вместе с тем, страдает колоссальной внутренней ограниченностью, которую можно преодолеть только с позиций диалектического материализма. Она заключается в том, что активность человеческого мышления рассматривается в отрыве от человеческой практики. Практика должна не только служить критерием истинности, окончательной проверкой наших знаний. Она должна быть органически включена в человеческое познание и в том смысле, что благодаря практическому преобразованию эмпирического мира человеком делается возможным и его духовное, идеальное преобразование. Самой человеческой практикой как бы создаются, например, абстракции в действительности и их диалектическое движение. Это хорошо показал Маркс на примере абстракции «труд вообще» в буржуазной политической экономии, о чем будет еще идти речь. Если бы человеческая общественная практика не привела в самой действительности к «абстракции труда», то и человеческое познание не пришло бы к этому понятию. Таким образом, активность человеческого мышления неотделима от практической активности человека[1].

Из активности процесса познания вполне естественно и закономерно вытекает и его относительная самостоятельность. В чем она заключается? По Гегелю, «само-

---

[1] «Адаптивной форме поведения соответствует и адаптивная форма психики, активно-творческой форме жизнедеятельности соответствует сознание, мышление, разум» (*Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Баканидзе* «Проблемы логики и диалектики познания». Алма-Ата, 1963 г., стр. 157). Хороший анализ практической основы активности рационального познания дан в главе III цитированной работы.

стоятельность» разума, «свобода» мышления заключается в том, что движение его является исключительно «внутренним», «спонтанным», без всякого «побуждения» со стороны «внешнего толчка». Под последним понимается, конечно, материальный объект, предмет познания. Подобно тому, как внутренняя активность мышления понималась Гегелем идеалистически, как исключительно ему присущая способность, подобно этому и самостоятельность процесса теоретического познания человека рассматривается им как «независимость разума», как его «абсолютная самостоятельность внутри себя».

Как увидим ниже, Маркс также признает внутреннюю диалектическую связь категорий мышления между собой, их логическое выведение друг из друга, непосредственно не соответствующее в известной степени, например, историческому развитию предмета, однако здесь существует принципиальная разница, на которую предварительно следует вкратце указать. Во-первых, необходимая связь понятий **всегда** определяется внутренней связью в действительных, реальных предметах. Во-вторых, даже несовпадение логического отражения предмета с реальным историческим развитием также обусловливается внутренней необходимостью последнего. Наконец, в-третьих, сама логическая форма отражения предмета настолько не абсолютна, что имеет свои собственные границы, за которыми она бессильна, т. е. неприменима. Все это подробнее выяснится ниже. Отсюда следует, что процесс логического познания предмета обладает отнюдь не абсолютной самостоятельностью по отношению к объекту познания, а лишь относительной. В. И. Ленин указывал, что Маркс примыкает к Гегелю[1], критически используя гегелевскую диалектику логического познания, его диалектическую логику. Это критическое использование рациональных моментов гегелевской диалектической логики Марксом в 50-х годах означает **новый этап** в его отношении к философскому наследию Гегеля. Идеалистический взгляд Гегеля **на внутреннюю природу самого процесса** познания, логического мышления окончательно диалектически преодолевается в 50-х годах XIX в.

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Философские тетради, стр. 183.

К 50-м годам диалектика Гегеля была выделена из всей его философии как «рациональное зерно», а идеализм и метафизическая система — отброшены Марксом и Энгельсом как ненужный, старый философский хлам. Критическая переработка гегелевской диалектики заключалась в том, что была раскрыта **связь ее основных положений** с диалектическими законами объективной реальности, извращенным выражением которых она являлась. В 50-х годах в связи с систематическим исследованием всей совокупности производственных отношений капитализма и выработкой метода логической обработки колоссального эмпирического материала, представлявшего собой хаотическое нагромождение друг на друга внешне совершенно не связанных, казалось бы, случайных явлений, встала задача использования диалектики Гегеля для разработки диалектической логики. Сюда, как уже известно, относились такие проблемы, как проблема формы познания субъектом объекта, проблема специфических внутренних законов движения познания, проблема «начала», или исходного понятия науки и т. д.

Научная диалектическая логика как часть диалектики, как диалектика самого мышления была специально разработана Марксом в ходе его экономических исследований, изучения эмпирических данных. При этом, критическое использование логического метода Гегеля отличалось от критической переработки его диалектики в 40-х годах. Если в 40-х годах гегелевская диалектика выступала непосредственно как необходимая теоретическая предпосылка возникновения научного метода, то уже в 50 годах научный метод развивается независимо от гегелевского, рассматривая отдельные его положения лишь как подсобный материал. Сам Маркс 14 января 1858 года в своем письме к Энгельсу сообщал, что «для **метода** обработки материала большую услугу оказало» ему то, что он «по чистой случайности снова перелистал «Логику» Гегеля», которую, среди других его книг прислал Марксу в подарок Фрейлигрaт[1]. Дело не только в том, что Маркс «по чистой случайности» обращается к «Логике» Гегеля, но и в том, что это обращение имеет место позже, чем Маркс набросал «Введение» к работе «К кри-

---

1 См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXII, стр. 290.

тике политической экономии», в котором излагает свой метод исследования[1]. Само использование гегелевского метода носит частный характер.

Еще в 1843 году Маркс критиковал Гегеля за то, что в центре его философского внимания находится не логика самого дела, а дело логики, Маркс тогда уже выдвигал в качестве основной задачи науки «раскрытие специфической логики специфического предмета». Теперь же он вполне определенно указывает на то, что движение теоретического мышления не должно отличаться от движения специфической логики конкретной науки. Т. е. логика как философия, как теория познания не должна отличаться от логики самой науки, раскрывающей особые законы развития своего предмета. То общее логическое, что содержалось в специальных науках, Гегель в силу своей гносеологической концепции оторвал от специальных наук, оставив на их долю лишь пассивный материал, их специфически эмпирический материал, хотя объективно, стихийно это общее теоретическое порождалось самим ходом их собственного развития. Гегель поэтому создал представление о методе, как о чем-то **внешнем** по отношению к конкретным наукам[2]. Следовательно, логика Гегеля, согласно его точке зрения, является методом развития не положительной науки, **а лишь философии.** На долю же «эмпирических», «опытных» наук достается старый метод, который был создан еще до самого Гегеля. «Опытные науки нашли для того, чем они должны быть, свой особый метод, метод дефинирования и классифицирования своего материала, насколько это возможно»[3].

«Насколько это возможно», «дефинировала и классифицировала» и прежняя политическая экономия. Но несовершенство ее формального, не раскрывающего внутренние необходимые связи метода не должно быть объяснено ее ограниченной природой. Напротив, ее ограниченная природа объясняется в значительной степени несовершенством ее формального, метафизического ме-

---

[1] На это-то обстоятельство и не обращает внимания Лефевр, когда ставит методологические занятия Маркса в зависимость от этого факта.

[2] См. *Гегель.* Соч., т. V, стр. 19.

[3] Там же, стр. 32.

тода. Прежняя политическая экономия не могла подняться выше образования ряда довольно простых абстракций, чтобы начать оперировать ими. Это был предел ее возможностей. Но с образования абстракций, собственно, и должно было начаться действительное развитие науки. Гегель поэтому поступал весьма великодушно, снисходительно зачисляя в разряд «прикладной логики» науки, которые состоят в том, «чтобы облекать свой предмет в формы мысли и понятия»[1].

Необходимо было преодолеть наметившийся разрыв между диалектическим методом и политической экономией. Этот разрыв можно было преодолеть путем критического отношения как к гегелевскому методу, так и к политической экономии. Сам Гегель, зафиксировавший и узаконивший этот разрыв, был постольку прав против старой науки, поскольку она на самом деле была преимущественно эмпирической.

Маркс еще в 40-х годах отверг идеалистическую концепцию Гегеля, согласно которой философское познание является самой высшей формой познания, а истины «нефилософских» наук, являются-де несущественными, не столь значительными. В 1843 году, критикуя гегелевскую философию права, Маркс подверг острой критике попытку Гегеля применить свою логику к обществу как попытку представить реальное движение вещей в качестве движения законов гегелевской логики. В «Святом семействе» был раскрыт формализм гегелевской теории познания[2], основанной на идеализме. Таким образом, уже в 40-х годах Маркс ставил и решал вопрос о философии как методе и теории познания конкретных наук. Логика должна превратиться из самоцели в способ научного познания. Положительные науки, в частности политическая экономия, не должны служить основой, подтверждающей «абсолютные истины» идеалистической логики, а сама логика, ее истины, законы должны быть

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 221.

[2] Совершенно справедливо поэтому замечание Кешелава В. о том, что «гегелевский метод в том законченном виде, в каком оставил его философ, не годится для познания действительности; он скорее есть средство систематизации идей своей эпохи — не метод познания, а метод иллюстрации и конструкций» *(Кешелава В.* «Миф о двух Марксах», стр. 110).

поставлены на службу конкретного, специального познания.

Только посредством понятий могут быть познаны законы движения предмета. Каждое понятие есть момент, ступенька в познании человеком объективных закономерностей развития предмета. Каждая абстракция, если она не вздорная, а серьезная, правильная, научная, отмечал В. И. Ленин, отражает предмет «глубже, вернее, полнее», чем чувственные данные[1]. «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними, — писал В. И. Ленин, — **уже включают** в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира... Гегель много глубже, следовательно, чем Кант и др., прослеживая отражение в движении понятий движения объективного мира. Как простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного, товара на другой, уже включает в себе в неразвернутой форме **все** главные противоречия капитализма, — так уже самое простое **обобщение,** первое и простейшее образование **понятий** (суждений, заключений е. т. с.) означает познание человека все более и более глубокой **объективной** связи мира»[2]. Весь смысл той задачи, выполнение которой являлось непременным, так сказать, условием возникновения всякой теоретически последовательной науки, в том числе экономической, заключался в том, чтобы поднять ее на уровень логического развития. Здесь само собой разумеется, что речь идет о диалектической логике. Это требование к форме развития науки классически сформулировал Ленин, материалистически «переворачивая» Гегеля: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий законов е.т.с., каковые понятия, законы е.т.с. (мышление, наука-«логическая идея») и **охватывают** условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут **действительно,** объективно **три** члена: 1) природа: 2) познание человека, мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия,

---

[1] *Ленин,* Философские тетради, 1947 г., стр. 146.

[2] **Там же,** стр. 153.

законы, категории e.t. c.»[1]. Гегелевские слова о том, что «именно дух познает в природе логическую идею, и, таким образом, возвышает природу к ее сущности», о том, что логическая идея есть «абсолютная субстанция как духа, так и природы, всеобщее, всепроникающее» и т. д. и т. п., — эти слова в материалистическом истолковании В. И. Ленина приобретают глубокий смысл, имеющий большое значение для понимания формы развития науки. Диалектическая логика не как самоцель, не как метод исключительно **философского** познания, а как метод развития конкретных наук «становится единственно правильной формой развития мыслей, — писал Энгельс. — Выработку метода, который лежит в основе Марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает материалистическому основному воззрению»[2].

Никакая наука, таким образом, не может обойтись без применения законов и категорий материалистической диалектики, и чем сознательнее это применение, тем плодотворнее оно для развития науки. Диалектическая логика превращается в единственно правильную форму развития научной мысли, науки, занимающейся изучением специфических законов движения определенной области мира. Не может быть двух отличных друг от друга методов мышления: один — для «опытных наук», другой — для философии, как полагал Гегель. Диалектический метод не прикладывается, скажем, к политической экономии как внешняя форма, а совпадает в общем и целом с логикой самой политической экономии, так как объективно действующие законы политической экономии по своей природе также диалектичны, суть частный случай диалектики (Ленин).

Считать, что диалектичны только законы мышления, но не материальной действительности, значит становиться на точку зрения Гегеля, но не марксизма. Однако, Таймер, описывая гегелевскую точку зрения на диалектику, выдает ее за сущность диалектики вообще. Рассматривая диалектику исключительно как субъективный способ рассуждения и оперирования фактами («Диалек-

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947 г., стр. 156—157.

[2] *К. Маркс.* «К критике политической экономии»., 1950 г, стр. 235.

тикой может быть все, решительно все доказано», — говорит он), чего нет даже у Гегеля, Таймер уверенно заявляет: «Не в установлении того, что в истории имеются противоречия—в них нет никакого недостатка,—а в утверждении, что они разрешаются чисто по разумным принципам (nach vernünftigen Grundsätzen), состоит сущность диалектики. В действительности они по большей части хаотичны»[1].

Таким образом, если не считать субъективистского понимания сущности диалектики, которая дескать все доказывает, перед нами — гегелевская концепция, согласно которой диалектично лишь развитие разума, что касается мира материальных вещей, то здесь нет закономерной диалектической связи и развития, и противоречия, которые носят, главным образом, внешний характер, остаются не разрешенными. Но что может иметь общего эта концепция с материалистической, согласно которой противоречия идеальные являются лишь выражением материальных противоречий, и, следовательно, разрешение их на «разумных принципах» возможно лишь в том случае, если возможно их разрешение в объективной реальности?

После того как были раскрыты теоретические основы науки об обществе, стало ясным, что она должна начинаться с политической экономии. Политическая экономия — важнейшая область науки об обществе, на базе которой можно легко уяснить себе остальные общественные процессы и отношения. Разработав политическую экономию капитализма, можно было неопровержимо доказать неизбежность его гибели вместе со всей политической, правовой и т. д. надстройкой, исходя из специфических внутренних законов его экономического движения.

Относительно науки об экономической жизни общества Гегель занимал весьма определенную позицию пренебрежения, «Гражданское общество» — объект политической экономии. Сама политическая экономия — это «одна из тех наук, которые возникли в новейшее время, — пишет он в своей «Философии права», — так как имеют последнее своей почвой. Ее развитие являет интересный пример того, как **мысль** (см. Смит, Сэй, Рикардо) в бес-

1 *W. Teimer.* „Der Marxismus...", S. 32.

конечном множестве частных фактов, которые она ближайшим образом имеет перед собой, отыскивает простые принципы предмета, действующий в нем, управляющий им рассудок»[1]. Ни о какой «логической идее», «понятии» в мире потребностей и частных интересов не может быть и речи. Поэтому политическая экономия, хотя и отыскивает в этой сфере «необходимость», хотя и «делает честь мысли, потому что она, имея перед собой массу случайностей, отыскивает их законы»[2], тем не менее она изучает здесь не «понятие», а «рассудочные определения», частные, эмпирические законы, а не логические законы, т. е. не законы высшего порядка.

«Простые принципы предмета» старая политическая экономия действительно искала, но это вовсе не значит, что она имеет дело только с «рассудком», а не с «разумом», как выражается Гегель, что она должна развиваться эмпирически, а не логически. Это ограниченное представление Гегеля объясняется, как отмечалось, состоянием самой политической экономии. Законы политической экономии не должны быть только частными, разрозненными, простейшими законами, не связанными друг с другом в определенную целостную систему.

В мире экономической жизни можно проследить «разумный» ход развития, и Маркс, исследуя природу кризисов в 50-х годах, раскрывает логический ход развития экономики буржуазного общества, точно предсказывая наступление экономического кризиса. Указав в своем письме к Энгельсу от 26 сентября 1856 г. на то, что кризис должен разразиться не позже зимы 1857 года, что дело примет такие «общеевропейские размеры», как никогда раньше, и что это должно послужить питательной почвой для революции, как подчеркивает он и в письме от 11 июля 1857 г., Маркс в ноябре торжествующе отмечает, что его предвидение блестяще сбывается. «И даже замедления, — шутит он, — мне кажутся такими логичными, что даже Гегель, к своему великому удовлетворению, нашел бы «понятие» в «эмпирическом беспорядке мира конечных интересов»[3].

Критика абстрактной гегелевской логики, ее оторван-

---

[1] *Гегель*, Соч., т. VII, стр. 217.
[2] Там же, стр. 218.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXII, стр. 251.

ности от развития наук — лишь одна сторона дела. Другая сторона — критика метода мышления буржуазных экономистов. Эти две стороны Марксовой критики взаимно дополняли друг друга, так же как и оба метода — гегелевский и буржуазных экономистов — приводили к одинаковому выводу о вечности категорий, хотя и являли собой пример крайней противоположности. Самым лучшим примером тому являлась система Прудона. Абстрактно-диалектический метод Гегеля в своих результатах вполне уживался с метафизичностью буржуазной политической экономии и приводил к тем же апологетическим результатам, что и метод последней. Если законы гегелевской логики носили умозрительный характер и легко приспосабливались к любому содержанию, то положения буржуазной политической экономии становились бессодержательными, когда они относились ко всем формам производства. Такой, например, экономический закон, как закон стоимости, имеющий значение лишь для нескольких исторически-определенных форм общественного производства, подсовывался буржуазной политической экономией как всеобщий закон производства в том духе, что, поскольку существует человеческий труд, он всегда создает стоимость; но такое представление основано в свою очередь на абстрактном понимании труда как источника стоимости, или точнее — непонимании того, что не всякий труд является источником стоимости, а лишь «специфически общественная форма труда». Классическая политическая экономия уяснила себе, что источником общественного богатства является **труд вообще**, но поскольку под общественным богатством буржуазная политическая экономия имеет в виду специфически буржуазную форму богатства — стоимость, то источник стоимости отождествляется с источником всякого материального богатства — трудом вообще.

Критика способа образования и понимания абстракций в буржуазной политической экономии будет дана в следующем параграфе. В данном случае ставилась цель провести аналогию между бессодержательностью категорий буржуазной политической экономии и гегелевской логики. Всеобщность как категорий политической экономии, так и логики Гегеля, имеет своим результатом допущение неизменности и вечности предмета познания. Если Гегель шел от общего к эмпирическому, а эконо-

мисты от эмпирического к общему, то Прудон, примирив эти два противоположных пути познания в своей «метафизике политической экономии», показал лишь родство этих двух абстрактных путей познания[1]. Прудон не игнорировал эмпирических данных, но в то же время он подходил к ним по-гегелевски, исходя из готовых абстрактных категорий политической экономии, которые объявлялись вечными. У него, как и у Гегеля, история имеет место лишь в эмпирии, но до тех пор, пока она не станет вполне соответствовать извечно существовавшим в готовом виде категориям политической экономии. Это и есть «метафизика политической экономии», т. е. возможная гегелевская философия политической экономии.

Маркс следующим образом определяет предмет политической экономии. «Предмет исследования — это прежде всего — **материальное производство.**

Индивидуумы, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидуумов, — таков, естественно, исходный пункт»[2]. Эта формулировка предмета политической экономии принципиально отлична как от гегелевского, так и от буржуазно-экономического понимания предмета политической экономии. Первая часть формулировки исключает главным образом идеалистическое, а вторая часть — метафизическое, антиисторическое понимание предмета экономической науки.

Политическая экономия в своей сущности есть отражение в сознании человека внешней объективной реальности, есть отражение в форме понятий и категорий материальных процессов действительности, законов развития **«материального производства».** Что касается диалектической **логики,** то она есть лишь способ мышления, отражающего в форме понятий, категорий законы этого материального производства, причем это отражение не должно быть абстрактным отражением самых простых

---

1 Как метко заметил В. Кешелава, «...Маркс развенчал на примере экономической метафизики Прудона гегелевскую диалектику и показал, что распад органической общественной структуры на отдельные системы есть не выкидыш, свидетельствующий об антидиалектических грехах Прудона, а зрелый плод идеалистической диалектики Гегеля» *(Кешелава В. В.,* «Миф о двух Марксах», стр. 109).

2 *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1950, стр. 193.

и всеобщих, ничего не выражающих черт и «принципов» предмета исследования. Речь идет об «общественно-определенном производстве индивидуумов» и, следовательно, самые простые, всеобщие, абстрактные «принципы», с которых начинает буржуазная политическая экономия, еще не раскрывают внутренней сущности данного способа производства, а лишь замазывают **существенные различия,** которые только и характеризуют степень развития предмета, его специфическую сущность.

Метафизический взгляд на предмет, который находится в круговом движении, представляющем собой повторение одного и того же, не ведущем к возникновению нового, которое (движение) присуще всем ступеням человеческой истории, — этот взгляд не мог служить правильной основой для строгого определения предмета политической экономии. Буржуазные политэкономы говорят поэтому о всеобщих законах **производства вообще,** не догадываясь, что это всеобщее производство само есть нечто многократно расчлененное и выражается в различных определениях. Без этих всеобщих черт, безусловно, немыслимо никакое производство, «однако, — как замечает Маркс, — хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие. Определения, которые действительны для производства вообще, должны быть выделены именно для того, чтобы из-за единства, которое вытекает уже из того, что субъект — человечество — и объект — природа — одни и те же, не было забыто существенное различие»[1].

Характерно, что тот же самый гносеологический порок Маркс критиковал в «Святом семействе», имея в виду идеалистический метод познания Гегеля в действии. На примере с минералогом, наука которого сводилась бы лишь к тому, чтобы произносить слово «минерал» ровно столько раз, сколько существует действительных минералов, Маркс показал бесплодность метода, объявляющего всеобщие свойства предмета наиболее существенными, а особенные, специфические — не существенными.

Мы видим, что с 1843 года, когда была написана

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, 1950, стр. 195—196.

«Критика гегелевской философии права», через «Святое семейство» до написания первой систематической работы по политэкономии «К критике политической экономии», Маркс постоянно ставит вопрос о познании внутренней сущности «специфического предмета», решая его каждый раз все более конкретно. В замечаниях, направленных против буржуазной политической экономии, конкретно раскрывается роль всеобщих определений предмета и их соотношение сего специфическими различиями. Это различение всеобщих и специфических определений является предварительным условием научного познания, приступающего к исследованию своего объекта. Забвение этого различия ведет не только к увековечению законов буржуазного производства, но и к бессодержательным рассуждениям тавтологического порядка, которые, как мы увидим, приводят к топтанию мысли на одном и том же месте, к «порочному кругу», разорвать который буржуазная политическая экономия не в силах из-за своего метафизического метода исследования и неумения пользоваться всеобщими определениями предмета, этими абстрактными моментами, «с помощью которых ни одной действительной исторической ступени производства понять нельзя»[1], если ограничиваться ими, не выделять их именно для того, чтобы не было забыто «существенное различие».

В свете всего сказанного политическая экономия выступает как наука, теоретически отражающая свой предмет в его непрерывном историческом развитии, осуществляющемся объективно, независимо от самого теоретического познания.

Что касается задачи политической экономии, то она не может быть только теоретической. Ее задачей не является лишь более или менее правильное, верное истолкование предмета. **Чисто теоретическое отношение** познания к предмету, объекту отражения в общем было отвергнуто Марксом еще в ранний период. В эти годы задача революционного преобразования мира ставится как практическая задача рабочего класса, который должен осуществить ее **в полном соответствии с внутренни-**

---

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, 1950, стр. 199.

ми закономерностями развития самого предмета. Следовательно, политическая экономия выполняет прежде всего практическую задачу: раскрыть особенные законы возникновения, развития и гибели буржуазного производства, используя которые, пролетариат в своей деятельности сможет осуществить свои классовые задачи. Свой предмет политическая экономия должна поэтому рассматривать как «нечто самостоятельное» только «до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически»[1].

Уже в итоге сказанного ясно обнаруживается разница между критикой Марксом гегелевской диалектики в 40-х годах и в 50-х, которая вкратце может быть выражена следующим образом. Если в 1843—1846 гг. критике Маркса был подвергнут идеалистически-спекулятивный характер гегелевского метода, если критика была направлена своим острием против извращенного отношения развития сознания к развитию материальной действительности, против отождествления действительности с мышлением, то в 50-е годы в ходе систематического исследования конкретных экономических проблем критике подвергается гегелевская концепция развития самого познания, его понимание специфических внутренних законов движения научного, теоретического мышления. После уяснения вопроса о связи гегелевской диалектики с диалектикой действительности и окончательного признания ее положительного значения, собственно, встал вопрос об ее отношении к научному познанию, отражающему развитие объективной действительности. Поэтому уже в «Нищете философии» Маркс **ставит** вопрос об использовании гегелевского логического метода при изучении экономических проблем, одновременно критикуя Прудона за его некритическое применение диалектики Гегеля к политической экономии. Отдельные примеры оттуда показывают, что Маркс в общем уже уяснил этот вопрос. В 50-х годах уже конкретно, по самым основным и главным пунктам Маркс разбирает вопрос об отношении научного познания к гегелевскому методу, давая критику слабостей последнего.

---

[1] *К. Маркс.* «К критике политической экономии», стр. 214.

§ 2. СООТНОШЕНИЕ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДМЕТА И ЛОГИКИ ЕГО ПОЗНАНИЯ. КРИТИКА ГЕГЕЛЕВСКОЙ АБСОЛЮТИЗАЦИИ ЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА ОТОБРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТА

Известно, что гегелевский способ мышления отличался от способа мышления всех его предшественников «огромным историческим чутьем» (Энгельс). Гегель рассматривал движение общественных явлений в их историческом развитии, и это постоянно высоко оценивали Маркс и Энгельс. Он был первым, кто попытался представить историческое развитие, как вполне определенный поступательный процесс движения[1], откуда уже сам собой напрашивался естественный вывод о наличии некоей постоянной, так сказать, субстанциальной основы этого развития. И постольку «развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последняя, собственно, должна была служить только подтверждением первого»[2]. Вследствие того, что субстанцией исторического развития являлась, по Гегелю, Идея,

---

[1] Гегелевский взгляд на историю не только как на мертвое прошлое, но как на основу, которая содержится, или «опредмечивается» в настоящем, без которой невозможно последнее и его рациональное понимание, весьма плодотворен и объясняет научный интерес к истории. Этот взгляд, представляющий одну из сторон историзма Гегеля, так и остался недосягаем для других идеологов буржуазии, которые, как например, Барт, рассматривали историю философии, по меткому выражению Энгельса, просто как кучу развалин разрушенных систем. Хотя Гегель в свое время и покончил с подобным подходом, современные буржуазные философии истории испытывают не лучшую судьбу, чем его предшественники, переживая кризис вследствие своего эмпиризма и бессилия открывать «законы исторического» (Риккерт), рационально понять историческое. Они настолько погрязли в противопоставлении методов «индивидуализирующего» (для истории) и «генерализирующего» (для естествознания) (Риккерт), логики, которая якобы пространственна и механистична (См. *O. Spengler*. Der Untergang des Abendlandes, Bd. II, 1922. S. 483), — «жизненному потоку единичных культур» и т. д. и т. п., что иногда сами вынуждены признаваться в кризисе, который испытывает их «наука» истории (см. напр., *E. Troeltsch*. Der Historismus und seine Probleme. Bd. I, 1922, S. 4). Блестящую критику деградации современного буржуазного историзма в форме немецкого неокантианства, иррационалистической «философии жизни», неогегельянства, неопозитивизма и т. д. можно прочитать в работах *В. Ф. Асмуса* «Маркс и буржуазный историзм», Соцэкгиз, 1933 г., *И. С. Кон* «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли». Соцэкгиз, 1959, и т. д.

[2] *К. Маркс*. К критике политической экономии, стр. 234.

логическое развитие представляло собой сокровенную душу истории, ее тайну, внутреннюю сущность. Как заметил Маркс еще в «Святом семействе», Гегель поэтому внутри границ эмпирической, экзотерической истории заставляет разыгрываться спекулятивную, эзотерическую историю. Однако, поскольку Гегель в «Феноменологии духа», в «Истории философии», в «Философии истории» и т. д., словом, в своей философии духа, последовательно проводит идею исторического развития, теоретический материал постоянно рассматривает в определенной, хотя и извращенной, абстрактной, связи с историей, постольку его способ мышления послужил не только теоретической предпосылкой для диалектического рассмотрения истории, но также и исходной точкой для разработки научного логического метода.

Так же, как и в понимании общих законов развития материальной действительности, здесь, в понимании «законов абстрактного мышления», требовалось прежде всего подвергнуть гегелевский метод материалистической переработке. Особенно ярко гегелевский идеализм проявлялся в том, что он объявил развитие логического познания **абсолютно** независящим от предмета познания. Его «Феноменология духа», являющаяся, по образному выражению Энгельса, параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, содержит в себе ясное различие между систематическим изложением теории предмета и историей его познания, хотя бы этим предметом был сам дух.

Нам важно здесь не разоблачение идеалистического понимания Гегелем предмета познания. Об этом говорилось выше. Важно то, что Гегель поставил вопрос о совпадении логического развития познания с историческим. Логическое развитие познания является, по Гегелю, наукой, ибо оно осуществляется в понятии, этой «чистой стихии» «наличного бытия» духа. В науке, т. е. в логическом познании, история «снимается», ее отдельные этапы и «формообразования» выступают здесь лишь как моменты логического[1]. Все, что проходит определенный исторический путь развития (в том числе и само познание), подвержено всяким случайностям и лишь в логическом развитии понятий (ибо это развитие и есть «чистая необ-

---

[1] *Гегель.* Соч. т. IV, стр. 432.

ходимость») избавляется от них. Гегель иногда замечает поэтому, что совпадение истории и логического развития не следует понимать абстрактно, «может случиться, что временная последовательность в действительном явлении окажется отчасти иной, чем последовательность понятия»[1].

Совпадение истории и логического развития есть, по Гегелю, «история, постигнутая в понятии»[2].

Это гегелевское понимание логического познания, как «истории, постигнутой в понятии», содержит в себе мысль, согласно которой логическое познание является самой высшей и совершенной формой познания, истинно научным способом духовного освоения субъектом объекта.

В гегелевской концепции соотношения исторического и логического имеется как рациональная сторона, так и идеалистическая, которую Маркс отбрасывает, развивая рациональную сторону в научное понимание логического и исторического способов рассмотрения предмета.

В своей рецензии на книгу Маркса «К критике политической экономии» Энгельс писал, что перед Марксом стояла задача критики политической экономии. Под критикой старой политической экономии Энгельс имел в виду, главным образом, положительное научное изложение самого предмета[3] в его возникновении и развитии. Критика, бесспорно, здесь не может не содержаться в виде важнейшего элемента развития познания. Однако этот отрицательный момент развития науки имеет своим результатом положительное развитие теории самого предмета, которое включает в себя критику лишь как момент.

Историческое рассмотрение предмета исследования, безусловно, не отвергается Марксом[4]. Однако встать на почву исключительно исторического рассмотрения как политической экономии, так и истории самого буржуазного общества, значило чрезвычайно затруднить и без того едва выполнимую работу, ибо сама история и ее отражение в науке шли постоянно скачками и зигзагами, под-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 57.

[2] Там же, т. IV, стр. 434.

[3] См. *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 232.

[4] Об историческом способе отражения предмета исследования см. следующую главу данной работы.

вергались всевозможным случайным отклонениям, как говорил Гегель, и, следовательно, пришлось бы принимать во внимание много материала меньшей важности и часто прерывать ход мыслей. Одним словом, встать на путь **от начала и до конца** исторического рассмотрения предмета, **не прибегая к помощи логического** метода, значило сделать работу «бесконечной», т. е. с самого начала обречь себя на невыполнение этой работы. Маркс усматривает поэтому рациональный момент гегелевской точки зрения в том, что логический метод рассмотрения предмета является более совершенной формой его отражения.

По Гегелю, постижение предмета в понятиях является потому самой совершенной формой рассмотрения предмета, что бесконечная сущность должна найти себе **соответствующую** форму «наличного бытия»; понятие же само и есть «бесконечная форма»[1]. Мы уже говорили об ограниченном понимании Гегелем предмета познания специальных наук, о том, что истинным предметом познания науки, по Гегелю, является абсолютный дух, который приходит к самопознанию в «абсолютном знании». До того как он придет к этому «абсолютному знанию», т. е. до того состояния, когда он «знает, что он такое», дух существует не в чистой форме понятия, а в несовершенной форме «внешнего» «наличного бытия». В этом состоянии дух, по Гегелю, не может быть постигнут в понятии. «То, что **есть налично**, есть в качестве еще не развитой простоты и непосредственности или в качестве предмета **представляющего** сознания вообще»[2]. Конечно, объявить, например, совокупность производственных отношений буржуазного общества предметом «представляющего сознания, значит заведомо обречь это «сознание» на «неистинное» познание. Как видно, идеализм в понимании природы познания неразрывно связан с идеалистическим пониманием природы самого предмета познания. Философия, считающая, что «...сущность, **которая** есть сущность всякой сущности, **есть духовная сущность**»[3], — эта философия вполне последовательно объявляет несовершенным любое познание **материального**

---

[1] *Гегель.* Соч. т. V, стр. 45.
[2] *Гегель,* т. IV, стр. 428—429.
[3] Там же, стр. 223.

предмета, ибо оно, согласно представлению последовательного идеалиста, должно быть неизбежно обременено наглядно-чувственной формой самого материального предмета.

Маркс, как было видно в предыдущем параграфе, не придерживаясь этой точки зрения, считает, что материальная сущность буржуазного способа производства может и должна быть отображена логическим способом. Этот способ рассмотрения предмета исследования тем более уместен, что сама история развития предмета показывает путь логического развития мыслей. Познанию здесь не приходится вслед за Гегелем искать некоего «абсолютного начала»[1] в самом себе. «С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей,—пишет по этому поводу Энгельс, — и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент можно рассматривать в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости и классической формы»[2].

Таким образом, логический способ отражения исторически развивающегося материального предмета есть тот же исторический способ, только освобожденный от его эмпирической формы и от нарушающих его исторических случайностей[3]. Эта связь логического способа рассмотрения с историческим у Маркса принципиально отличается от гегелевской.

По Марксу, историческое развитие является прочной основой логического хода мыслей, теоретического познания, которое непременно должно совпадать с ходом исторического развития в его главных и решающих пунктах, в его, так сказать, необходимых моментах. У Гегеля же

---

[1] *Гегель,* соч. т. V, стр. 53, 59 и др.

[2] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 236.

[3] Больной интерес представляет то, что говорил о связи исторического и логического Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах» *(Н. Г. Чернышевский.* Избр. философские соч. 1950, т. I, стр. 303).

логическое развитие отнюдь не является отражением исторического. Наоборот, история призвана лишь служить доказательством логического развития, которое обладает **абсолютной самостоятельностью** по отношению к ней. История, собственно, является лишь внешней формой логического развития понятия. В предисловии к своей «Науке логики» Гегель называет «абсолютным методом познания» «движение, представляющее собою... имманентное развитие понятия». Это развитие понятия настолько имманентно, что свио определения берет не из какого-то другого источника, «извне», из эмпирического созерцания», например, а из самого себя. И здесь мы снова приходим уже к известному нам идеалистическому положению о «саморазвитии понятия». Совершенство логического способа рассмотрения предмета познания объясняется у Гегеля не соответствием этой формы отражения предмета внутренним закономерностям исторического развития последнего, а исключительно из самой себя, из абсолютности этой формы. Как совершенно справедливо отмечает М. Ф. Овсянников, «Гегель оказался способным лишь поставить вопрос о единстве логического и исторического. Научно решить его он не смог»[1].

Маркс, прежде всего, подвергает резкой критике гегелевскую идею абсолютной независимости и самостоятельности логического познания по отношению к историческому развитию предмета. Не являясь сторонником простого описания исторического развития предмета и не отрицая специфических законов абстрактного мышления, свидетельствующих об его относительной самостоятельности, Маркс вместе с тем подчеркивает зависимость дела логики от логики самого дела. В этой связи он метко критикует идеалистическую позицию Гегеля, которая отрывает имманентное развитие понятия от имманентного развития предмета, представляя дело таким образом, «будто речь идет об определениях понятий и диалектике этих понятий...»[2].

Имманентная, внутренняя связь понятий при такой материалистической точке зрения отнюдь не исключается. Напротив, она делается здесь необходимой, поскольку

---

[1] *М. Ф. Овсянников* «Философия Гегеля», Москва, 1959, стр. 275.
[2] *K. Marx*. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie..., S.69

ку предполагается имманентная необходимая связь в развитии самого предмета, о которой говорит Маркс. В этом пункте, собственно, и разрешается противоречие между формой и содержанием логического познания, которого не могла разрешить домарксовская философия. Формальная логика и Кант[1] объявляли логические формы бессодержательными, внешними для содержания (а потому и безразличными по отношению к нему) познания, а под содержанием имели в виду данные чувственного восприятия, сводя таким образом процесс логического мышления к упорядочению чувственных данных. Гегель же, хотя впервые и поставил вопрос о развитии понятий, т. е. о выведении более сложных из более простых, следовательно, о строго определенной, закономерной диалектической связи их между собой, о чем будет идти ниже речь, однако, идеалистически абсолютизировав самостоятельность логического развития, содержание последнего целиком и полностью выводил из этой логической формы. Связь между понятиями получилась настолько абстрактной и «чистой», что перестала вообще выражать специфическое содержание конкретного предмета. По Марксу же, содержание логического мышления строго совпадает в имманентным развитием предмета и постольку возможно имманентное выведение одного понятия из другого, постольку возможна диалектика понятий, т. е. субъективная диалектика, под которой имеются в виду не общие философские положения, а логическое отражение специфической диалектики предмета в голове познающего субъекта. Если же речь идет о диалектической логике как таковой, то ее содержанием являются законы диалектики, взятые в общем виде.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению специфического содержания логического познания

---

[1] Следует иметь в виду, что Кант не сводит логику познания только к формальной логике. Он выдвигает идею трансцендентальной логики, которая существенным образом отличается от формальной, или, как он выражается, общей логики. В идее трансцендентальной логики, отличающейся от формальной (как от эмпирической, имеющей дело лишь с готовым знанием) и, в противовес последней, синтетически раскрывающей конкретное единство многообразия наглядного материала в понятии объекта — в этой идее Кант, можно сказать, нащупывает пути перехода от эмпирического познания к теоретическому, диалектическому мышлению.

в следующем параграфе, остановимся подробно на внешних расхождениях и несоответствиях между историческим и логическим формами познания, т. е. на **проявлениях** относительной самостоятельности логического познания по отношению к исторически развивающемуся предмету познания.

Маркс фиксирует противоречие между историческим развитием предмета и его логическим отображением, прежде всего, в том, что в логическом мышлении одна экономическая категория следует за другой иногда в прямо противоположном порядке, чем это имеет место в эмпирической истории. Так, например, земельная рента исторически существовала задолго до появления капитала и продолжает существовать в буржуазном обществе, определяясь им. Прибыль кажется первоначально обусловленной процентом, но в буржуазном обществе последний составляет лишь часть прибыли и определяется ею. Логическое познание, однако, не следует за всеми этими зигзагами истории, а в полном «противоречии» с ней рассматривает эти экономические категории в том порядке, в котором они следуют в движении буржуазного общества друг за другом. Правда, здесь следует тут же оговориться, что рента феодальная по существу отличается от ренты буржуазной. Точно так же обстоит дело и с процентом, торговым капиталом и т. д. Но об этом речь будет идти в следующей главе данной работы.

Эта самостоятельность логического рассмотрения категорий проявляет свою относительность, как только мы пристальнее присмотримся к той основе, которая обусловливает это отклонение логического от исторического. Эта основа прежде всего лежит в самом предмете. Дело в том, что каждая новая общественная форма, являющаяся результатом исторического развития предыдущей, не является сама, так сказать, пассивным продуктом, а активно преобразует, ассимилирует ее, превращая ее в одно из своих собственных определений, моментов, форм бытия. Потому-то историческое развитие и есть развитие по восходящей линии, развитие от простого к сложному. Это было хорошо известно и Гегелю, который считал, что результат развития должен быть чем-то более сложным, чем начало, так как, помимо всего прочего, содержит в себе последнее как основание. Причем то,

что служило началом развития, попадает в зависимость от результата этого развития. Поэтому само развитие представляется как «круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также первым»[1]. Однако то, что имеет в виду Гегель, присуще исключительно логическому развитию вне всякого соотнесения его с историческим развитием предмета.

Гегель здесь правильно описал лишь ход логического изображения **внутренних** законов развития предмета, а между тем задача заключается в том, чтобы сопоставить внутренние законы развития предмета и **внешние исторические предпосылки возникновения** этого предмета. Только в этом случае будет вполне ясно, почему логическое познание идет несколько иным путем, чем исторический порядок появления тех или иных экономических отношений и категорий, теоретически резюмирующих эти отношения.

Итак, развитие и исторически и логически в основном идет от простого к сложному и заключается в том, что более сложное отношение, явление сохраняет более простое в качестве одного из своих моментов. «Постольку законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»[2]. Однако этот процесс усложнения предмета в его развитии происходит в весьма своеобразной форме, определяемой в конечном счете внутренними специфическими законами развития этого предмета.

Появляясь исторически позже, новое общественное отношение застает предшествующие отношения как необходимые внешние предпосылки своего возникновения, без которых оно не появилось бы. Капитал при своем первоначальном появлении застает обращение, деньги уже исторически раньше него существующими. Без них (без обращения, без денег) его появление было бы невозможно. Следовательно, и внешние предпосылки появления какого-либо нового отношения могут быть необходимыми. И поскольку они необходимы, без них невозможно рассмотрение более сложного отношения. Однако существуют такие внешние исторические пред-

---

[1] *Гегель,* Соч., т. V, стр. 54.

[2] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 215.

посылки появления капитала, как процент, рента и т. д., без которых капитал вполне может быть понят и которые, следовательно, не являются **необходимыми** историческими условиями его возникновения. Тем не менее, как те, так и эти внешние предпосылки своего возникновения капитал перерабатывает во внутренние моменты своего бытия, в органы, так сказать, своего существования[1]. Обращение, деньги превращаются в формы бытия, движения капитала, включаются в так называемый круговорот капитала: рента, процент, торговый капитал превращаются в нечто производное от капитала и существуют в полном соответствии с законами движения последнего.

Таким образом, новое экономическое отношение, выступая первоначально как результат исторического развития предшествующих отношений, постепенно превращается в основание движения последних. Те предпосылки, которые являлись исторически необходимыми предпосылками возникновения более развитого отношения, предшествуют ему также и логически, ибо логическое отражение предмета должно раскрыть его внутреннюю необходимость. Те же исторические предпосылки, которые не являются необходимыми для его возникновения, в **логическом рассмотрении предмета** занимают производное место. «Земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал, это — господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как начальный, так и конечный пункт, и должен быть разобран (entwickelt) раньше земельной собственности... Таким образом, недопустимым и ошибочным было бы брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития»[2].

То, что Маркс имеет в виду под «естественным» отношением, несколько отличается от отношения, соответству-

---

1 *K. Marx.* Grundrisse der Kritik..., S. 354.

2 *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 221.

ющего «последовательности исторического развития». Под «естественным» отношением Маркс имеет в виду ту последовательность категорий, которая «кажется» «естественной» при первоначальном поверхностном взгляде на положение вещей. Так, например, кажется вполне естественным начать рассмотрение категорий буржуазного общества с земельной ренты и земельной собственности, т. к. она связана с землей, «этим источником всякого производства и всякого бытия», и с земледелием, «этою первоначальною формою производства во всех до некоторой степени прочно сложившихся обществах».

При таком «естественном» порядке рассмотрения возникновения капитала всякий действительный историзм постепенно исчезает, ибо специфические, внутренне присущие капитализму отношения «естественно» оказываются **необходимо** существующими до него, и вся докапиталистическая история превращается, собственно, в историю его подготовки и зарождения.

Итак, мы видели, что порядок логического хода исследования развивающегося предмета не совпадает с эмпирической историей его возникновения и развития. И поскольку история старой науки соответствовала этой эмпирической истории предмета, следовала за ней, то, строго говоря, и историю выработки научных категорий не следовало брать в качестве определяющей основы логического построения науки. Но поскольку сама эмпирическая история предмета развивается скачками, зигзагами, постольку эмпирическая история науки не является логически строго последовательной и так же, как сама история предмета, может и должна подвергнуться логической обработке (критике)[1]. Так, анализ, который приводит товар к труду в его двойственной форме, потребительную стоимость — к конкретному труду, или целесообразно производительной деятельности, а меновую стоимость — к рабочему времени, или к равному общест-

---

[1] Нельзя конечно, согласиться с утверждением Э. Блоха будто бы для Маркса «...диалектика нигде не была методом обработки истории, а была тем же, что и сама история». (*Ernst Bloch* «Subjekt—Objekt». Berlin, 1952, S. 390). Верно, что диалектика Маркса не есть метод идеалистической обработки истории, но она — все же метод логической обработки истории, обработки, без которой невозможна активность познания вообще (о логической обработке истории см. главу II данной работы).

венному труду, был последним критическим выводом всей истории развития классической политической экономии конца XVII и XVIII столетий. История этого анализа, однако, была отнюдь не логически последовательной. Вместо того, чтобы решить сначала вопрос о том, какой труд создает **стоимость**, физиократы XVIII века, например, ставили вопрос о том, какой труд создает **прибавочную стоимость**, хотя и исторически и логически стоимость предшествует появлению прибавочной стоимости, являясь ее постоянной основой. «Они, — замечает по этому поводу Маркс, — рассматривают, стало быть, вопрос в сложной форме, прежде чем они разрешили его в элементарной форме; так историческое развитие всех наук только через множество перекрещивающихся и окольных путей приводит к их действительной исходной точке. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем она заложила его фундамент»[1].

Однако и здесь противоречивое развитие науки Маркс тесно связывает с процессом исторического развития материального предмета исследования.

Независимо от того, когда и в какой форме поставлен научный вопрос, его теоретическое решение в историческом процессе развития науки возможно лишь тогда, когда он **практически** решен или это решение **практически** подготовлено. **Труд вообще** — весьма простая категория, и представление о ней в этой всеобщности весьма древне. Однако труд, как научная экономическая категория, как истинный, внутренний источник общественного богатства, получает впервые свое научно-теоретическое выражение лишь у Адама Смита. Об этом Маркс говорил еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», усматривая его заслугу в том, что он преодолел ограниченность своих предшественников, связывавших полезный труд лишь с определенной его формой (как, например, физиократы и их противники — сторонники коммерческого и мануфактурного труда). Как труден был переход от особенного вида труда к категории «труд вообще», видно из того, что Смит время от времени возвращается к физиократической системе. Может пока-

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 46

заться, что эта категория Смита является результатом исключительно абстрагирующей деятельности мысли. Однако, на самом деле, как пишет Маркс, «...эта абстракция труда вообще есть не только духовный результат конкретной совокупности работ. Безразличие к определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивидуумы с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою специфическую связь с определенным индивидуумом»[1].

Таким образом, наука лишь тогда находит теоретическое решение проблемы, когда появляются возможности практического решения этой проблемы. И чем более эмпирична эта наука по своей форме, в тем большей степени она зависит от этого.

Подлинно научное, теоретическое познание не должно **непосредственно** зависеть от того, в какой мере действительность сама уже окончательно разрешила проблему, сделала ее очевидной. В противном случае оно будет только задним числом решать проблемы, нашедшие свое разрешение в действительности, и превратится лишь в пассивное отражение этой действительности. Ни о каком предвидении того, чего еще вовсе нет в действительности, не будет и речи. Наконец, ряд проблем, разрешение которых действительность содержит в себе в скрытом, извращенном виде, останется навсегда не решенным. Тайна прибавочной стоимости потому и осталась не решенной домарксовской экономической наукой, что прибавочная стоимость всегда выступала в извращенной форме прибыли, процента и т. д. Подлинно теоретическое познание должно лишь в конечном счете зависеть от эмпирической действительности, когда речь заходит, главным образом, о проверке результатов мышления, если даже это — проверка результата каждой логической операции в отдельности. Более подробно об этом будет идти речь в следующем параграфе.

Итак, логическое отражение предмета не должно совпадать с каждой случайной ступенькой исторического

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 217—218.

развития предмета и истории его познания. Зато оно должно совпадать с каждым необходимым моментом внутренней структуры предмета. Тут возникает вполне естественный вопрос: зачем же для того, чтобы воспроизвести внутреннюю структуру предмета, нужно сопоставлять логическое рассмотрение ее с историческим развитием предмета и науки о нем? Не лучше ли было бы взяться за непосредственное рассмотрение внутренней сущности предмета без сопоставления ее с прошлой историей предмета?

Такая постановка вопроса кажется более целесообразной хотя бы с точки зрения «экономии сил». Однако, она отнюдь не является оправданной с точки зрения интересов самого научного познания, с точки зрения глубокого понимания внутренней сущности предмета.

Гегель не случайно говорил о том, что более развитая ступень содержит в «снятом» виде свое начало, свою предпосылку, т. е. включает в себя в качестве одного из моментов своего бытия. Это давало ему повод думать, что **вся** предшествующая история философии имела тот смысл, что явилась и исторической и логической подготовкой его собственной философии.

В этом подходе, наряду с рациональной ноткой, согласно которой более развитое настоящее является ключом к пониманию прошлого, содержится двойная ошибка, которую Маркс отбрасывает. Во-первых, настоящее понимается Гегелем довольно абстрактно. Дух, пришедший к своему высшему самосознанию, по своей **сущности** не отличается от самого себя в прошлом. Гегель ищет во всей истории элементы настоящего. Все преимущество своей философской системы, например, он видит лишь во всестороннем понимании этих элементов и их взаимной связи. Эти элементы должны обязательно все присутствовать в прошлом, ибо в противном случае речь не будет идти о самопознании **того же самого** духа. Следовательно, настоящее отличается от прошлого **лишь по форме** и в этом смысле должно служить основой для понимания внутренней истории прошлого. Так, например, понимание субстанции как субъекта раскрывает истинный смысл односторонностей взглядов Спинозы и Фихте, которые не могли понять подлинного единства того и другого. Такая история, конечно, не может быть действительной историей, так как она представляет собой, в

сущности, лишь распадение элементов настоящего в определенной временной последовательности в прошлом. Между тем, история есть действительное развитие, при котором из старого рождается новое, более сложное, содержащее в себе новые элементы и отношения, существенным образом преобразующие старое и только в преобразованном виде включающие в себя это старое. Во-вторых, вследствие абстрактного понимания настоящего прошлое также получается абстрактным: вся предшествующая история превращается в историю подготовки предмета, и тот пункт, та граница, которая отделяет историю возникновения, становления предмета от предшествующей истории вообще (когда об этом предмете не могло быть и речи) оказывается стертой. Не понимая специфической сущности настоящего, мы тщетно будем искать тот пункт истории, с которого можно вообще завести о нем речь. Мы должны будем в поисках этого начала отправиться в историческое путешествие в прошлое, и этому путешествию не будет конца. Мы окажемся в плену той самой «дурной бесконечности», против которой выступал сам Гегель.

Маркс преодолевает эту слабость гегелевской точки зрения простым указанием на то обстоятельство, что настоящее не может существенным образом не отличаться от прошлого. Формула Маркса о том, что логическое есть не что иное, как исправленное согласно внутренним законам движения самого предмета историческое, вовсе не противоречит, не исключает понимания специфики внутренней сущности предмета познания. Следовательно, развитое настоящее на самом деле дает исследованию ключ к пониманию прошлого, подобно тому как анатомия человека является ключом к пониманию анатомии обезьяны, однако не только в том смысле, что раскрывает перед наукой, обращающейся к прошлому, намеки на будущее, когда это будущее уже известно, — это было знакомо и Гегелю, — но и в том смысле, что показывает в какой мере само это настоящее **отличается** от прошлого, в какой мере, следовательно, оно само развито, ибо при такой постановке вопроса ясно обнаруживается тот пункт прошлой истории, с которого начинается возникновение и развитие данного специфического предмета исследования. «Буржуазная экономия, — говорит Маркс, — дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Но

вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые стирают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней»[1]. Поэтому, продолжает он, если правильно, что категории буржуазной экономии заключают в себе истину для всех других общественных форм, то это надо понимать лишь с оговоркой, не в полном смысле. Они могут содержать в себе последние в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде[2]. Стало быть, задача научного познания заключается в том, чтобы выяснить, в каком именно виде сохраняются эти элементы прошлого в настоящем. Вспомним уже сделанное выше замечание о том, что рента феодальная совсем не то, что рента в буржуазном обществе. Маркс критикует буржуазного экономиста Шторха, включившего **специфическую** форму капитала — кредит — в раздел денег, торгового сословия и т. д., которые принадлежат к развитию обмена как такового и, следовательно, в отличие от кредита, могут быть поняты сами по себе вне связи с капиталом, указывая, что при таком рассмотрении предмета не может быть понята ни история самого предмета, ни логическая структура его понятия. «Указать differntia specifica (специфическое различие — *З. О.*), значит дать здесь как **логическое** развитие, так и ключ к пониманию **исторического**»[3].

Таким образом, истинно историческое рассмотрение предмета и подлинно научное, логическое его понимание совпадают в том пункте, в котором он (предмет) берется не абстрактно, а конкретно, в его специфическом отличии от предшествующей истории.

В этом положении заключен глубокий смысл. Поскольку речь идет о специфическом отличии законов движения предмета исследования от законов предшествующей истории, то отсюда следует, что не существует истории вообще, **абсолютной истории** в гегелевском смысле слова, а всегда конкретная история конкретного пред-

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 219.
[2] Там же.
[3] *K. Marx.* Grundrisse der Kritik..., S. 565

мета, которая имеет не абсолютное начало, а весьма определенное. С этой точки зрения история предстает не как история, имеющая своей телеологической задачей подготовить настоящее, а как история прошлого и история подготовки, становления настоящего. Лишь будучи понято как нечто существенно отличное от прошлого, настоящее выглядит как нечто само историческое, имеющее свои определенные исторические, временные границы в весьма определенном начале и конце.

Только с этой точки зрения настоящее может быть вообще «самокритичным». Гегелевская система при всей ее диалектической критике прошлого, проявляла величайшую некритичность по отношению к самой себе. Неправильное, абстрактное понимание взаимоотношения настоящего и прошлого неизбежно привело к абсолютизации настоящего, к антиисторизму в понимании последнего как окончательного результата истории. Это неумение понять специфическую сущность настоящего было присуще не только Гегелю и его философским предшественникам. Гегелю еще было свойственно понимание исторической необходимости предшествующих форм развития. Что касается буржуазной политической экономии, то она вела критику прошлого, подобную той, которую христианство совершало по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму[1]. Буржуазная политэкономия лишь тогда подошла к пониманию старых форм производства, когда началась «самокритика буржуазного общества» (Маркс), но это понимание все еще оставалось абстрактным.

Буржуазная политическая экономия не отождествляла себя начисто с прошедшим, потому что считала его несовершенным, а несовершенным его она считала потому, что постоянно искала капиталистических отношений в нем и, не находя их, приходила к выводу, что капитализм в первобытном обществе еще не созрел, а лишь только начал складываться. Так действительная история смены одной специфической общественной формы другой превращается в **мнимую историю** (становления) одного капитализма.

---

1 *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 219—220.
2 Там же, стр. 220.

Маркс строго отличает историю прошлых, докапиталистических общественных форм от истории подготовки капитализма, которая также не есть еще сам капитализм. Подобно тому, как нельзя распространять историю подготовки предмета на историю прошлого, так как «каждая форма общества имеет **определенное производство** (подчеркнуто мной — *З. О.*), которое определяет место и влияние всех остальных и отношения которого определяют место и влияние всех остальных», которое «модифицирует их в их особенностях»[1], подобно этому нельзя также отождествлять историю подготовки данного предмета, данной формы общественного производства с **его собственным, самостоятельным** внутренним развитием.

Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о соотношении исторических предпосылок становления предмета и его внутренней структуры. Выше мы уже видели, что порядок изменения предмета в процессе его исторического становления отличается противоположным образом от закономерностей его внутреннего развития. То, что было исторически предшествующим в прошлом, превращается в логически последующее в настоящем и т. д. Уже поэтому история возникновения и становления капитала, история его предпосылок должна быть в научном исследовании строго определена, отграничена от истории его собственного развития, «т. е. не должна принадлежать к действительной системе производства, над которым он господствует»[2]. Исторические предпосылки возникновения капитала исчезают с появлением самого капитала, который «сам, исходя из своей действительности, полагает условия своего осуществления». Так, например, если при первоначальном превращении денег в капитал, накопление определенной минимальной стоимостной суммы предполагается уже исторически данным, которое капиталист осуществил, еще не будучи капиталистом (как помещик, как наследник и т. д.), то уже возникший капитал сам создает свои собственные предпосылки, а именно — условия создания прибавочной стоимости не посредством обмена, а посредством **процесса производства.** «Эти предпосылки, которые первоначально выступали (erschienen) в качестве условий его становления —

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 220.
[2] *К. Маркс.* Grundrisse der Kritik..., S. 365.

и причем не могли проистекать из его движения **как капитала,** — выступают теперь как результаты его собственного осуществления, действительности, как положенные им, — не как условия его возникновения, **но как результаты его бытия**»[1]. И именно потому, что исторические условия, предпосылки возникновения капитала лежат позади него, не в самом способе производства его, поэтому их изображение совершенно не может совпадать с «действительной системой производства», над которым он господствует.

В игнорировании этого важнейшего факта заключалась вся премудрость буржуазной политической экономии, которая, выдавая исторические условия возникновения капитала (которые могут быть совершенно разнообразными, но отнюдь не сугубо капиталистическими) за условия его существования, движения и развития, тем самым стремилась доказать, что условия капиталистического присвоения являются естественными и справедливыми. Таким образом, стирание границы между историческими предпосылками становления, возникновения капитала и условиями его существования и роста может привести не только к извращенному изображению внутренней структуры капиталистического производства, но и к его прямой апологетике, выдающей условия капиталистического способа присвоения труда за естественные, справедливые отношения, в которых стоят друг другу капиталист и рабочий.

Четкое разграничение исторических предпосылок возникновения настоящего и его действительного существования и развития имеет еще одно важное значение с точки зрения теории познания. Речь идет о **границах** логического познания, которые должны свидетельствовать также о границах существования самого предмета. Существуют ли границы, за которыми кончается логическое познание, несмотря на все его преимущества перед историческим, и историческое познание выступает на передний план? Или: можно ли вообще обойтись в научном познании внутренней сущности предмета вовсе без исторического способа рассмотрения предмета?

Отрицательный ответ на первый вопрос и положительный — на второй у Гегеля подразумевается сам собой.

---

[1] *К. Маркс,* Grundrisse der Kritik..., S. 364.

Поскольку логическая структура предмета у него совпадает с историей его становления, поскольку вся история, как таковая, есть лишь история обнаружения этой **логики** структуры предмета, или структуры **предмета логики,** поскольку, следовательно, история разыгрывается **лишь** в экзотерической, эмпирической области, постольку логическое рассмотрение законов развития предмета, по Гегелю, вполне достаточно и является единственным, **универсальным** средством «постижения» сущности предмета в развитии. Поскольку у него сущность не возникает исторически и историчны лишь последовательно сменяющиеся формы ее «наличного бытия», то логическое отражение структуры настоящего универсализируется, распространяется на всю историю. История, которую описывает Гегель в понятиях, есть история абсолюта, абсолютной сущности, есть абсолютная история, имеющая своим исходным пунктом «абсолютное начало». Ее логическое отражение поэтому, как наиболее полно соответствующая ей форма, является абсолютной формой ее отражения. Такая позиция, конечно, не может иметь ничего общего с историческим пониманием настоящего, т. е. результатов истории. Настоящее, естественно, абсолютизируется, объявляется вечным, и, как мы уже выше видели, оправдывается.

С точки зрения Маркса, логическое рассмотрение закона движения предмета не является абсолютным и имеет свои **границы,** за которыми на передний план выступает историческое изображение предмета. Очевидно, что у Гегеля, абсолютизировавшего логическое познание, не могло и быть постановки вопроса о границах последнего. Поставить вопрос о границах логического способа познания, значит подвергнуть сомнению его абсолютную независимость и самостоятельность. Поставить вообще вопрос о границах чего-либо, значит поставить вопрос об его относительности. И Маркс ставит и решает этот вопрос следующим образом.

Опираясь на диалектико-материалистическое понимание истории, Маркс рассматривает каждую форму общественного производства как нечто ставшее, элементы, или моменты, которого не были даны в готовом виде. Сами исторические предпосылки существования капитализма, например, представляют собой продукт длительного исторического процесса, осуществляющегося самыми разнообразными путями.

Конечно, логическое познание должно строго ограничиваться рассмотрением **необходимых** исторических предпосылок появления капитализма, как например, простое товарное обращение, деньги, рабочая сила как товар и т. д. Из этих предпосылок возможно логическое выведение прибавочной стоимости капитала. Но каким образом рабочая сила превратилась в товар и попала в сферу товарного обращения, — это логически не вытекает ни из простого товарного обращения, ни из существования денег и ни из природы самой рабочей силы. Можно логически показать, как денежное обращение перерастает в капиталистическое по мере включения в обращение специфической потребительной стоимости (рабочей силы), но нельзя понять, откуда взялся этот специфический товар, без исследования исторических предпосылок его появления. Процесс товарного обращения не создает внутри себя рабочую силу как товар. Эту необходимую предпосылку капитала следует искать вообще «вне экономического» развития стоимости, товарного обращения. Отделение крепостного от земли, приток разоренных, лишенных всякой собственности крестьян в города, где им придется «отчуждать» свою рабочую силу в процессе товарного обращения и т. д. и т. п. — все это имеет свою длительную историю, необходимость которой может быть понята лишь с позиций **исторического материализма.** Только глубокое знание законов общественного развития, диалектики развития производительных сил и производственных отношений, знание потребностей развития промышленного производства может послужить прочной основой для объяснения появления целого ряда необходимых исторических предпосылок возникновения капитала. «То, что владелец денег... **преднаходит** на рынке, в рамках обращения способность к труду в качестве товара, эта предпосылка, из которой мы здесь исходим и из которой исходит буржуазное общество в его производственном процессе, есть очевидный результат длительного исторического развития, резюме многочисленных экономических переворотов и предполагает гибель (Untergang) других способов производства (общественных отношений производства) и определенное развитие производительных сил общественного труда[1]. Товарное

[1] *К. Маркс.* Grundrisse der Kritik..., S. 945.

производство существовало и в рабовладельческом обществе, однако лишь в определенном пункте истории рабочая сила как товар и деньги в качестве капитала включаются в круг денежного обращения, постепенно подчиняя его новым законам движения (производства).

Там, где кончаются границы логического рассмотрения (и изложения) предмета, там исторический процесс **в его необходимости** можно понять только с точки зрения **исторического материализма.** Из простого исторического описания фактов вовсе не вытекает, например, **необходимость** «огораживаний» так же, как она не вытекает и из процесса денежного обращения. Этот процесс в его необходимости можно было бы понять лишь с точки зрения интересов развития материального производства, производительных сил, мировой торговли. Основной порок «исторической школы» политической экономии (Рошер и др.) заключался именно в отсутствии теоретического подхода к истории. Такой подход мог оправдать любую случайность только потому, что она существовала исторически (историческую школу политэкономии Маркс подверг критике в «Капитале»).

Чисто логическое рассмотрение процесса, с другой стороны, отказывается здесь дать определенное объяснение, если оно является научным, или отдается во власть произвольных конструкций, когда бессильно сказать что-либо **определенное.** Маркс здесь непосредственно имеет в виду гегелевскую манеру абсолютизации логического способа изображения предмета исследования. Он замечает, что «диалектическая форма изложения является верной, если только она знает свои границы»[1]. С этих позиций выведение общего понятия капитала из простого обращения уже не будет выглядеть как «воплощение некой вечной идеи»[2] Гегеля, у которого все развивается из понятия, никогда не нуждающегося во внешних предпосылках. В конце концов, логическое развитие у него превращается и в истинно историческое, полностью совпадая с последним, между тем как у Маркса историческое не всегда можно очистить до степени логического без

---

[1] *К. Marx* Grundrisse der Kritik..., S. 945. Заметим, что под «диалектической формой изложения», под «диалектическими переходами» Маркс имеет в виду логическое изложение, логические переходы.

[2] *К. Маркс.* Там же.

ущерба для научной истины. Таким образом, правильное, научное определение границ логического познания является надежным средством избежать идеалистического понимания природы самого логического познания, его идеалистической абсолютизации. Само логическое изложение может быть хорошо понято, если известна «историческая подоплека»[1].

Однако это — еще не все. Научное определение границ логического познания является также верным средством против антиисторического понимания настоящего не только по отношению к прошлому, как мы это видели выше, но также и по отношению к будущему. Новое понимание этого вопроса, с одной стороны, преодолевает взгляд на настоящее как на абсолютный результат прошлого и, с другой стороны, помогает понять его историческую ограниченность, его временный, исторически преходящий характер, понять его, в свою очередь, как историческую предпосылку для возникновения новой ступени исторического развития. «С другой стороны, — что для нас много важнее, — наш метод указывает пункты, где должно выступить историческое рассмотрение, или где буржуазная экономия, как чисто историческая фигура производственного процесса, указывает на прежние исторические способы производства. Для того, чтобы развить законы буржуазной экономии, нет необходимости описывать **действительную историю производственных отношений.** Однако правильное рассмотрение и выведение их в качестве исторически ставших отношений всегда приводит к первоначальным сравнениям — как, например, эмпирические числа в естествознании, — которые указывают на некоторое лежащее позади этой системы прошлое. Эти указания, наряду с правильным пониманием современного, дают также ключ к пониманию прошлого... Точно так же это правильное рассмотрение ведет, с другой стороны, к пунктам, в которых обозначается снятие современной структуры (Gestalt) производственных отношений... Если, с одной стороны, добуржуазные фазы выступают как **лишь исторические...** снятые предпосылки, то теперяшние условия производства выступают **как сами себя снимающие** и таким

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXII, стр. 331.

образом создающие **исторические предпосылки** для нового общественного состояния»[1].

Таким образом, мы видим, что новое, научное понимание роли логического способа отражения предмета является в высшей степени революционным, так как не только не исключает историческое рассмотрение и понимание предмета, но, наоборот, основывается на нем, предполагает его, строго определяя границы логического способа отражения последнего — те границы логического рассмотрения предмета, которые совпадают с историческими границами возникновения и исчезновения последнего.

Наличие границ логического рассмотрения предмета создает также возможность строго определить то понятие, с которого должно начаться научное рассмотрение сущности предмета, или, другими словами, строго определить исходное понятие науки, которое выше неоднократно упоминалось нами, но еще не разбиралось. Здесь мы, наконец, подошли к последнему важному вопросу, связанному с внутренней сущностью логического мышления, — вопросу о специфическом способе движения логического познания, о его исходном пункте и конечном результате, о его, собственно, непосредственном отношении к внутренней сущности предмета, безотносительно к эмпирической форме существования и истории последнего.

§ 3. ОТНОШЕНИЕ ПОЗНАЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ К ДВИЖЕНИЮ СУЩНОСТИ ПРЕДМЕТА

До сих пор речь шла об отношении логического познания к эмпирической форме бытия предмета (§ 1) и к эмпирической истории (§ 2). Была сделана попытка показать, что в обоих случаях логическое, теоретическое познание обладает относительной самостоятельностью по отношению к эмпирической форме, в которой проявляется сущность предмета, что логическое познание не повторяет механически, не описывает внешние моменты бытия и развития предмета, а имеет своей задачей раскрыть внутреннюю, необходимую структуру предмета,

[1] *K. Marx*. Grundrisse der Kritik... S. 364—365

его сущность. Было показано, в какой степени удавалось правильно поставить эти вопросы Гегелю и в какой мере он извратил суть дела при их решении. Здесь мы попытаемся рассмотреть вопрос об отношении логического познания к самой сущности предмета и его развитию. Здесь мы будем сопоставлять логическое познание не с эмпирической стороной существования и развития предмета, а с внутренней сущностью последнего. Здесь сам процесс мышления будет рассматриваться в его, если можно так выразиться, «чистой» определенности, в его внутренней относительной самостоятельности не только по отношению к эмпирической форме существования и развития предмета, но также, главным образом, по отношению к самой сущности.

В этой связи неизбежен вопрос о **специфическом способе**, с помощью которого логическое мышление воспроизводит внутреннюю сущность предмета, о способе восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении.

Прежде всего, следует выяснить, каковы основные черты, особенности понятий, которыми оперирует научное мышление? Только ответив на этот вопрос, можно понять, почему именно мышление, оперирующее понятиями (логическое мышление), способно воспроизвести внутреннюю конкретную сущность предмета, представляющую собой совокупность различных сторон, моментов, связей, которые находятся в строго определенных необходимых отношениях друг к другу, в определенном, конечно, противоречивом единстве между собой.

Маркс называет конкретное «единством многообразного». Конкретна не столько чувственно воспринимаемая сторона предмета, сколько его внутренняя сущность. Более того, во внешнем, эмпирическом бытии предмета это единство многообразного почти не дано, оно дано, главным образом, восприятию лишь в пространственно-временном единстве, поскольку все многообразие сторон собрано в один предмет, внутренние необходимые связи которого еще скрыты от восприятия. Отражение одной из сторон, связей этого конкретного в мышлении есть абстракция, отражение же сущности предмета во всей совокупности его сторон и связей, есть логически конкретное, или конкретно-всеобщее, — то, что является целью теоретического мышления.

В каком же отношении стоит логическое понятие к конкретной сущности предмета?

До Гегеля по этому вопросу в теории познания господствовала кантовская точка зрения, начало которой было положено еще Локком. Под понятием понималось **общее представление,** которое отражает черты, одинаково свойственные **многим объектам** созерцания. Под понятием имелось в виду любое отвлечение от чувственно данного многообразия, лишь бы за словом, обозначающим так называемое понятие (а, по существу, представление), скрывался признак, одинаково принадлежащий целой группе предметов, или «объектов созерцания» (Кант). Чем больше группа «объектов созерцания», охватываемых данным «понятием», в тем большей степени оно — понятие. Чувствуя, что таким образом мы неизбежно останемся в пределах отражения лишь внешних для самой сущности предмета признаков, свойств и определений, Кант считал необходимым дополнить это определение понятия представлением о целом ряде категорий рассудка, которые ни в коем случае не могут быть продуктом простого восприятия индивидом «объектов созерцания», а лишь продуктом мышления (причем, многовекового развития мышления человечества), хотя сам Кант этого не утверждал. Выше (§ 1) мы приводили критические замечания Гегеля и Энгельса о том, что в чувственном восприятии не дана необходимость, понятия причины и следствия отсутствуют, и дана лишь последовательность смены одних чувственно воспринимаемых событий другими. Не понимая истинного происхождения этих категорий, понятий, которое следует искать в самой истории научного познания человечества, в процессе развития мышления человечества, Кант объявил целый ряд научных категорий априорными формами рассудка.

Кант хорошо сознавал, что без категорий, на основе которых и должна происходить обработка чувственных данных, невозможно никакое истинное познание. Поэтому, он, в противоположность локковской «чистой доске», вводит априорно данные категории причины, необходимости и т. д. Когда какой-нибудь ученый, например, физик, приступает к научному исследованию, он не вырабатывает заново понятий причины, следствия, закономерности и т. д. Эти понятия ему даны предшествующим

развитием науки, философии, хотя отнюдь не являются врожденными, априорными, как у Канта.

Гегель преодолевает ограниченность кантовской концепции, объявив то, что Кант называет понятием, лишь представлением, для которого характерна лишь форма «абстрактной всеобщности или пустого рефлективного тождества». Представление, фиксирующее только то одинаковое, общее, что присуще многим предметам, основано лишь на **абстрактном тождестве** и уже поэтому не может быть понятием. Именно поэтому у Канта понятие является бессодержательным и представляет собой простую форму всеобщности, которая заполняется эмпирическим материалом. «Конечно, если та сторона конкретного явления, — писал Гегель, — которую мы, согласно рассматриваемому воззрению, вбираем в понятие, должна служить лишь **признаком** или **знаком**, то она и в самом деле может быть тоже каким-нибудь лишь чувственным, единичным определением предмета, которое из-за какого-либо внешнего интереса избирается среди других, выделяется из них и имеет ту же природу, что и прочие»[1]. Таким образом, поскольку понятие выступает лишь как пустая форма всеобщности, то отражение в нем той или иной стороны конкретного предмета определяется лишь субъективным интересом, «внешним интересом», носит в известной степени произвольный характер. Этот способ образования понятий не избавляет науку от эмпиризма. Отыскание того, что есть общего в единичных вещах, забвение их субстанциональной основы и есть характерная черта эмпирических наук. «В эмпирических науках обыкновенно анализируют содержание, преднайденное в представлении, и когда приводят единичные вещи к тому, что в них есть общего, то это называют понятием»[2]. Образование общего представления — вот тот предел, которого достигает эмпирическая наука, оперирующая, по Гегелю, лишь абстрактными представлениями. Выделение общих признаков вещей означает вместе с тем отбрасывание их специфического содержания, в результате чего речь может идти лишь о создании таких мысленных субъективных форм, которые могут наполняться самым разнообразным эмпирическим содержанием. Гегель под-

---

[1] *Гегель*, соч. т. VI, стр. 18.
[2] Там же, стр. 57.

вергает резкой критике с позиций диалектического идеализма метафизический отрыв субъективных форм мышления от их объективного содержания, наиболее резко выразившийся в кантовском формализме[1]. Конечно, образование абстракций, понятий, отражающих одну сторону конкретно-чувственного, выглядит как обеднение последнего, так как дело представляется таким образом, будто абстрагирующее мышление выбрасывает из чувственно-данного предмета все, кроме того, что ему нужно. Гегель опровергает этот устаревший взгляд с позиций идеалистической диалектики, указывая, что понятие является «основанием» «реальности чувственного бытия». «Поэтому абстрагирующее мышление должно рассматриваться не просто как оставление в стороне чувственной материи, которая при этом не терпит, дескать, никакого ущерба в своей реальности; оно скорее есть снятие последней и сведение ее, как простого **явления,** к существенному, проявляющемуся только в понятии»[2].

В. И. Ленин высоко ценил возражения Гегеля Канту, отмечая, что мышление, идя от конкретно-чувственного к абстрактному, не отходит от истины, а подходит к ней[3]. Понятие, по Гегелю, не есть простое абстрактное тождество одинаковых признаков многих предметов. Даже сама форма всеобщности понятия отличается от всеобщности представления. Понятие должно обладать такой всеобщностью, которая бы не знала исключений. А это обеспечивается необходимым характером отношения, отражающегося в понятии.

Понятие, далее, наряду с моментом всеобщности включает в себя также «специфическую определенность». Эту мысль Гегель выразил следующим образом: «Если мы только сообразим в некоторой мере мыслительно, что это означает, то мы убедимся, что тем самым **различение** рассматривается как столь же существенный момент понятия»[4].

Но как примирить эти две черты понятия: всеобщность и специфическую определенность? Ведь всеобщность исключает всякое различие и основано на тождестве и, наоборот, специфическая определенность

---

[1] *Гегель.* Соч. т. VI, стр. 15—16.
[2] Там же, стр. 18.
[3] *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947, стр. 146.
[4] *Гегель,* соч., т. VI, стр. 19.

исключает тождественность и основана на различении, на отличии того, что в своей специфической определенности фиксируется в противоположность другим специфически определенным явлениям. Это верно, если речь идет об отражении внешних, чувственно-данных признаков и свойств предмета. Но поскольку сущность вещей противоречива, то понятия, отражающие отдельные стороны, связи сущности предмета, охватывают, так сказать, их в противоречивых взаимоотношениях внутри конкретного целого. Являясь всеобщей категорией для всех форм буржуазного производства, прибавочная стоимость есть вместе с тем специфическая категория буржуазного общества и не встречается внутри других форм общественного производства. Даже такие категории, как категория ренты, встречающаяся до капитализма, в буржуазном обществе существует в особой, специфической определенности, и это отличие фиксируется в понятии капиталистической ренты. Категория труда вообще, о которой выше уже говорилось, в условиях капитализма приобретает значение действительной **категории, понятия,** так как лишь в этих условиях труд практически носит всеобщий характер. Поэтому понятие труда вообще является категорией специфически буржуазного общества, исторической категорией. «Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, **в самой определенности этой абстракции** (подчеркнуто мной — *З. О.*) представляют собой не в меньшей мере продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их»[1]. Гегель поэтому воображал, что действительное историческое развитие, возникновение все новых и новых определенностей, различий свойственно не эмпирическим, чувственным вещам, а воплощенному в них понятию. Свойство понятия отражать предмет в его внутреннем изменении дало Гегелю повод для его идеалистических выводов. В основе этого идеалистического понимания Гегеля, однако, лежит правильная в известном отношении мысль, что если фиксировать внешние чувственные признаки вещей, то на различных стадиях развития предмета мы найдем много общего, одного и

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии.

того же. Такого рода всеобщие «понятия», абстракции, на каждом шагу создавались буржуазными экономистами, приходившими в результате к антиисторическим выводам.

С другой стороны, чувственное многообразие предметов, имеющих одинаковую сущность, может ввести в заблуждение познание, оперирующее лишь одинаковыми признаками предметов, в том отношении, что несущественное отличие одного предмета от другого может выглядеть как шаг вперед в его развитии. Логическое понятие выражает общее, присущее предметам данного рода, не посредством индуктивного фиксирования одинаковых и неодинаковых признаков предмета, а одновременно посредством и аналитического очищения внутренних связей предмета от тех внешних привнесений и влияний, которые исходят от других, посторонних предметов и явлений и которые определяют во многом форму проявления данной сущности, данных существенных связей предмета. Для образования понятия вовсе не обязательно рассматривать, созерцать все без исключения предметы одной и той же группы (в большинстве случаев это было бы даже невозможно: законы физики, химии и т. д. действуют бесконечное число раз). Здесь вполне достаточно рассмотреть один лишь случай, ибо, если взять, например, превращение теплового движения в механическое, то станет ясно, что эту закономерность, как указывал Энгельс, 100 000 паровых машин доказывают не более убедительно, чем одна.

Для образования научной абстракции, научного понятия достаточно взять явление, так сказать, «в чистом виде», т. е. в самых необходимых моментах, без которых данное явление вообще невозможно даже в идеальном плане, в воображении. Для этого мышление, восходящее от конкретного к абстрактному, проводит большую «очистительную» работу, избавляя предмет рассмотрения от всяческих внешних затемняющих дело «побочных обстоятельств», без которых анализируемое отношение возможно хотя бы идеально[1]. Маркс потому изучал политическую экономию на фактическом материале, главным образом, Англии, что здесь легче всего было очи-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Диалектика природы, 1950, стр. 181—182.

стить рассматриваемые внутренние связи и отношения от всякого рода искажений, «побочных процессов», «побочных обстоятельств», которые составляют существенный момент формы проявления сущности предмета, искажают ее и т. д. В Англии, в стране наиболее развитого капитализма, этого было меньше всего, хотя бытие любой сущности в «чистом виде», или ее «идеальное» бытие, вообще говоря, не действительно[1].

Таким образом, если возможно рассмотрение той или иной внутренней связи предмета без сравнения ее с другими предметами, то это возможно только посредством логического рассмотрения, оперирующего понятиями. Если посредством силы абстракции удается отделить процесс, внутреннюю связь предмета от «побочных обстоятельств»[2], то тем самым будет обнаружен тот самый пункт, в котором сущность и явление **совпадают.** Старая наука и докантовская теория познания исходила из этого совпадения и искала его в чувственном. Сила и слабость Гегеля в том, что он усмотрел это совпадение в понятии, заявляя, что в понятии сущность выступает в «чистом виде», и делая отсюда неверный вывод, что, следовательно, понятие лежит в основе чувственно данного[3].

В противоположность Гегелю, Маркс, который также считал, что «чистое бытие» сущности возможно лишь идеально, в понятии, не сомневается в ее существовании вне понятия, в ее материальном бытии. Причем, Маркс отмечает, насколько важно это понимание реального существования всеобщей связи для науки. Вот, например, рассуждение Маркса о понятии «капитал вообще»: «...капитал вообще в **отличие** от особенных реальных капиталов сам есть **реальное** существование. Это признано, хотя и не понято, обычной экономией и образует существенный момент в ее учении о выравниваниях и т. д. Например, капитал в этой **всеобщей форме,** хотя и принадлежит отдельным капиталистам, в своей элементарной форме составляет капитал, который скапливается в банках, или распределяется ими, и, как говорит Рикардо, удивительным образом (so bewunderswürdig) разделяет-

---

1. См. *K. Marx.* Grundrisse der kritik..., S. 844—845.
2 Подробнее об этом см. следующую главу данной работы.
3 *Гегель,* Соч. т. VI, стр. 19.

ся в отношении к потребностям производства... Будучи, с одной стороны, лишь **мысленным специфическим** отличием, всеобщее есть вместе с тем **особая** реальная форма наряду с формой особенности и единичности... Точно также и в алгебре. Например, а, в, с суть числа вообще, во всеобщности; но они суть затем целые числа по отношению к а/в, в/с, с/в, с/а, в/а и т. д., которые предполагают их как всеобщие элементы[1].

Подобно тому, как алгебраические величины а/в, в/с, с/в и т. д. реально возможны благодаря лишь реальному существованию величин а, в, с, подобно этому и все особенные формы капитала, связанные со всеми особыми реальными отраслями производства, предполагают **реальное** существование «капитала вообще», предполагают существование капитала в его всеобщей форме бытия — денежной. Капитал в виде денег во всех отраслях капиталистического производства одинаков. Это — единственный вид капитала, в котором он реально носит всеобщий характер по отношению ко всем особенным формам своего бытия. Но и в виде денег бытие капитала не является столь чистым. Деньги неизбежно имеют свою специфическую форму чувственного бытия в золоте и серебре. Более «чистой» формой всеобщности капитала является стоимость, по отношению к которой сами деньги в любом виде (даже в виде символических бумажных знаков) выступают как форма чувственного бытия ее. А стоимость невозможно саму по себе воспринимать ни на слух, ни на зрение, ни пощупать. И тем не менее она существует как определенное «отношение уже данного конкретного живого целого»[2].

Выше мы рассматривали черты понятия не в его **внутреннем** противоречии. Мы брали понятие как выражение отношения внутренних связей, одинаково присущих всей группе данных предметов и в то же время специфически определенных по сравнению с внутренними связями других предметов. Понятие «капитал вообще» является, например, всеобщим для всех капиталистических обществ и специфическим для капитализма по сравнению с феодализмом. Одно и то же понятие берется как всеобщее по отношению к одной группе предметов и специ-

---

[1] *К. Marx*. Grundrisse der Kritik..., S. 353, 354.
[2] *К. Маркс*, «К критике политэкономии», стр. 214.

фическое — по отношению к другой[1]. Эта особенность понятия характеризует лишь историческое развитие предмета, фиксированного в понятии.

Однако научное понятие содержит в себе еще одно противоречие: это — противоречие, существующее между отдельными сторонами, связями внутренней сущности предмета. Речь идет об отношении одной стороны конкретной сущности предмета к остальным ее сторонам, ко всей совокупности ее сторон, связей.

В том же рассуждении Маркса о понятии капитала эта сторона дела выражена предельно ясно. «**Капитал вообще** в отличие от особых капиталов выступает хотя 1) **лишь как абстракция;** однако не произвольная абстракция, которая охватывает (auffa t) специфическое различие (differentia specifica) капитала в отличие от всех других форм богатства, или способов, посредством которых развивается производство (общественное). Это — такие определения, которые общи каждому капиталу или каждую определенную сумму денег превращают в капитал. И различия внутри этой абстракции являются точно также абстрактными особенностями, которые характеризуют каждый вид капитала, в котором он является ее утверждением или отрицанием (например по-

[1] Здесь следует заметить, что, несмотря на ряд моментов, отличающих вышеприведенное рассуждение от формальнологического анализа, мы при рассмотрении понятия, научной абстракции все еще не вышли за пределы формальной логики, хотя в ней и отсутствует ряд указаний на этот счет (например, формальная логика не требует от понятия в силу своей абстрактности выражения необходимых моментов предмета). Тем не менее поскольку формальная логика — лишь момент, элементарная часть, абстрактная сторона логики диалектической, постольку диалектические понятия (которые содержательны, так как отражают внутренние противоречия предмета) обладают и родо-видовыми свойствами, особенностями формально-логических понятий. Эти две стороны диалектических понятий следует строго различать, чтобы из-за их слитности (ибо только в диалектической логике и достигается содержательность форм мышления) не спутать то, что относится к специфическому содержанию диалектического понятия, с тем, что общё последнему с формально-логическим понятием. К сожалению, это обстоятельство ускользает от внимания Н. В. Медведьева, который, несмотря на превосходный анализ объективных основ законов формальной логики (см. *Н. В. Медведьев* «Теория отражения и ее естественно-научное обоснование». Соцэкгиз, 1963 г., стр. 234—238), при изложении противоречий диалектического мышления выдает иногда формально-логический анализ противоречий понятия за анализ «по содержанию» (см. там же, стр. 275—276).

стоянный капитал или циркулирующий капитал (capital cirkulant)»...[1]. Отсюда видно, что всеобщность понятия не исключает его определенности не только по отношению к другим понятиям, отражающим другие предметы, но и определенности его внутри, так сказать, самого себя. Оно должно, как говорил еще Гегель, содержать в себе богатство особенного. Гегель имел в виду здесь «снятие» в его логике «специфических особенностей» положительных наук, но В. И. Ленин отметил здесь положительный момент в том аспекте, что всеобщее вообще должно воплощать в себе «богатство особенного, индивидуального, отдельного»[2].

С этой точки зрения понятие «капитала вообще», являясь всеобщим (так как содержит в себе «такие определения, которые общи каждому капиталу»), вместе с тем есть нечто весьма **содержательное** внутри самого себя, ибо «различия внутри этой абстракции являются точно также абстрактными особенностями, которые характеризуют каждый вид капитала». Таким образом, всеобщее понятие, являясь, с одной стороны, абстракцией, фиксирующей момент, общий каждому предмету данного рода, с другой стороны, представляет собой нечто весьма сложное, внутри самого себя расчлененное на другие абстрактные определения, моменты, есть, следовательно, само по себе нечто конкретное.

Каждое научное понятие, таким образом, должно быть, с одной стороны, абстракцией, с другой стороны, однако, обладать конкретным содержанием. Оно должно быть абстрактным как момент, как одна из совокупных сторон многообразного целого и конкретным внутри самого себя, т. е. содержательным, обладающим определенным богатством особенных определений. Это обстоятельство является необходимой предпосылкой научности понятия. Лишь благодаря своей содержательности, определенности, научное понятие перестает быть «произвольной абстракцией», пустой, не имеющей никакого значения для познания конкретного целого. Выражая весьма определенное содержание предмета, оно играет свою

---

[1] *K. Marx*. Crundrisse der Kritik..., S. 353.

[2] *В. И. Ленин*, «Философские тетради», 1947, стр. 73. Подробное и основательное рассмотрение понятия общего см. в книге *Э. В. Ильенкова* «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса». АН СССР, 1960.

строго определенную роль в характеристике той или иной стороны предмета.

Здесь мы подошли к новому соотношению, к соотношению между абстрактным и конкретным. Поскольку вообще, понятие может быть внутри себя неким расчлененным целым, может содержать в себе совокупность абстрактных определений, то отсюда вытекает, что конкретное не есть только единичное и особенное. Отсюда вытекает также более важный вывод, что логическое познание может иметь своим результатом конкретное понятие, несмотря на его всеобщность. Поэтому конкретное возможно не только как реально существующий материальный предмет в его наглядно-чувственной форме, но и как логическое конкретное, как «мысленная конкретность». Отсюда ясно, что и абстрактное и конкретное в мышлении суть общие понятия и что противоположность между абстрактным и конкретным не есть противоположность между общим и единичным. «Конкретное потому конкретно, — пишет Маркс, — что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного»[1]. И если в реальной действительности «абстрактное» отношение есть не что иное как «одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого»[2], то отсюда следует, что в логической сфере абстрактное, абстракция есть лишь одно из «многочисленных определений» конкретного.

Старая домарксовская теория познания основывалась на отождествлении абстрактного и общего. Для нее общее во всех случаях означало абстрактное, а единичное и особенное — конкретное. Причем никакой онтологической значимости за абстрактным и всеобщим не признавалось. Абстрактное и всеобщее существует лишь в познании, в мышлении, суть лишь мысленное отвлечение, а в объективной реальности существует только единичное, особенное, конкретное — такова основная исходная точка, от которой отправлялась метафизическая теория познания старого материализма, включая не только фейербаховский, но даже материализм такого выдающегося диалектика, как Герцен.

Последовательно исходя из позиций диалектического

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 213.
[2] Там же, стр. 214.

материализма, Маркс считает, что абстрактные понятия потому возможны, что в самой реальной действительности существует не только конкретное, но и абстрактное. Если понятие абстрактно вследствие того, что выступает как одно из «многочисленных определений» мыслимого конкретного, то, следовательно, в самой реальной действительности должны существовать «абстрактные всеобщие отношения»[1], которые выделяются путем анализа познанием человека в качестве абстрактных определений действительности. Говоря о сведении всех видов (включая самые сложные виды) труда к простому, однородному, к абстракции труда для понимания определения стоимости рабочим временем, Маркс замечает: «Это сведение выступает как абстракция, однако, это — абстракция, которая в общественном процессе производства совершается ежедневно. Сведение (Auflösung) всех товаров к рабочему времени есть не большая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух... Эта абстракция всеобще-человеческого труда **существует** в среднем труде, который в состоянии выполнить каждый средний индивидуум данного общества: это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это — **простой** труд, к которому может быть приучен каждый средний индивидуум и который он, в той или другой форме, должен выполнять»[2]. Таким образом, реально существует не только общее, как это отмечалось выше, но и абстрактное. Причем это имеет значение не только для области общественного развития, ибо точно так же «природа и конкретна и абстрактна»...[3]. Это замечание В. И. Ленина было сделано в связи с доказательством объективности логики[4].

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 213.

[2] Там же, стр. 15—16.

[3] См. *В. И. Ленин,* «Философские тетради», 1947, стр. 180.

[4] Логическое объективно, поскольку его содержание совпадает с законами материального, объективного мира, но оно субъективно по форме, ибо форма логического — понятия, категории и т. д. — «специфична», пусть даже эта специфика и не является «изначальной», против чего справедливо выступают (см. напр. *Г. С. Батищев* «Противоречие как категория диалектической логики». В. Ш., 1963 г.). Часто утверждают, что форма логического совпадает с формой материального (там же, а также *А. Касымжанов* «Проблема совпадения диалектики, логики и теории познания» АН Казахской ССР. Алма-

Поскольку абстрактное и конкретное в понятии отражают реально существующие абстрактное и конкретное, то отсюда ясно, что их взаимное отношение должно отражать взаимоотношение между реально существующим конкретным и его абстрактными моментами и сторонами. Связь между логическими абстракциями должна определяться реальной связью, существующей между существенными сторонами, отношениями конкретного. Воспроизведение этих реально существующих отношений, связей между сторонами конкретного предмета осуществляется логическим мышлением в процессе его восхождения от абстрактного к конкретному.

Вопрос о восхождении мышления от абстрактного к конкретному впервые поставил Гегель. Он исходил из того, что развитие сопровождается усложнением внутренних связей развивающегося. «Прежде всего, это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей и что последующие определенности становятся все **богаче и конкретнее.** Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. **Всеобщее** составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как **течение** от некоторого **другого** к некоторому **другому.** В абсолютном методе понятие **сохраняется** в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения,

---

Ата, 1962 г. и др.), а между тем форма материального является «мыслительным **содержанием**» логического, знания, хотя, бесспорно, форма логического определяется этим содержанием, не переставая, однако, быть субъективным выражением последнего, субъективной диалектикой. Категория, будучи формой мышления, отнюдь не является формой материального предмета, отражаемого им. «...Объективное противоречие отражается в виде противоречия субъективного — теоретического, логического противоречия»... (*Э. В. Ильенков* «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса», стр. 264). И если говорят, что «Категории представляют собой... предметные свойства объекта» (*Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Баканидзе* «Проблемы логики и диалектики познания»..., стр. 216), то перед нами **полное** совпадение, абсолютное тождество бытия и мышления, объекта и субъекта.

не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя»[1].

Здесь Гегель в самой общей, схематичной форме изобразил процесс поступательного, восходящего развития познания. Этот метко подмеченный Гегелем механизм восходящего развития сразу же был оценен В. И. Лениным, сделавшим в своем конспекте «Логики» Гегеля следующее замечание: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»[2]. В этом диалектическом изложении восходящего развития познания Гегель дал весьма ценную идею о том, что познание начинает с простых определений и по мере своего развития переходит ко все более богатым и конкретным результатам. Познание должно «постигать» конкретное в его целостности. Оно для этого сначала «охватывает» отдельные определения в их тождестве. Но здесь еще нет понимания того, «что **есть**». Для этого познание должно «уразуметь многообразие определений в их единстве»[3].

Несмотря, однако, на диалектическую постановку вопроса об абстрактном и конкретном, о развитии от абстрактного к конкретному, Гегель вместе с тем не только не смог дать верную картину этого восхождения, но даже вовсе не поставил такого важного вопроса, как вопрос о противоречивом отношении логического отражения предмета к его сущности. Отсутствие этой постановки вопроса было обусловлено его ненаучным решением вопроса о внутренней природе конкретного (предмета). Уже много раз отмечалось, что сущность вещей Гегелем понималась идеалистически — как духовная сущность. Поэтому свойством конкретности Гегель наделяет только дух. Материальная природа, будучи чем-то внешним по отношению к духу, не может быть конкретной и все ее явления не находятся между собой во внутреннем единстве, а обособлены друг от друга, «внеположны» друг другу. «Так, как каждый материаль-

---

[1] *Гегель.* Соч. т. VI, стр. 315.

[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 202.

[3] *Гегель,* т. VI, стр. 260. «Всякое содержание, — писал он в другом месте, — получает оправдание лишь как момент целого, вне же этого целого оно есть необоснованное предположение, или субъективная достоверность» (*Гегель.* Соч. т. 1, стр. 32).

ный пункт кажется совершенно независимым от всех других, то в природе господствует безмыслие: она не сводит вместе своих мыслей. Солнце, планеты, кометы, стихии, растения, животные стоят в ней отдельно, каждое само по себе. Солнце по отношению к земле есть некий другой индивидуум, которого связывает с планетами лишь тяжесть. Лишь в живых существах достигается субъективность, в противоположность внешнего друг другу существования; сердце, печень, глаза не являются сами по себе самостоятельными индивидуумами, и рука, отделенная от тела, разлагается. Органическое тело все еще является чем-то многообразным, вне друг друга сущим множеством, но каждый его отдельный орган существует лишь в субъекте, и понятие существует как власть над этими членами»[1]. Правда, это абстрактное существование «материальных пунктов» природы Гегель объявляет лишь кажущимся, заявляя, что не надо давать себя обманывать видимостью «внеположности». «Мы должны рассматривать природу, — говорит он, — как **систему ступеней,** каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала»..., но тут же добавляет: «...причем однако здесь нет **естественного,** физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы. **Метаморфозе** подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения представляют собою развитие. Понятие же представляет собою в природе отчасти лишь некое внутреннее, отчасти же существует лишь в качестве живого индивидуума»[2].

Однако, и в органическом мире, по Гегелю, способность развития присуща лишь одной стороне дела — идеальной. В целом, за органической природой Гегель отрицает историю как некоего развивающегося конкретного целого. Она содержит в себе лишь намеки на несовершенную целостность[3].

Эта идеалистическая попытка объяснить универсальную взаимосвязь этих явлений мира при помощи развития **понятия, идеи** вполне понятна, если учесть со-

---

[1] *Гегель,* Соч., т. II, стр. 26.
[2] Там же, стр. 28.
[3] *Гегель,* т. IV, стр. 159.

стояние естествознания времен Гегеля. Оно стояло еще на пороге своих великих открытий, которые привели к научной диалектике, и идеалист Гегель не мог найти поэтому в старом естествознании объяснения универсальной взаимосвязи в различных областях мира с точки зрения «естественного», физического процесса порождения. Открытие растительной и животной клетки было сделано Шлейденом и Шванном в 1836 году. Механический эквивалент тепла и вообще закон сохранения и превращения энергии был открыт и сформулирован в 1842 году. Теория происхождения видов Дарвина — в 1859 году. Таблица химических элементов Менделеева появилась еще 10 лет спустя.

Гегель считал, что «во всякой системе наиболее абстрактное является первым членом, а истиной каждой сферы является последний член», который в свою очередь «является лишь первым членом некоторой высшей ступени»[1], и этого абстрактного начала развития, органической клетки, Гегель в естествознании не находил. Вот почему идея развития от абстрактного к конкретному, от простого к сложному допускалась Гегелем лишь как развитие идеи.

В области общественного развития — тот же идеалистический взгляд, согласно которому различные сферы общественной жизни суть лишь отдельные абстрактные формы проявления «конкретного духа». В предыдущих разделах работы уже рассматривался гегелевский взгляд на предмет политической экономии и вряд ли будет целесообразно к этому возвращаться еще раз. Политическая экономия — одно из многих односторонних, абстрактных проявлений того же самого духа, и отсутствие исторического материализма в то время являлось главным препятствием для понимания общества как единой «органической системы», основу которой составляет **материальный** способ производства. Поэтому Гегелю ничего другого не оставалось как объединять различные стороны общественной жизни в некое конкретное единство на основе **идеальной**, на основе активно развивающегося в полную конкретность духа.

Из всего вышеизложенного вытекает двоякий вывод:

а) У Гегеля свойством конкретности наделяется ду-

---

[1] *Гегель.* соч. т. II, стр. 29.

ховное, и б) развитие от абстрактного к конкретному, применимое лишь в области духовного познания (к истории научного познания и процессу логического мышления), отождествляется с развитием самой действительности.

Концепция Маркса прямо противоположна гегелевской. Прежде всего, как мы видим, для Маркса материальный предмет познания обязательно есть нечто конкретное целое во всех областях мира. Система материальных производственных отношений людей рассматривается Марксом как исторически ставшая, что также мы видели выше (§ 2). Однако, это становление конкретного предмета не тождественно процессу восхождения от абстрактного к конкретному. Являясь «единством многообразного», конкретное в мышлении «представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»[1]. Исходный пункт развития в действительности всегда есть конкретное материальное явление. Оно поэтому является «также исходным пунктом созерцания и представления». Процесс перехода от созерцания и представления к абстрактному мышлению есть процесс образования абстракций. Буржуазная политическая экономия при своем возникновении в XVII веке начинала с «живого целого», с конкретно-чувственного предмета и приходила к различным абстрактным простейшим определениям, понятиям: разделение труда, деньги, стоимость и т. д. «Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, стали возникать экономические системы, которые восходят от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость, к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»[2]. Первый путь есть переход от представления к абстрактным понятиям. Они не могут служить непосредственной целью теоретического познания, а лишь его исходным пунктом, ибо конкретный предмет есть не механическая сумма отдельных сторон,

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 213.

[2] Там же.

а определенное закономерное единство их. Именно на втором пути «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления»[1]. Таким образом, абстрактное мышление, т. е. мышление, оперирующее абстракциями, приводит в результате к конкретному.

Этот переход от абстрактного к конкретному лишь в самом условном смысле совпадает с движением действительности от простого к сложному. Действительность, материальный предмет и логическое его отражение совпадают лишь в итоге, в результате, и чем глубже теоретическое мышление, чем правильнее оно, тем точнее это совпадение. Маркс критикует Гегеля за его непонимание этой особенности логического мышления, за его механическое отождествление логического развития с развитием действительности: «Гегель поэтому впал в иллюзию, что реальное следует понимать как результат себя в себе охватывающего (des sich in sich zusammenfassenden), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»[2].

Таким образом, восхождение от абстрактного к конкретному есть единственно возможный и правильный в научном отношении способ **теоретического** воспроизведения **любого** реально существующего конкретного предмета[3], который в процессе этого восхождения постоянно существует только как самостоятельное «целое», как предпосылка. Этот способ восхождения от абстрактного к конкретному есть специфический способ движения **лишь теоретического** освоения материального мира.

Гегель поэтому именно ход теоретического мышления как самого глубокого и совершенного способа отражения внутренней сущности предмета отождествил с развитием самой действительности. Отсюда он, естественно, должен

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 213.

[2] Там же, стр. 213—214.

[3] Возможность применения способа восхождения от абстрактного к конкретному в естествознании хорошо показана в работе *М. И. Алексеева* «Диалектическая логика» (Краткий очерк), Высшая школа, 1960, стр. 96—108.

был прийти к выводу о самостоятельном историческом или естественном существовании простых категорий до возникновения конкретного целого.

Маркс критикует Гегеля, например, не за то, что тот начинает свою философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта, человека, а за его извращенное допущение самостоятельного существования этого простейшего отношения между людьми вне всей конкретной совокупности их взаимоотношений: «...никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только **владеют**, но не имеют **собственности.** Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ к собственности. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако более конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается»[1]. Как видно, идеализм постоянно приводит к метафизической ограниченности. Отождествив процесс логического развития с процессом развития конкретной действительности, Гегель пришел к метафизическому допущению самостоятельного существования отдельного, одной стороны конкретного без самого конкретного, части без целого, хотя в своих отвлеченных рассуждениях по этим вопросам он весьма диалектичен. В. И. Ленин поэтому тысячу раз прав, когда говорит, что Гегель за диалектикой понятий лишь угадал диалектику вещей, не больше.

Вместе с тем, Маркс замечает, что здесь остается доля истины, которая заключается в том, что более простые категории выражают господствующие отношения менее развитого конкретного целого. Исторически может встретиться и обратное отношение, но поскольку логическое познание рассматривает развитие материального предмета в его необходимости, то оно должно выводить из более простых категорий (выражающих более простые и общие отношения) более сложные, развитые, выражающие более конкретные отношения. Гегель постольку прав, и, следовательно, задача заключается в том, чтобы отыс-

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 215.

кать ту элементарную, простейшую категорию, которая **является самой первичной,** всеобщей основой происхождения и развития конкретного целого.

Выше мы говорили об исходном понятии науки, но подробно его не разбирали. Что же оно из себя представляет? В своей «Науке логики» Гегель ставит этот вопрос и дает столь же абстрактное его решение, сколь абстрактна и сама постановка вопроса. Вопрос ставится не в плане отыскания самого элементарного и всеобщего отношения материального предмета, различные стороны которого развились из этой всеобщей основы, а сводится к выработке простейшего **понятия,** которое из самого себя должно породить все богатство ставшего конкретного целого[1].

Как же Гегель формулирует свое положение об исходном понятии науки? Гегель считал, что начало логического мышления не должно быть конкретным, ибо «если делают началом конкретное, то недостает доказательства, в котором нуждается соединение содержащихся в конкретном определений»[2]. Абстрактность гегелевской постановки вопроса о начале заключается в том, что, не беря предмет познания как строго определенный предмет, отличающийся своими специфическими закономерностями развития, он вынужден искать не начало определенного предмета, а начало как таковое, начало логического развития вообще, «абсолютное начало». Стремясь проследить единую диалектическую нить развития всего мира и идеалистически трактуя ее, как ход развития идеи вообще, абсолютной идеи, Гегель вполне последовательно приходит к метафизическому, абстрактному пониманию начала логического развития. Так, например, утверждая, что «начало» должно быть всеобщим и абстрактным для всей системы возводимого логически конкретного, он объявляет его настолько абсолютным, что ровным счетом ничего не может сказать о его содер-

---

[1] «Мысли Гегеля, — как верно заметил А. Зиновьев, — о развертывания науки из некоторого единого основания и по определенным общим логическим принципам не были развиты им до уровня, понятного и приемлемого для представителей частных наук, в силу ненаучности его философских воззрений на соотношение научного мышления и изучаемой эмпирической действительности» («Диалектика и логика. Формы мышления». АН СССР, М., 1962, стр. 224).

[2] *Гегель,* Соч. т. V, стр. 63.

жании, кроме того, что начало **«ничего не должно предполагать»,** ничем не должно быть опосредствовано, не должно также иметь «никакого основания», что, кстати, совершенно неверно. Неверно также, что начало не может иметь никаких определений как «по отношению к другому», так и «внутри себя», следовательно, «не может заключать в себе какого бы то ни было содержания»[1].

Рассматривая предмет конкретно-исторически, Маркс развивает свое единственно научное понимание исходного понятия, «начала» науки[2], которое прямо противоположно гегелевскому. Прежде всего Маркс исходит из того, что исходное понятие, с которого должно начинать логическое мышление, должно иметь место и в конкретной области человеческого познания, как, например, в политической экономии, а не только в философии, как полагал Гегель, говоря «об абсолютном начале» логики. И именно потому, что исходное понятие имеется и в конкретной положительной науке, оно не может быть абсолютным, **ничего не предполагающим** понятием, лишенным всякого содержания, всяких определений, всякого опосредствования и основания.

Маркс показывает, что капиталистический способ производства, как конкретное целое, вырос из феодального способа производства, причем из определенного реального отношения между людьми, которое для капиталистического способа производства явилось, так сказать, всеобщей основой его возникновения и происхождения, хотя в предшествующем конкретном это отношение, как

---

[1] *Гегель.* Соч. т. V, стр. 53.

[2] Характерно, что видные представители современной физики вынуждены сознательно ставить проблему начала науки, хотя их формулировки и не столь совершенны. «Когда для построения точной науки, — писал Макс Планк, — мы отыскиваем исходную точку, которая выдержала бы любую критику, то прежде всего необходимо значительно снизить требования. Мы не должны думать, что нам удастся сразу, с помощью какой-нибудь одной удачной мысли, натолкнуться на имеющий всеобщее значение принцип, из которого можно с помощью точных методов развить завершенную систему науки. Наоборот, мы должны сначала довольствоваться такой истиной, которой не может коснуться скепсис. Другими словами, мы должны обратить наше внимание не на то, что нам хочется знать, но прежде всего на то, что мы достоверно знаем». (*«М. Планк,* «Смысл и границы точной науки», журн. «Вопросы философии», № 5, 1958, стр. 103—104). Здесь остается лишь добавить, что такой подход был предложен приблизительно 100 лет тому назад.

правило, занимало подчиненное положение. Следовательно, так называемое «начало науки» является всеобщей основой лишь для данного конкретного целого. «Стоимость, как таковая, — писал Маркс Энгельсу в 1858 году, — не имеет другой «материи», кроме самого труда. Такое определение стоимости, только впервые намеченное у Петти и вполне разработанное у Рикардо, является лишь самой абстрактной формой бузжуазного богатства. Она сама по себе уже предполагает 1) исчезновение первобытного коммунизма (Индия и т. д.); 2) всех недоразвитых, добуржуазных способов производства, еще не подчиненных полностью обмену. Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая может возникнуть только на основе определенного экономического развития общества»[1].

Выше мы указали, что всеобщность понятия должна предполагать необходимость черт, выраженных им, что содержание его должно иметь значение для всех, без исключения, предметов данного вида. Здесь же речь пойдет о всеобщности особого рода, о такой всеобщности, которая служит основой для понимания более конкретных понятий, или, иначе говоря, о «субстанциальности» понятия. Всеобщность меновой стоимости давным-давно представление фиксировало как эмпирический факт. Это явилось предпосылкой для постановки вопроса об источнике, о субстанции, о внутренней, скрытой основе меновой стоимости. Поставив и правильно ответив на этот вопрос, классическая политическая экономия выработала **понятие** (трудовой) стоимости. Понимание общественного труда как субстанции стоимости явилось великой исторической заслугой классической политической экономии. И это понятие стоимости может быть получено не только путем умственного отвлечения от всех явлений буржуазного общества, имеющих стоимость, а путем рассмотрения особенного случая — простого обмена товаров без посредства денег. Маркс при анализе свойств стоимости рассматривает всего-навсего один особенный случай простого обмена товаров и раскрывает при этом свойства, которые рассматриваются им как наиболее простые и наиболее всеобщие. Таким образом, Маркс в своем исследовании начинает не с всеобщего, абсолют-

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. т. XXII, стр. 327—328.

ного, как Гегель, а восходит «от частного к общему»[1], от единичного и случайного ко всеобщему и абстрактному. Казалось бы, это и есть индукция, ведь таков ее ход всегда. Но в том-то и дело, что этот процесс есть одновременно и дедукция, поскольку Маркс идет здесь, вместе с тем, от общего представления о всеобщности меновой стоимости (полученного первоначально путем эмпирическим, индуктивным) к выработке **особенных** определений отношений стоимости, меновых отношений. О месте индукции и дедукции в теоретическом мышлении в следующей главе данной работы будет идти речь особо. Здесь поэтому ограничимся лишь этим замечанием.

Но почему именно меновая стоимость выступает в качестве всеобщей основы буржуазного общества, из которой можно объяснить происхождение всех остальных, более сложных отношений? Потому что, выступая первоначально как случайное, единичное, подчиненное отношение, стоимость постепенно сама подчиняет себе все общественные отношения, превращаясь не только в субстанциальную основу всеобщего обмена товаров, но и в цель капиталистического общества[2]. Стоимость является той всеобщей основой, на которой покоится все **специфически конкретное** здание капиталистического способа производства, и именно потому она является всеобщей абстрактной основой, что те отношения, которые ее предполагают, являются более сложными, развитыми, конкретными. Она является как бы их тайной, источником[3].

Вместе с тем, эта абстракция непосредственно дана в натуральной, чувственной форме товара. Это **реально-всеобщее** бытие стоимостей в буржуазном обществе в виде материальных товаров не могло быть признано Гегелем в качестве истинной основы конкретного целого. Гегель постоянно подчеркивает, что основой чувственного бытия является понятие лишь потому, что оно обладает всеобщностью, а чувственное — только единичностью. Однако, по Марксу, товар (хлеб, например) является «вещью чувственно-сверхчувственной»[4], и это значит, что общее реально существует лишь как чувственное единич-

---

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 5.

[2] См., например. *К. Marx.* Grundrisse der Kritik.., S. 804, К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 28.

[3] *К. Marx.* Grundrisse der Kritik... S. 662.

[4] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 29.

ное, что оно выступает как закон существования единичного.

Итак, с точки зрения Маркса, исходное понятие науки должно выражать не нечто абсолютное, сверхчувственное, не «чистое бытие», которое ничего не предполагает, не опосредствовано предшествующим развитием, как утверждает Гегель, а весьма **определенное** бытие, «элементарное бытие». «На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар—как его элементарное бытие»[1]. Начало—самое простое, обычное, массовидное, непосредственное «бытие»: отдельный товар («бытие» в политической экономии)»[2]. Подобно тому, как современная биология начинает с «элементарного бытия», — с одноклеточных организмов, так и политическая экономия должна начинать с элементарного, простейшего отношения общества — с товара.

Характерно, что систематическое изложение этих двух наук появилось в одном и том же, 1959, году, хотя у Дарвина отсутствует сознательное применение диалектики к биологии. Будучи настоящим ученым, Дарвин под давлением диалектики самой действительности вынужден был построить, в общем, правильную картину развития живого мира.

Однако стоять на точке зрения развития—значит логически вывести противоречия развитого конкретного целого из его всеобщего источника, из его исходного понятия, как подчеркивал В. И. Ленин. Научное, диалектическое понимание «начала» делает возможным также выведение, развитие более сложных понятий из простых, абстрактных, ибо «исходное понятие науки», понимаемое диалектически, включает такие противоречивые определения, которые содержат в себе уже возможность перехода к новому, «третьему» отношению. Исходное понятие, понимаемое предельно абстрактно, не содержит в себе подобной возможности. У Гегеля порождение общим особенного, конкретного выглядит как переход от «плода вообще» к конкретно-чувственным, особенным яблоку, груше, миндалю и т. д. У него способностью развития

---

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, стр. 11.
[2] *В. И. Ленин,* Философские тетради, 1947, стр. 215—216.

обладает лишь мышление, оно и порождает особенное, которое обнаруживается в чувственном. По этой же причине и начало у Гегеля столь абстрактно. Отсюда — его мистицизм в понимании взаимосвязи общего, особенного и единичного.

У буржуазных экономистов переход от общего и абстрактного к особенному есть движение, протекающее в мысли. Общее — это понятие стоимости, которое следует прикладывать к ее особенным воплощениям: капиталу, ренте, проценту и т. д., которые не возникают один из другого, а вечно сосуществуют один возле другого. У них постоянно поэтому встречается смешение простого товарного обращения с капиталистическим, непонимание того факта, что простое товарное обращение есть исторически пройденная ступень развития и характеризует собой докапиталистические формы отношений обмена. Переход от общего и абстрактного к особенному и конкретному для них есть не процесс развития реального предмета, а процесс перехода от общего понятия к рассмотрению особенного, конкретно-чувственного предмета, поэтому они обычно от рассмотрения собственности вообще переходят, как указывалось, **сразу**, непосредственно к рассмотрению особенной, капиталистической формы собственности, хотя в действительности капиталистическая форма собственности выросла из более простой и вместе с тем особенной собственности — феодальной. Следовательно, ход развития действительности в корне противоречит ходу рассуждений экономистов. Получается тот же гегелевский переход от общего понятия «плод вообще» к особенным, чувственным яблоку, груше, миндалю и т. д. Характерно, что и Прудон делал мистические прыжки от идеи разделения труда сразу к капиталистической (особенной) форме разделения труда.

Маркс исходит из того, что, в основном, «законы абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствуют действительному историческому процессу»[1]. Как же осуществляются этот «действительный исторический процесс» и соответствующее ему логическое развитие?

Мы уже говорили о том, что логическое мышление в процессе воспроизведения конкретного производит сое-

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 215.

динение множества абстракций в определенное конкретное единство в строгом соответствии с тем, как объединены все стороны конкретного целого в действительности. Однако это лишь самое общее выражение процесса. Энгельс следующим образом описывает данный процесс: «При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, — из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть **отношение,** означает, что в нем есть две стороны, которые **относятся друг к другу.** Каждую из этих сторон мы рассматриваем самое по себе; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мысли, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, когда-либо совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое решение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения и что теперь нам надо развивать две противоположные стороны этого нового отношения и т. д.»[1]. Таким образом, познание рассматривает наиболее простое отношение, с которого оно начинает, не абстрактно, а конкретно, как связь противоречивых сторон, как живое противоречие, как переход данного отношения в свою противоположность и, следовательно, дальнейшее развитие в более сложное отношение. Например, товар есть «клеточка», «ячейка» буржуазного общества, в которой исследование должно вскрыть «все противоречия (respective зародыш **всех** противоречий) современного общества»[2]. Так, из противоречия между всеобщим характером стоимости и ее материальным существованием в виде определенного товара вытекает категория денег и из противоречий денежного обращения — категория капитала и т. д.[3].

Из приведенных выше слов Энгельса о диалектическом методе вытекает, что переход от одной категории к

[1] *К. Маркс.* К критике политической экономии, стр. 236.
[2] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 328.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. XXII, стр. 328—330.

другой осуществляется через установление определенного противоречия, т. е. различение противоречивых сторон определенного отношения, превращение его в свою противоположность и затем установление нового отношения, представляющего собой единство этих противоположностей. Причем противоречие той или иной категории есть выражение реального «противоречия, которое само себя разрешает»[1]. Поэтому и сама категория есть «живое единство обоих определений»[2].

Только диалектическое рассмотрение каждой достигнутой ступени как движения, процесса обеспечивает глубокое понимание сущности предмета в его противоречивом развитии. Буржуазные экономисты рассматривали экономические отношения как готовые, неизменные и, конечно, поэтому не могли понять внутренних тенденций развития буржуазных производственных отношений. Самое большее, что могла сделать старая политическая экономия, это — фиксировать данные экономические отношения и абстрактно выражать их как самостоятельно существующие особенные формы одного и того же всеобщего отношения, в котором стерты все противоречия буржуазного общества и, следовательно, все тенденции его дальнейшего развития. Маркс критикует буржуазных экономистов, которые вместо того, чтобы развивать выступающие в процессе движения противоречия буржуазного общества, рассматривают «конечные результаты без движения, которое их опосредствует», «единство без различия, утверждение без отрицания»[3]. «Не замечают,— пишет Маркс,—что уже в простом определении меновой стоимости и денег скрыто содержится противоположность между наемным трудом и капиталом и т. д. Вся эта премудрость выражается в том, чтобы оставаться при простых экономических отношениях, которые, будучи самостоятельно рассматриваемы, суть чистые абстракции; в действительности они опосредствованы, скорее, глубочайшими противоположностями и представляют лишь одну сторону, в которой их (противоположностей— *З. О.*) выражение стерто»[4].

Научное диалектическое исследование исходит из

---

1. *K. Marx* Grundrisse der Kritik... S, 144.
2 Там же, S. 112.
3 Там же.
4 Там же, S. 159—160.

внутренних противоречий каждого реального явления и рассматривает их в качестве источника, в качестве внутренней движущей силы развития данного явления, отношения. Не то или иное явление обусловливает возникновение тех или иных противоречий; наоборот — развитие того или иного явления, отношения вызывается развитием его противоречий, которые должны рассматриваться сами в движении. Не деньги, например, вызывают к жизни противоположности и противоречия, замечает Маркс, а развитие этих противоречий и противоположностей приносит с собой «кажущуюся трансцендентальную силу денег»[1].

Отсюда гегельянцу ничего не стоит сделать заключение, что логические противоречия вызывают к жизни чувственные деньги, капитал и т. д. и т. п., ибо противоречия денег чувственно не воспринять, как нельзя чувственно воспринять внутреннюю сущность явления вообще. Маркс, однако, обстоятельно прослеживает в каждом случае этапы развития внутренних противоречий каждого реального отношения, явления, как например, меновых отношений. «Простой факт, что товары ведут двойное существование, как определенный продукт, который свою меновую стоимость идеально содержит (скрыто содержит) в своей натуральной форме бытия и затем как манифестирующая меновая стоимость (деньги), в которой стерты все связи с натуральной формой бытия продукта, — это двойное **различное** существование должно перейти в **различие** в **противоположность** и **противоречие**»[2].

Соответственно реальному развитию противоречий предмета, теоретическое мышление также осуществляет переход от одной категории, научной абстракции к другой через различие, противопоставление (антиномию) и установление единства между противоположными понятиями. Эта диалектика понятий, бесспорно, совпадает с объективной диалектикой и, как уже отмечалось, составляет общее содержание всякой логики, если она научна[3].

---

[1] K. Marx Grundrisse der Kritik... S. 65.

[2] Там же.

[3] Обстоятельное рассмотрение вопроса о диалектических противоречиях теоретического познания см. в содержательной книжке *Г. С. Батищева* «Противоречие как категория диалектической логики». Москва, В. Ш. 1963 г.

Поскольку противоречива именно сущность предмета, то теоретическое мышление не может не отражать противоречий. Это и дало повод Гегелю отождествить процесс логического развития с развитием внутренней сущности предмета. И тут мы подошли к очень важному пункту, по которому обнаруживается еще одно превосходство научной, марксистской логики перед гегелевской.

Речь идет о совпадении логического развития с развитием внутренней сущности предмета. Совпадение логического развития с развитием реальной сущности предмета, по Марксу, в противоположность Гегелю, является противоречивым. Если у Гегеля логическое развитие и развитие внутренней сущности предмета, как мы видели, это — одно и то же, то у Маркса это — совершенно разные вещи, уже хотя бы потому, что логическое развитие представляет собой лишь идеальное выражение реального развития материальной сущности предмета. Это — азбука материализма, и об этом выше уже много раз говорилось. Более тонкая фальсификация в этом вопросе имеется у Беккера, который утверждает, что Маркс-де не подвергает критике гегелевское «взаимопроникновение (Ineinsetzen) логоса и действительности», а лишь отрыв логоса от последней[1]. Это утверждение Беккера должно означать, что Маркс солидаризируется с гегелевским взаимопроникновением «логоса и действительности». По Беккеру, разница между Гегелем и Марксом в этом вопросе лишь та, что у первого логическое понятие первично, а у Маркса логическое и вещественное равны: «У Гегеля это познание выступает как эманация, так как он признает за «понятием» логический приоритет перед вещественным развитием. У Маркса не может быть и речи об эманации, ибо он приписывает вещественному развитию также и логический приоритет. У обоих из равенства вещественной и логической структур вытекает задача содержательной логики»[2]. Беккер ни разу не указывает на отличие между материальным и логическим развитием у Маркса, постоянно подчеркивая тождество того и другого. Конечно, невозможно приписать Марксу «эманатизм» понятия, но зато можно смазать различие

---

[1] *K. Bekker.* „Marx' philosophische Entwicklung, sein Verhältnis zu Hegel." Zürich—New-Jork. 1940, S. 103

[2] Там же, стр. 112.

между развитием внутренней сущности, структуры предмета и логическим развитием[1]. Ниже будет показано, что движение сущности предмета и логическое развитие не совпадают полностью, и между «вещественной и логической структурами» в процессе развития того и другого существует довольно большая разница. Эта азбука материализма является предпосылкой, обусловливающей **диалектику совпадения логического развития с движением самой сущности предмета.**

Вообще проблема отношения научного, теоретического мышления к предмету познания имеет следующие основные аспекты: а) отношение логического познания к эмпирической форме бытия предмета; б) отношение логического познания к эмпирической, внешней истории (познания) предмета; в) наконец, отношение логического познания к внутренней логике движения самого материального предмета.

Известна гегелевская постановка и его идеалистическое решение вопросов по первым двум пунктам. В §§ 1 и 2 мы постарались это показать, отмечая заслугу Гегеля по части его диалектической постановки вопроса о том, что логическое мышление не должно пассивно копировать внешние, эмпирические связи и отношения предмета, а проникать вглубь предмета, раскрывать его внутреннюю, необходимую сущность. Что касается третьего пункта, то здесь у Гегеля нет ничего, кроме утверждений о том, что внутренняя сущность вещей — духовная сущность и что в конце концов она совпадает с понятием, с логикой. В разделе об «абсолютном знании» «Феноменологии духа» мы узнаем, что это совпадение осуществляется в науке, самой истинной формой которой Гегель считает философию.

Таким образом, Гегель даже не поставил вопроса о диалектическом отношении логики, логического мышления к развитию сущности предмета, ибо об отношении вообще может идти речь лишь тогда, когда налицо какое-то различие, но не абсолютное тождество[2]. Правда,

[1] См., напр., также *G. Wetter*. „Die Umkehrung Hegels"..., S. 70—71.

[2] Небезынтересно отметить, что отсутствие противоречивого совпадения между логическим развитием и материальным в гегелевской системе заметил и Г. Веттер. (См. Die Umkehrung Hegels..., S. 70), не понявший, однако, диалектики совпадения «мышления и бытия» в марксизме.

он различает наряду с объективным развитием логического понятия также субъективное мышление человека, которое, однако, лишь пассивно наблюдает это развитие понятия, поскольку оно само есть не что иное, как средство собственного самопознания понятия, идеи. «Высшая диалектика понятия, — читаем мы в «Философии права», — состоит в том, чтобы рассматривать определение не только как предел и противоположное, но и породить из него **положительное** содержание и положительный результат; лишь благодаря этому она есть развитие и имманентное движение вперед. Такая диалектика есть не **внешнее** деяние субъективного мышления, **а собственная душа** содержания, органически выгоняющая свои ветки и плоды. Мышление в качестве чего-то субъективного лишь наблюдает это развитие идеи как собственную деятельность ее разума, не привнося со своей стороны никакого прибавка»[1].

Маркс ставит совершенно новый вопрос об относительной самостоятельности логического по отношению к внутренней сущности предмета познания, исходя из материалистического решения основного вопроса философии. Только на основе материалистического понимания сущности предмета возможна была подобная постановка вопроса. Крайний идеализм и вульгарный материализм, как правило, не видят разницы между предметом познания и самим познанием, между материальным и идеальным. Дуализм вовсе отрывает их друг от друга, а метафизический материализм не идет дальше установления пассивной зависимости идеального от материального. Для Маркса же установление зависимости идеального от материального — лишь предпосылка для диалектической постановки вопроса о противоречивом отношении логического к внутренней сущности материального предмета.

Выше было показано, что логическое отражение не может просто копировать эмпирические данные и, следовательно, полностью совпадать с эмпирическим восприятием бытия и развития предмета познания. Этот вопрос ясен. Однако не является ли надуманным вопрос об относительной самостоятельности теоретического познания

---

[1] *Гегель*, Соч. т. VII, стр. 55.

по отношению к внутренней сущности предмета, его внутренней структуре? Казалось бы, о какой самостоятельности — пусть даже относительной — может идти речь, когда главной и непосредственной задачей научного мышления для материалиста является **предельно** точное воспроизведение внутренней логики, конкретной сущности предмета познания? Разве одно из основных положений теории познания диалектического материализма не требует все более точного, полного отражения предмета в нашем сознании?

Разве отклонение нашего теоретического мышления от внутренней сущности предмета, несовпадение его с последним не будет свидетельствовать о его неистинности, несовершенстве, неточности? Не будет ли это несовпадение искажением сущности предмета познания? С точки зрения **результата** движения логического мышления — да, с точки зрения **процесса** движения логического мышления — нет. Всякое отклонение результата теоретического мышления от внутренней сущности предмета познания, безусловно, будет означать его неточность, несовершенство, ибо непосредственной целью логического мышления является, как уже говорилось, **точное** воспроизведение конкретной сущности предмета познания во всей ее полноте. Однако, в **самом процессе** теоретического мышления происходит его отклонение от реальности, отлет мысли от нее. Это расхождение между внутренней сущностью предмета познания и процессом его логического отражения имеет место в следующих отношениях.

Во-первых, логическое мышление, как было видно, восходит от абстрактного к конкретному, в то время как внутренняя сущность предмета всегда конкретна и развивается от конкретного к конкретному. Поэтому совпадение процесса логического познания с внутренней сущностью предмета может иметь место лишь в результате, итоге, но не в процессе движения логического мышления, хотя, как неоднократно указывал Маркс, «самые абстратные определения, при более точном рассмотрении их, всегда указывают на дальнейший конкретный, определенный исторический базис. (Это и понятно, так как от него именно они и абстрагированы в этой определенности.)»[1]. Этот аспект довольно ясен и не требует особых пояснений.

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. XXII, стр. 329.

Во-вторых, как писал Маркс в «Капитале», «...размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post festum (задним числом), т. е. исходит из готовых результатов процесса развития»[2].

В-третьих, мышление в известных пределах, рамках, границах имманентно, т. е. не следует **непосредственно** за каждым переходом, изменением, происходящим в самой сущности предмета, а вследствие своей относительной имманентности может осуществлять переходы от одной категории к другой самостоятельно, «чисто логически». И это, конечно, потому, что в самом реальном, объективном явлении «в абстракции», в абстрактной возможности, скрыто содержится этот переход, хотя реально такой переход не осуществляется. В больших масштабах такая относительная самостоятельность теоретического мышления проявляется в научном предвидении. Ярким примером относительной самостоятельности теоретического мышления явилось появление научной теории коммунизма задолго до того, как он реально появится. Капиталистический строй «в абстракции», в абстрактной возможности уже содержит в себе потенциально коммунизм, хотя реальные условия для перехода к коммунизму в нем отсутствуют. Как подчеркнул XXI съезд КПСС, существуют реальные условия лишь для его первой фазы — социализма, в лоне которого в свою очередь и создаются реальные условия для перехода к коммунизму, одним из которых является материально-техническая база коммунизма, о чем весьма подробно говорится в новой Программе КПСС, принятой на XXII съезде КПСС.

Отсюда следует, что если научное мышление способно осуществить переход к раскрытию решающих черт сущ-

---

[1] *К. Маркс,* «Капитал», том I, стр. 82. Весьма комично поэтому, когда г-н Веттер хочет опровергнуть марксистское положение о совпадении законов мышления с законами бытия ссылками на то, что познание может начинаться с рассмотрения следствия до причины этого следствия, между тем как действительность развивается от причины к следствию (см. Die Umkehrung Hegels..., S. 71). Как видно, г-н Веттер просто ломится в открытую дверь. А это происходит оттого, что для него существуют или абсолютные совпадения или абсолютные несовпадения.

ности, которая еще реально не возникла, то тем более легок, так сказать, «идеальный» переход от одного явления к другому, которое уже реально существует. Это, конечно, не означает, что логическое мышление обладает полной самостоятельностью по отношению к материальному предмету познания. Логическое научное мышление «самостоятельно» может изобразить этот переход от одного явления к другому в самой абстрактной, схематичной форме, причем мышление, если можно так выразиться, вскрывает больше отрицательный момент перехода, развития, нежели положительный, т. е. оно имманентно, пока изображает опосредствующее противоречивое движение перехода, но не его положительный результат.

Величайшим недостатком гегелевской логики явилось то, что Гегель называл спекулятивным моментом. Если «диалектический момент логического», по Гегелю, есть момент отрицания понятия, момент перехода в свою противоположность, то «спекулятивным моментом логического» он называет установление положительного результата этого отрицания, установление единства противоположностей в понятии. Именно в этом пункте логическое мышление менее всего самостоятельно и должно в реальной действительности найти то новое отношение, которое явилось бы конкретным разрешением противоречия старого явления, в котором мышление обнаруживает **идеальный переход в свое другое**, отрицание себя. Игнорирование этого момента и привело Гегеля к абсолютизации логического вообще.

Логический анализ Марксом экономических отношений исходит из непосредственного рассмотрения реального и приходит к рассмотрению нового реального отношения как результата развития предыдущего отношения. Однако в процессе анализа опосредствующего противоречивого движения, которое приводит к новому отношению, противоречивые стороны явления первоначально рассматриваются сами по себе, отдельно друг от друга, антиномично (что в реальной действительности невозможно), а затем уже в реальном противоречивом единстве друг с другом.

В процессе анализа противоречий товара Маркс постоянно оговаривается, что эти противоречия, прежде чем реализоваться в действительности, существуют лишь

как идеальные, теоретические противоречия в голове субъекта. Чтобы стать потребительными стоимостями для людей, товары должны всесторонне отчуждаться, обмениваться, но для этого они должны быть меновыми стоимостями. Но они не будут реализовываться как меновые стоимости, если не будут служить в качестве потребительных стоимостей для обменивающихся. Маркс фиксирует это противоречие товара в форме антиномии еще до того, как он (товар) вступает в процесс обмена, следовательно, до того, как это противоречие реализуется, становится реальностью. «Если отдельный товар с точки зрения потребительной стоимости первоначально выступал как самостоятельная вещь, то, наоборот, как меновая стоимость, он с самого начала рассматривался в отношении ко всем другим товарам. **Но это отношение было только теоретическим, мысленным. Действительным оно становится лишь в процессе обмена».** (подчеркнуто мной — *З. О.*)[1]. Однако, если логический анализ может выразить противоречия обмена, меновой стоимости до реального процесса обмена, то это лишь благодаря тому, что в каждом товаре эти противоречия содержатся в потенции, в возможности. Логическое мышление, вскрывая и формулируя их, может до известной границы развить их, поскольку диалектические законы действительности и мышления совпадают (конечно, в материалистическом смысле слова). Отсюда — возможность «чисто логического» выведения из некоторых известных определений важнейших положений политической экономии, как например: «Из простого определения, что товар, выраженный в **цене,** уже предполагает мысленный обмен на деньги раньше, чем он реально обменивается на них, следует сам собою важный экономический закон, что **масса циркулирующих** средств обращения определяется ценами, а не наоборот»[2].

У Таймера же совсем иное понимание. «...Материализм,—пишет он,—имеет значение для Маркса лишь при условии, что «материя» (включая и хозяйство) повинуется закону диалектики разума и стремится к желаемой идеальной цели[3]. Нет нужды опровергать эту **попытку**

---

[1] *К. Маркс,* К критике политической экономии, стр. 29.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. XXII стр. 329.
[3] W. Teimer. Der Marxismus, S. 24.

подделки диалектического материализма под спекулятивно-идеалистическую диалектику Гегеля. В основе этой попытки лежит полнейшее непонимание относительной самостоятельности диалектического мышления, которое может опережать действительный, материальный процесс развития, вскрывая заложенные в каждом материальном явлении внутренние тенденции его дальнейшего изменения. Если бы каждая деталь (звено) процесса, происходящего в сущности предмета, была бы непосредственно доступна познанию, то не было бы никакой надобности в теоретическом мышлении, в **логике**, которая выводит одно понятие из другого. Математика не случайно долгое время служила и служит еще (для современного позитивизма) убежищем для идеализма, спекулирующего на относительной самостоятельности математического мышления по отношению к своему предмету. Ядерная физика являет собой не менее яркий пример того, как логическое мышление приходит в своих результатах к таким явлениям, которые первоначально возможны лишь в мысли, идеально. Что касается опосредствующего этот результат мышления, то оно также в действительности познанием не проверяется. Проверяется главным образом результат, свидетельствующий о правильности опосредствующего движения мышления. Это — то, что Маркс применительно к математике назвал «оборачиванием метода» и по поводу чего Л. К. Науменко совершенно правильно заметил, что это «оборачивание метода» наблюдается не только в математике»[1].

Примерно так же обстоит дело в области политической экономии.

Логическое мышление «абстрактно» шло по тем же самым путям, которые уже давно прошла внутренняя, так сказать, эзотерическая история развития, например, меновых отношений. Логическое мышление здесь располагало лишь такими данными, которые характеризуют какой-то законченный результат движения, ступень, воспроизводя самостоятельно переход к этой ступени, к этому результату, подобно тому, как современная биология, располагая данными палеонтологии, которые хранят отпечатки определенных ступеней в развитии животного

1 *Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Баканидзе.* «Проблемы логики и диалектики познания», Алма-Ата, 1963 г., стр. 146.

мира, предоставляет теоретическому познанию самому связывать эти ступени в определенную восходящую цепь исторического становления современного живого мира.

Отсюда вытекает, что научно-теоретическое мышление способно оторваться от своего предмета, хотя и ненадолго. Сделав, если можно так выразиться, самостоятельный «абстрактный» шаг параллельно самой действительности (которая или давно прошла этот путь или еще должна пройти), теоретическое мышление снова соприкасается с ней, ища или еще ожидая в ней подтверждения истинности своего результата, а, следовательно, и самого хода движения. Этот шаг есть отрицание предыдущей ступени, но каков конкретный положительный результат этого отрицания, — на этот вопрос отвечает сама действительность, реальность. В мышлении же этот результат весьма абстрактен, принципиален. Это — принцип без воплощения, схема без жизни и движения. Познание для того, чтобы изучить, проанализировать этот результат, не может обойтись без рассмотрения реально существующего явления, которое и есть действительный результат развития[1]. До тех пор, пока осуществляется противоречивый переход от одного понятия к другому (например, от понятия денег как возможности капитала к понятию наемного труда), логическое мышление самостоятельно пользуется «своими» диалектическими законами, поскольку, конечно, они соответствуют законам объективной диалектики. После того как этот переход осуществлен и логическое мышление пришло к определенному результату («не-капиталу», отрицанию капитала), оно вынуждено, так сказать, приземлиться на материальную почву и найти там конкретное явление, которое было бы абстрактно выражено в результате «чисто логического движения». Таким реальным явлением в данном случае оказывается рабочая сила пролетария, положение которого и изучается. Логическое мышление, таким образом, после каждого самостоятельного шага вынуждено возвращаться к реальным фактам, если оно хочет быть истинным, научным, а не спекулятивным[2].

Именно совпадение законов диалектики и логическо-

---

[1] См., напр., рассуждения Маркса о процессе возникновения капитала из денег в его рукописи Grundrisse der Kritik..., S. 941—944.

[2] См. стр. 109 данной работы.

го мышления и позволяет раскрывать внутренние тенденции дальнейших изменений явлений до того, как эти изменения произойдут в самой действительности. При этом, конечно, мышление исходит из конкретных, специфических данных, характеризующих исходное состояние реально развивающегося предмета. «Тенденция создавать мировой рынок, — пишет Маркс, — дана непосредственно в понятии самого капитала. Каждая граница выступает как подлежащее преодолению препятствие»[1]. «Но из того, что капитал каждую такую границу полагает как препятствие и таким образом идеально преодолевает ее, отнюдь не следует, что он преодолел ее реально и, так как каждое такое препятствие противоречит его определению, его производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но точно так же и постоянно создаются. Более того, универсальность, с которой он непрерывно выгоняется за свои границы (hintreibt), находит препятствия в его собственной природе, которая на известной ступени его развития заставит признать его самого в качестве самого большого препятствия в этой тенденции и таким образом приведет к его снятию посредством него самого»[2]. Это сопоставление «идеального» и «реального» в развитии не есть сопоставление объективного и субъективного, происходящего лишь в голове человека и не имеющего ничего общего с объективным. Противоречие между «идеальным» и «реальным» есть противоречие самой реальной действительности, есть противоречие между **общей тенденцией** развития и его практическим осуществлением на каждом особенном, данном этапе, которое не совпадает полностью с этой общей тенденцией. Последняя осуществляется лишь в конечном счете, а до того существует лишь в возможности, лишь в «понятии», «идеально». Поэтому в сущности, «разуме», «понятии» капитала «идеально» заключена «действительность» его исчезновения, его отрицания, выхода за свои собственные пределы и превращения в свою противоположность — в коммунизм.

Отсюда видно, что логическое выведение не есть просто выведение из общего понятия частного, или же

---

[1] *K. Marx*. Grundrisse der Kritik..., S. 311

[2] Там же, стр. 313—314.

подведение частного под общее; это не формально-логическая дедукция, а противоречивый переход в свою противоположность через диалектику отрицания. Причем полученный новый результат, новое понятие является более конкретным, более развитым. Тот факт, что восхождение от абстрактного к конкретному осуществляется по закону отрицания отрицания (включающему в себя закон единства и борьбы противоположностей и т. д.), прекрасно свидетельствует о единстве логики и диалектики марксизма. Восхождение от абстрактного к конкретному, т. е. логическое мышление, не осуществляется иначе, как через посредство законов диалектики, которые здесь, следовательно, выступают уже и как законы мышления, как содержание логики. Так, мышление, восходящее от абстрактного к конкретному, как мы видели, разбирает сначала противоречивые стороны одного отношения, переход одной противоположности в другую и затем — разрешение этого противоречия в некоем третьем, которое представляет собой единство противоположностей, т. е. отрицание отрицания[1]. Деньги, например, суть разрешенное противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, а капитал — между деньгами (авансированным потенциальным капиталом) и особой формой товара, т. е. рабочей силой, и т. д. Следовательно, диалектика есть вместе с тем и логика марксизма, и в качестве последней она специфична лишь по форме. Но отсюда как раз и вытекает возможность относительно самостоятельного движения логического мышления, ибо если законы диалектики соблюдаются в мышлении, то оно вследствие их тождества с диалектикой действительности не оторвется от нее, а будет двигаться параллельно ей, периодически соприкасаясь с ней в практике.

Знаменитая формула В. И. Ленина: **от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике** включает в себя идею относительной самостоятельности научного мышления по отношению к предмету познания. В противном случае не было бы смысла возвращаться в

---

[1] «Диалектическое понятие внутри себя противоречиво, но оно является и разрешением противоречия. Внутренним стержнем конкретного понятия является отрицание отрицания» (*Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Баканидзе.* «Проблемы логики и диалектики познания», стр. 253).

процессе практики к фактам реальной действительности, ибо не было бы никакого отлета мысли от последней. И чем абстрактнее логическое мышление, тем необходимее проверка фактами, практикой после каждого шага научного анализа, чтобы предотвратить отрыв логического познания от действительности. Факт отлета человеческой мысли от действительности, с тем чтобы соприкоснуться с ней в определенном пункте (который, как мы указывали, есть какая-то ступень в развитии действительности), однако, несомненен. «Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — reculer pour mieux sauter (savoir)? Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого Knotenpunkt = практика человека и человеческой истории»[1]. Таким образом, чувственная практика — это тот узловой пункт, в котором пересекаются, соприкасаются линии реального развития объекта и диалектического, научного познания, идущего параллельно объективному развитию от одного значительного рубежа до другого, от одного «узлового пункта» до другого.

Отрицать относительную самостоятельность научного мышления — значит отрицать всякую подвижность понятий, о которой неоднократно говорил В. И. Ленин. «Диалектика вообще есть «чистое движение мысли в понятиях» (т. е. говоря без мистики идеализма: человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения **движения** понятий, их связи, их взаимопереходов)»[2]. «Понятия не неподвижны, а — сами по себе по своей природе = **переход**»[3]. (Беда Гегеля как раз в том, что он абсолютизировал эту способность понятия.). Само собой разумеется, что мышление при этом «чисто логически» способно воспроизводить процессы реальной действительности (которые в ней или уже не существуют или еще не существуют) лишь потому, что диалекти-

---

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, 1947, стр. 261.
[2] Там же, стр. 237.
[3] Там же, стр. 196.

ка субъективная по своему содержанию совпадает с диалектикой объективной и, следовательно, она (эта субъективная диалектика) в известных границах оказывается в состоянии удержать развитие теоретического познания в общем русле правильного закономерного развития, тождественного с объективным[1].

Итак, если у Гегеля логическое мышление обладает самостоятельностью по отношению к эмпирически данному материалу и эмпирической истории, то у Маркса оно обладает относительной самостоятельностью по отношению и к самой внутренней сущности предмета и ее развития, которое для Гегеля абсолютно тождественно с развитием понятия. В 40-х годах Маркс не ставил еще вопроса об относительной самостоятельности логического мышления по отношению к объекту познания. И это вполне понятно. В то время перед ним стояла задача развенчать идеалистическое извращение дела, мнимую самостоятельность понятия, уничтожить идеалистическую «битву богов» и восстановить в своих правах диалектику самой действительности. В 50-х годах, когда перед Марксом встал специальный вопрос о научно-теоретическом отражении сущности капиталистических производственных отношений, он, будучи родоначальником научной диалектики, не мог не показывать на каждом шагу диалектику отражения в логике развития самой действительности на основе материалистической теории позна-

[1] Примечательно важное рассуждение *П. В. Копнина* в статье «Диалектическая логика и научное исследование» (см. «Вопросы философии», № 10, 1962). По поводу отказа Резерфорда и Содди от представлений Дальтона о неделимости атомов, послужившего важной предпосылкой понимания явления радиоактивности, П. В. Копнин замечает, что это было предположение, не проверенное ни логически, ни экспериментально. Такой способ развития мысли П. В. Копнин метко назвал перерывом постепенности, что совершенно верно, и содержанием этого перерыва постепенности является диалектический процесс отрицания, переход в свою противоположность, который однако не всегда осуществляется в форме предположения. Совершенно справедлива мысль, высказываемая в названной статье, о том, что способ, посредством которого научное знание переходит от одной достигнутой ступени к другой, определяется законами диалектики, независимо от того, насколько это осознается естествоиспытателем (стр. 8). Поэтому достаточно убедительно положение статьи: «Основное эвристическое значение законов и категорий диалектики состоит в том, что сознательное их использование помогает правильно поставить научную проблему и определить пути ее разрешения». (стр. 7).

ния, без которой исчезает сама проблема диалектического совпадения познания с сущностью объекта.

Блестящим примером диалектического отражения в научно-теоретическом мышлении сущности капиталистического способа производства является «Капитал». Если работа «К критике политической экономии» подводит итог пятнадцатилетним занятиям Маркса политической экономией, то «Капитал» является величественным итогом теоретической работы всей жизни Маркса. В нем заключено не только экономическое учение Маркса, но, как указывалось, содержится также и **всестороннее** применение научной диалектики, подводящее вместе с экономическим учением на каждом шагу к революционным, коммунистическим выводам, более подробно изложенным в других трудах Маркса, Энгельса и Ленина. К рассмотрению этого грандиозного теоретического труда, практически потрясшего капиталистический мир до его последних оснований, мы и переходим. Само собой разумеется, что это рассмотрение не будет выходить за рамки тех проблем, которые до сих пор составляли предмет данной работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«КАПИТАЛ» И ДИАЛЕКТИКА ФОРМ МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

§ 1. ЕЩЕ РАЗ О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО...

Выше (см. гл. I, § 2) были разобраны самые основные, общие черты соотношения исторического и логического способов исследования предмета (само собой разумеется, что речь идет об исторически развивающемся предмете, т. е. о предмете, развивающемся во времени[1]). Была сделана попытка показать, что соотношение исторического и логического не сводится к соотношению **эмпирической** истории и логического строения предмета. Наконец, была сделана попытка показать границы применения логического способа исследования, абсолютизированного Гегелем.

Теперь предстоит рассмотреть применение Марксом исторического и логического способов исследования в его главном труде — «Капитале».

Конечно, «Капитал», являясь произведением, в кото-

---

[1] «Время является основным условием всякого развития»... (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, 1948, стр. 355). Следовательно, и природа есть только историческая природа. Противопоставление природы и общества друг другу, идущее от Риккерта, Шпенглера и др., до сих пор пропагандируется Мейнике, Ясперсом и другими. Дессауер прямо заявляет о «неопределенности» материала гуманитарных наук в противоположность «детерминированной закономерности» в области природы (*F. Dessauer*. „Naturwissenschaftliches Erkennen", Frankfurt. 1958, S. 292—293).

ром содержится в скрытом виде весь богатейший компендиум материалистической диалектики, представляет собой всестороннее применение и исторического и логического способов исследования, и поэтому раскрытие исторического и логического способов исследования в «Капитале» Маркса, которое мы собираемся здесь представить, не может быть полным. Кроме того, работы Маркса «К критике политической экономии» и „Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie„ являются подготовкой «Капитала», что неизбежно обусловливает известные повторения, как и в любых работах, посвященных одним и тем же проблемам. Однако, поскольку марксистский диалектический метод, как и весь марксизм, представляет собой творческое, вечно живое и **непрерывно развивающееся** учение, «Капитал» следует рассматривать как новый этап в развитии тех же самых вопросов диалектического метода, которые мы выше уже рассматривали. В разделах, посвященных «Капиталу», мы выделим не только те вопросы, которые до «Капитала» не могли быть полностью раскрыты (например, вопрос о связи анализа и синтеза со способом восхождения от абстрактного к конкретному и т. д.), но и те вопросы, которые в достаточно полной мере были раскрыты Марксом еще до «Капитала», но в «Капитале» были еще более конкретизированы, получили свое дальнейшее определение (вопрос о границах логического способа исследования и об условиях, в которых исторический способ познания является единственно уместным и т. д.).

Прежде всего, следует указать на то, что история предмета и история познания предмета, его отражения — не только не одно и то же (это более чем ясно любому материалисту, хотя гегельянец не видит здесь никакой принципиальной разницы), но в их развитии существуют некоторые особенности.

Во-первых, история познания, являясь идеальным выражением действительной истории предмета, отражает его более или менее грубо, приблизительно, не точно. Эта особенность отношения истории познания предмета к истории предмета познания проистекает из общей и хорошо известной особенности отношения познания вообще к своему объективно существующему предмету.

Во-вторых, если порядок исторического развития предмета может и не совпадать с его логическим отобра-

жением, и наоборот, но это несоответствие касается не самых **необходимых** предпосылок развития, без которых дальнейшее историческое или логическое движение исключено (как например, без товарной и денежной формы нельзя понять никакой формы капиталистических отношений производства, потому что никакое капиталистическое отношение производства невозможно без товарно-денежных отношений), если, таким образом, несоответствия между историческим развитием и логическим отображением предмета не касаются необходимых и главных пунктов, моментов развития, то между историческим познанием, с одной стороны, и логическим и историческим движением предмета, с другой стороны, эти несоответствия могут затрагивать даже самые необходимые, важнейшие пункты, моменты развития. Так, например, простейшие формы стоимости, которые в своем развитии привели к появлению денежной формы, оставались в течение более чем 2000 лет нераскрытыми, «в то время как анализ гораздо более содержательных и сложных форм ему (уму человека — *З. О.*) удался, по крайней мере, приблизительно»[1]. Это объясняется тем, что рассмотрение предмета в более развитом виде значительно легче, чем в неразвитом. Развитое тело, пишет Маркс, легче изучать, чем «клеточку тела». Но без клеточки невозможно не только глубокое понимание сущности развитого тела, но и существование последнего, хотя в истории познания это оказывается возможным **хотя бы приблизительно.** Или взять физиократов, которые решали вопрос об источнике прибыли (более сложная форма) до того, как был поставлен вопрос об источнике стоимости вообще, хотя и в действительной истории и в последовательно научной системе стоимость вообще, взятая в любой форме, является **необходимейшей предпосылкой** прибыли, без которой последняя невозможна.

В-третьих, в истории познания могут иметь место прямые извращения и фальсификации предмета (например, идеализм и метафизика в истории философии, меркантилизм и вульгарная экономия в истории политической экономии и т. д.), которые абсолютизируют и отрывают внешнюю сторону предмета от внутренней, между тем

[1] *К. Маркс.* «Капитал», т. I, 1955, стр. 4.
[2] Там же, т. I, стр. 4.

как в действительной истории предмета этого не происходит, хотя внешняя сторона предмета может искажать, извращенно выражать внутреннюю сущность предмета. В отличие от истории познания внешняя сторона объективно развивающегося предмета существует в неразрывной связи с внутренней, чего не было, например, в системах вульгарной политической экономии.

В-четвертых, элементы предмета как целостной системы в истории познания могут рассматриваться и часто рассматриваются вне связи друг с другом и даже противопоставляться друг другу (например, противопоставление закона стоимости и прибавочной стоимости друг другу в истории политэкономии, или противопоставление материального и идеального в истории философии и т. д.), между тем как в самой реальной истории это не имеет места и поэтому в научной системе этого также не должно быть. Если, например, Мальтус отбросил закон стоимости Смита и Рикардо лишь на том основании, что он соблюдается в буржуазном обществе лишь в порядке «исключения», то ни в действительной истории, ни в научной системе политэкономии марксизма этого не было и не могло быть.

Можно было бы провести и другие различия между историческим развитием предмета и историей его отражения, но и этих вполне достаточно для того, чтобы опровергнуть гегелевский тезис о том, что «...последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических определений идеи»[1]. И тут дело не в том, что Гегель не видит несоответствия между последовательностью исторического развития предмета и порядком понятий в научной системе, отражающих это развитие. Он сам говорит об этих несоответствиях[2]. Однако он не проводит различия между историческим развитием предмета и историей его познания. Поэтому для идеалиста Гегеля история познания предмета философии совпадает с самой историей становления предмета познания. Отсюда его безоговорочное утверждение, которое не может быть принято диалектическим материализмом: «...изучение истории философии есть изучение самой философии, да это и не

---

[1] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 34.
[2] Там же, стр. 35.

может быть иначе»[1]. Если бы Гегель сказал, что изучение истории предмета облегчает его раскрытие и понимание, это было бы верно. Но нельзя согласиться с тем, что изучение истории домарксистской философии есть изучение самой философии марксизма или что изучение истории политической экономии до Маркса есть изучение самой политической экономии марксизма.

Правда, Маркс указывал на то, что «Теории прибавочной стоимости» представляют собой изложение теории политической экономии в исторической форме. Но здесь следует иметь в виду, что «Теории прибавочной стоимости» представляют собой, по существу, логическую обработку истории политической экономии на основе уже разработанной теории предмета. Т. е. «Теории прибавочной стоимости» примерно так же относятся к истории политической экономии, как «Капитал» — к действительной истории капиталистического производства. Об этом, собственно, и пойдет ниже речь.

С самого начала нужно еще раз подчеркнуть, что историзм в развитии познания у Гегеля и Маркса основан на прямо противоположных принципах.

По Гегелю, развитие познания определяется исключительно самой априорно данной силой логики познания, «чистого мышления». Историческое развитие призвано лишь подтвердить уже заранее данную логику в ее внутренней завершенности. Ссылки Гегеля на специфику истории философии как истории спекулятивных идей не могут служить подтверждением его идеализма, ибо и в основе истории философии следует усматривать историческое развитие общества, которое воздействует на развитие философии через прогресс промышленности и естествознания[2]. Поэтому не «чистой логикой», не «силой чистого мышления», а развитием общественной жизни обусловливается прогресс в истории философии, следовательно, и в истории любой области познания.

Для Маркса, создавшего исторический материализм, это обстоятельство имело значение аксиомы, исходя из которой, он объяснял каждый значительный шаг вперед в познании той или иной существенной категории политической экономии.

Однако отсюда отнюдь не следует, что историческое

---

[1] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 35.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избр. произв., 1948, т. II, стр. 352.

развитие познания определялось исключительно только достигнутым уровнем социально-экономического развития общества. Объясняя, например, достижения английской классической политической экономии тем, что антагонистические противоречия капиталистического общества еще не выступили на передний план во всей их остроте, Маркс вместе с тем показывает, что метод Рикардо существенно отличается от метода А. Смита, поскольку у первого доминировала формально-логическая индукция, а у второго — формально-логическая дедукция. Это объясняется тем, что экономическая наука в лице А. Смита не только исторически, но и логически должна была осуществить переход от явления к сущности, от особенного и частного к общему. Этот переход во времена Смита только осуществлялся и поэтому даже сам Смит часто колебался между «экзотерическим» и «эзотерическим» объяснением некоторых явлений, рассматривая, например, стоимость товара, с одной стороны, как сумму процента, ренты и зарплаты (т. е. объясняя стоимость на манер вульгарной политической экономии суммой доходов трех классов буржуазного общества), а с другой, — как количество общественно-необходимого труда, воплощенного в товаре. Метод Рикардо явился попыткой найти радикальный способ научного разрешения противоречий между общим и особенным, внутренним и внешним, сущностью и ее проявлением и т. д. — противоречий, которые возникают исторически неизбежно в науке, как только познание осуществляет переход к раскрытию внутренних связей и отношений предмета исследования.

Основой же объяснения исторических скачков и поворотов в развитии буржуазной политической экономии, в конечном счете, является действительная история ее предмета, и **периодизацию,** порядок смены **наиболее значительных** этапов в развитии истории политической экономии Маркс определяет, исходя из этой основы. В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс так объясняет свое подразделение истории развития буржуазной политической экономии на **классическую,** т. е. научную, и вульгарную, ненаучную политэкономию: «...развитие политической экономии и порожденной ею самою антитезы (вульгарной политэкономии — *З. О.*) идет нога в ногу с **реальным** развитием присущих капиталистическому про-

изводству общественных противоречий и классовых битв. Только после того как политическая экономия достигла известной ступени развития и отлилась в устойчивые формы, — т. е. после А. Смита, — от нее отделяется, как особый вид политической экономии, тот элемент в ней, который есть всего лишь воспроизведение явления как представление о нем, — отделяется ее вульгарный элемент»[1].

Здесь мы видим не абстрактное указание Маркса на процесс развития предмета, а конкретное раскрытие также классового интереса, который скрывается за этим историческим поворотом буржуазной экономической науки в сторону от глубокого рассмотрения своего предмета. Иначе и не может быть. В том-то и состоит величайшее научное значение исторического материализма, что он до конца объясняет специфику всех общественных явлений, представив научный интерес в классовом обществе как классовый интерес. Только благодаря историческому материализму Маркс сумел сорвать феодальную этикетку с физиократов (которые, кстати, сами искренне верили в нее)[2], показав, что в «действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства»[3].

До тех пор, пока буржуазные отношения были неразвиты, интересы буржуазии совпадали с научным интересом, заключавшимся в исследовании внутренней сущности капиталистического способа производства, более прогрессивного и жизнеспособного, чем феодальный. Неразвитость буржуазной науки на этой стадии объясняется лишь неразвитостью самого предмета познания и познавательных средств (метода, например) того времени. Расцвет буржуазной политической экономии совпадает с расцветом самого капиталистического способа производства, объясняется им, но отчасти также и предыдущей работой экономического познания. Однако расцвет буржуазного производства означал, что буржуазия не только достигла своего могущества, но и находится накануне нисходящей стадии своего развития, накануне

---

[1] *К. Маркс.* «Теории прибавочной стоимости», ч. III, стр. 478.
[2] См. Капитал, т. II, стр. 358—359.
[3] Там же, стр. 359.

своего превращения в класс консервативный и даже реакционный. Отсюда — симптоматический «вульгарный элемент» в самой теории А. Смита, заключающийся подчас в отказе от рассмотрения внутренних связей предмета. Этот «вульгарный элемент» и отделяется от нее в период, когда буржуазия превращается в реакционный класс. Ее классовый интерес противоречит научному рассмотрению предмета, поэтому «вульгарная политическая экономия сознательно становится **апологетической** и всячески старается отделаться путем болтовни от тех мыслей, в которых выражены противоречия» буржуазного общества. На смену классикам приходят представители буржуазной псевдонауки — Сэй, Мальтус, Мак-Куллох, Бастиа, Кэри, Рошер и др., разложившие буржуазную науку, положившие ей конец.

Маркс поэтому делит историю буржуазной политической экономии на два основных периода: I возникновение и развитие классической политической экономии; II разложение классической политической экономии, т. е. вульгарная политическая экономия. Эти два основных периода подразделяются, в свою очередь, на более мелкие этапы, связанные с именами отдельных представителей буржуазной политической экономии. Сначала анализу подвергаются физиократы — Кэнэ, Тюрго, у которого Маркс обнаруживает «элементы более глубокого анализа капиталистических отношений», затем рассматриваются элементы физиократической теории А. Смита и вульгаризация физиократии у прусского реакционера Шмальца. Маркс далее рассматривает раннюю критику основной физиократической ограниченности со стороны Верри, заключающейся в том, что только земледельческий труд считается создающим новую стоимость. Таким образом, уже первый этап **марксовой** истории буржуазной политической экономии показывает нам, что для Маркса важна не просто история представителей научного познания, а история научных принципов, идей, ибо А. Смита он рассматривает и в связи с физиократией и обособленно. Там, где Маркс рассматривает А. Смита самостоятельно, он вообще пренебрегает его физиократическими взглядами. В разделах, посвященных взглядам А. Смита, как определенному этапу в развитии буржуазной науки, этапу, когда сущность капиталистического производства впервые рассматривается в «чистом

виде», вне связи с внешними, особенными формами ее проявления (хотя это не удавалось до конца даже Рикардо), — в этих разделах Маркс рассматривает и вульгарный элемент теории Смита, а также непосредственного вульгаризатора его теории—Сэя. Тем самым Маркс показывает тесную **логическую** связь между **исторически предшествующим и последующим.**

Таким образом, мы видим, что **история предмета** объясняет **логику его познания,** а логика его познания в свою очередь «исправляет» **историю его познания.**

Мы не будем подробно излагать каждый этап марксовой истории буржуазной экономической науки. Заметим лишь, что основные периоды этой истории Маркс рассматривает в свете периодов развития самого предмета познания, а более мелкие этапы внутри этих периодов — и степенью проникновения и раскрытия познанием внутренней сущности предмета или, — когда речь идет о вульгарной политической экономии, — степенью и формами отвлечения от внутренней связи предмета, т. е. степенью разложения действительной науки.

Следует заметить, что особо рассматриваются Марксом социалистические критики капитализма — Годскин и др. Они включаются им в историю **буржуазной** науки, с одной стороны, потому, что находятся на ее почве, исходят из нее, ибо приемлют ее **исходные принципы,** разработанные, например, в системе Рикардо, а, с другой стороны, делая из этих принципов социалистические выводы, выводя из них критику капитала, они тем самым показывают **историческую тенденцию самой буржуазной науки,** т. е. указывают на то, к чему она подводит, но не в силах придти, «не сбросив своей буржуазной кожи». Здесь опять-таки у Маркса не историческая связь объясняется чисто логической, а логическая связь объясняется исторической тенденцией самого предмета.

Подход Маркса, раскрывающий историческую тенденцию каждой ступени развития познания, обеспечивает историческое понимание каждой научной системы еще до того, как последующее развитие опровергнет ее или поднимет на более высокую ступень. Отсутствие этого подхода у Гегеля как раз и объясняет его антиисторизм в понимании места своей философской системы («Логики») во всемирной истории философии. И если Гегель заявляет, что «данная определенная ступень произошла

из предыдущей»[1], то здесь имеются в виду не исторические ступени, а логические ступени «субстанциального духа». Так что историческое содержание той или иной философской системы превращается в неисторическое, вечное отношение категорий логики. Что же оказывается преходящим? Все историческое: образ народа, государство и т. д. Поскольку же все историческое представляет собой внешнюю, эмпирическую, следовательно, случайную сторону развития, постольку оно преходяще, но то, что являлось абсолютной необходимостью в свое время, остается необходимым моментом во все последующие времена истории и не считается ушедшим в прошлое. Таким образом, логическое всегда выше своей эпохи, оно неисторично, вечно. Подводя итог этой стороне гегелевского историзма, можно заметить, что для него историческое есть по существу явление, а логическое — сущность, но в отличие от природы, которая служит проявлением логической идеи в пространстве, всякая история есть проявление вечности логической идеи во времени[2].

Поскольку здесь связь логики развития с историей развития дана, хоть и в извращенной форме, Гегель делает свой важный вывод о совпадении логического и исторического. «Согласно этой идее я утверждаю, что последовательность систем философии в истории та же самая, что и последовательность в выведении логических

---

[1] *Гегель.* Соч. т. IX, стр. 55.

[2] Нам представляется поэтому несколько неудачной формула М. Н. Алексеева о соотношении исторического и логического как явления и сущности, несмотря на то, что логическое берется им в плане **объективной** логики. «Нетрудно видеть, что различаемые здесь моменты «истории» и «логики» имеют в основе своей тот же характер, что явление и сущность, только взятые применительно к самому процессу развития. В таком понимании история есть развитие в его проявлении, а логика (объективная) есть развитие в его сущности; или иначе, история — это проявление, а объективная логика — сущность развития» (*М. Н. Алексеев* «Диалектическая логика» (краткий очерк)» В. Ш., 1960 г., стр. 112). Надо, однако, признать, что в своей книжке М. Н. Алексеев не везде придерживается этой формулы. Дальше мы увидим, что объективная логика и действительная история, собственно, одно и то же. Разница лишь в **«исторически-эмпирической форме».** Удачной следует признать формулу Г. Клауса: «История есть единство необходимого и случайного. Логическая последовательность, напротив, предусматривает лишь необходимость». (*G. Klaus.* „Hegel und die Dialektik in der formalen Logik)". Журн. „Deutsche Zeitschrift f. Philosophie". № 12,. 1963, S. 1490.

определений идеи. Я утверждаю, что, если мы освободим основные понятия, выступающие в истории философских систем, от всего того, что относится к их внешней форме, к их применению к частным случаям и т. п., если возьмем их в чистом виде, то мы получим различные ступени определения самой идеи в ее логическом понятии. Если, наоборот, мы возьмем логическое поступательное движение само по себе, мы найдем в нем поступательное движение исторических явлений в их главных моментах; нужно только, конечно, уметь распознавать эти чистые понятия в содержании исторической формы»[1].

Мы уже довольно подробно говорили о совпадении и несовпадении исторического и логического развития познания объекта, по Гегелю и Марксу, указывая на то, что Гегель выводил это совпадение идеалистически — из определяющей роли логического по отношению к историческому, а Маркс, наоборот, — из определяющей роли исторического по отношению к логическому. Отсюда следует, что гегелевская периодизация истории познания, в отличие от марксовой, не имеет никакой основы вне логического развития познания объекта. Он поэтому руководствуется при рассмотрении этапов исторического развития философии исключительно своей «Логикой», тем, в какой последовательности рассматриваются в ней категории философии.

При этом следует отметить, что довольно часто, перетасовывая историю философии в духе своей «Логики», Гегель давал довольно удачные примеры логического «исправления» истории. Так, он рассматривает систему пифагорейцев после милетской школы, хотя сам подчеркивает, что Пифагор мог быть старше Аниксимандра на 26 лет, а Анаксимен моложе его, приблизительно, на 20—25 лет[2]. В другом месте Гегель, ссылаясь на Аристотеля, пишет: «Аристотель... говорит: «Эмпедокл по своему возрасту — более поздний, чем Анаксагор, по своим же произведениям он более ранний». Но он не только философствовал раньше по времени, т. е. в более молодом возрасте, но его философия также и в отношении ступени развития понятия является более ранней и менее зрелой по сравнению с понятием Анаксагора»[3]. Эти при-

[1] *Гегель*, Соч. т. IX, стр. 34.
[2] Там же, стр. 175.
[3] Там же, стр. 273.

меры несовпадения истории философии с последовательностью логических ступеней развития идеи в гегелевской истории философии свидетельствуют, как справедливо отмечает М. Ф. Овсянников[1], о научной добросовестности Гегеля, заставившей его отойти от той схемы, которая была им принята во введении к «Лекциям по истории философии» и согласно которой последовательность философских систем та же, что и последовательность понятий его «Логики».

Это — не единственные примеры гегелевской «перетасовки» истории философии в свете его «Логики», но здесь важен принцип, на который указывал В. И. Ленин. В «Философских тетрадях» он писал следующее: «Круги» в философии: [обязательна-ли хронология на счет **лиц?** Нет!] Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита[2]. Возрождение: Декарт versus Gassendi (Spinoza?) Новая: Гольбах-Гегель (через Беркли, Юм, Кант). Гегель—Фейербах—Маркс»[3].

Этого не понимали метафизически мыслившие буржуазные историки философии до и после появления гегелевской «Истории философии», этого не понимал К. Каутский, который при первом издании марксовых «Теорий прибавочной стоимости» в 1905—1910 гг. решил «исправить» их и расположил экономические системы, рассматривавшиеся Марксом в порядке их развития и усложнения, в исключительно хронологическом порядке. Тем самым история политической экономии была сведена до уровня **эмпирического** и — уже вследствие этого — несистематического рассмотрения предмета. История буржуазной политической экономии из истории **необходимого становления** науки превратилась в историю слу-

---

[1] См. *М. Ф. Овсянников,* «Философия Гегеля», стр. 279.

[2] Кстати, этой ленинской периодизацией до сих пор пренебрегают наши пособия по истории философии, хотя ясно, что материалистическая диалектика Гераклита логически сложнее, чем односторонняя диалектика Платона. Более того, иногда у нас рассматривают философию Гераклита вместе с Милетской школой лишь на том внешнем основании, что у представителей этой школы, как и у Гераклита, имеется утверждение о «первоматерии», как некоем чувственном элементе (у Фалеса — вода, у Анаксимена — воздух, у Гераклита — огонь), хотя уже Гегель рассматривал Гераклита после пифагорейцев и элеатов. Пора отказаться от остатков эмпиризма в истории философии.

[3] *В. И. Ленин.* «Философские тетради», 1947, стр. 330.

чайных блужданий познания вокруг да около предмета, пока время от времени не блеснет удачная научная система, проникшая до существа дела с той или иной стороны.

Так, следуя своей поверхностной концепции, Каутский поместил в самом начале 1-го тома «Теорий прибавочной стоимости» не характеристику Марксом взглядов Джемса Стюарта, как это имело место в рукописи, а четыре небольших отрывка о Петти, Девенанте, Норсе и Локке, Юме и Мэсси. Анализ теории Кэне о воспроизводстве и обращении Каутский в своем издании произвольно поместил, в противоположность марксовой рукописи, не после, а до теории А. Смита и т. д. и т. п. Каутский не мог понять историю науки как систему, как нечто конкретное целое, что было ясно уже Гегелю. Но если история науки сама есть наука, как указывал Гегель, то **логический** подход к ней самой должен **неизбежно присутствовать.** Гегель называет Цицерона «мутным источником», между прочим, потому, что тот был «лишен философского ума» и вследствие этого «брал философию скорее лишь исторически».

Какова же периодизация истории философии у Гегеля?

Ясно, что марксизм, имеющий своей теоретической основой диалектический и исторический материализм, строит периодизацию всей истории философии на основе выработанного понятия общественно-экономической формации и закономерной смены одной общественно-экономической формации другой. В пределах каждой общественно-экономической формации завершается цикл развития той или иной формы философии или другой области научного познания. Так, буржуазная философия возникает и гибнет вместе с капитализмом, причем загнивание, разложение буржуазного общества находит свое выражение в разложении и кризисе его философии. То же самое обнаруживается и в истории буржуазной политической экономии (разложение буржуазного общества сопровождается разложением классической политической экономии и появлением вульгарной). То же самое имело место и в области истории философии рабовладельческого и феодального обществ. Не то у Гегеля. История его философии не знает попятных движений и топтаний на месте. Если такое и имеет место, то

это — историческая случайность и только. Гегелевский абстрактно-идеалистический подход к рассмотрению истории философии исключает подобного рода цикличность в историческом развитии философии. И если он говорит о кругах в истории философии, которая в целом есть большой круг, включающий в себя маленькие круги, то он имеет в виду при этом вообще свое понимание философской системы как круга. Всякая система есть круг, говорит он, и поскольку вся история философии, как наука, тоже есть система, то она представляет собой большой круг, включающий в себя малые круги. Что же касается попятных движений в истории философии, то они случайны, логически не объяснимы, и вся история философии есть равномерное поступательное движение становления понятия.

Исходя из этого понятия становления своей системы, «Логики», Гегель делит всю **предшествующую** историю философии на два основных периода, две философии: на греческую и германскую. В другом месте Гегель выделяет во второй философии средневековую философию как христианскую подготовку новейшей философии.

Чем же Гегель объясняет необходимость такого подразделения всей истории философии на два основных периода, две эпохи? Соображениями исключительно логического порядка. «Греческий мир развил мысль, доведя ее до **идеи**, христианско-германский мир понимал, напротив, мысль как **дух**; идея и дух, вот в чем, следовательно, состоит различие. Точнее, ход этой эволюции был таков»[1]. Идея, хоть и представляет собою «завершенное царство мысли», «некий в себе сущий мир идеалов», однако этот мир еще «не действителен, так как целое пребывает лишь в элементе всеобщности»[2]. Поскольку же конечной целью философии является «абсолютное как дух», то потребовался второй значительный период истории философии для того, чтобы осуществить эту конечную цель философии[3]. Более ясно говоря, второй период истории философии, по Гегелю, приводит к «самопознанию» абсолютной идеи во всех ее **особенных формах развития** (например, история, государство, искусство), осо-

---

[1] *Гегель*, Соч. т. IX, стр. 94.
[2] Там же, стр. 97.
[3] Там же.

бенно в форме гегелевской системы абсолютного тождества мышления и бытия[1].

Между прочим, здесь за всей этой мистической шелухой едва-едва пробивается тот рациональный смысл, что первый этап научного развития всегда заключается в проникновении за область многообразных явлений и раскрытии внутренних связей предмета в их всеобщности, в познании общей сущности предмета исследования. По выполнении этой задачи наука приступает к осуществлению своей конечной цели: раскрытию внутренней связи между сущностью и необходимыми конкретными формами ее проявления. Небезынтересно, что и история «Теорий прибавочной стоимости» Маркса не лишена этого логического момента: I. физиократы, первые приступившие к раскрытию внутренних связей предмета, и особенно Смит и Рикардо, которые первыми рассмотрели некоторые законы капиталистического производства в общем виде (особенно закон стоимости); II. неудачи Смита в объяснении противоречия между более сложной, особенной формой действия закона стоимости и самим законом стоимости в общем виде (ценой производства и стоимостью, возникновением прибавочной стоимости и определением стоимости общественно-необходимым трудом), попытки Рикардо формально-логически отождествить особую форму проявления прибавочной стоимости — прибыль с самой прибавочной стоимостью и т. д. и т. п. и, наконец, вульгарная политическая экономия, которая отказалась вовсе от объяснения внутренних связей предмета и перешла лишь к эмпирическому описанию внешних, особенных отношений. Известно, что только Маркс сумел справиться с этой задачей научного познания в III томе Капитала.

Однако Гегель не только мистифицировал эту задачу науки, но, механически распространив ее на всю историю философии, исказил этот принцип развития научного познания до неузнаваемости, вместо того чтобы показывать в каждом историческом цикле развития истории философии разложение философии той или иной эпохи именно по этой линии — по линии попыток разрешения противоречия между общим и особенным (философия рабовладельческого общества уже в аристотелевской критике

[1] *Гегель*, Соч., т. IX, стр. 97.

идей Платона начинает этот спор, средневековая философия в споре номиналистов и реалистов также показывает свое бессилие и разложение, наконец, буржуазная позитивистская философия в эпоху империализма также призывает отказаться от всеобщих философских принципов или пытается метафизически связать их с эмпирическими представлениями. Конечно, основой разложения философии каждой исторической эпохи был кризис данного способа производства. Но логически это разложение протекало именно вышеуказанным путем.

Разложение буржуазной экономической науки также шло по этой линии. Так, например, о школе Рикардо, которого можно назвать Аристотелем буржуазной политэкономии, Маркс пишет: «Все данное выше изображение рикардианской школы показывает, что разложение этой школы идет по двум пунктам:

1. Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости.

2. Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятое отношение между стоимостями и ценами издержек»[1].

Школа Рикардо разбилась о противоречие между общим действием закона стоимости и особенной формой его проявления в акте обмена между капиталистом и трудом, когда обмен по стоимости приводит к результату, противоречащему закону стоимости, — к факту возникновения **прибавочной** стоимости на одной из обменивающихся сторон. Она разбилась также о противоречие между общим понятием прибавочной стоимости, с одной стороны, и особенной формой существования прибавочной стоимости — прибыли, — с другой, между понятием стоимости, с одной стороны, и особенной формой проявления стоимости — ценой издержек, — с другой.

Ограничившись исключительно логическим подходом в рассмотрении истории философии, Гегель разбивает ее на более маленькие периоды и этапы, исходя только из своей «Логики». Для каждой категории своей «Логики», он, как указывает акад. М. Б. Митин[2], подыскивает в истории философии соответствующий эквивалент: кате-

---

[1] Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 221.

[2] См. вступительную статью *М. Б. Митина* «История философии» Гегеля» к XI тому Сочинений Гегеля, стр. XIX.

гориям «бытие» и «ничто», с которых начинается его «Логика», в истории философии соответствует учение элеатов, категории «становление» — философия Гераклита, категории «для себя бытия» — философия Демокрита, категории «сущности» — философия Платона, категории «понятия» — философия Аристотеля, хотя в ней понятие еще не достигает своего высшего завершения, понятия «конкретной идеи» достигает неоплатонизм и т. д. и т. п.

В гегелевской истории философии — и это уже доказывает только что приведенная ее внешняя структура — мы имеем не диалектику и логику как «итог, сумма, вывод **истории** познания мира»[1], а, наоборот, — историю познания мира как продукт гегелевской «Логики», как историческое изложение категорий гегелевской философской системы, хотя она и есть результат всей предшествующей истории философии. Последнее, однако, верно, если иметь в виду действительную историю философии, а не «Историю философии» Гегеля.

Подводя общий итог гегелевской истории философии, можно сказать, что логический подход для него и здесь является **абсолютным средством познания,** и лишь внешний способ этого подхода имеет видимость исторического способа познания. Исторический способ рассмотрения предмета есть лишь внешнее проявление логического способа познания.

Ниже мы увидим, что у Маркса логический и исторический способы познания тесно переплетаются между собой и нет такого предмета, объекта познания, по отношению к которому было бы уместным применение **исключительно** логического или чисто исторического способов познания.

Дело в том, что процесс развития не есть процесс поступательного движения предмета исключительно по одной линии (пусть даже кривой, спиралевидной), при котором каждая сторона в достигнутой ступени развития непосредственно, прямо связана с соответствующей стороной предшествующей ступени. Развитие есть переплетение движения различных моментов, и, следовательно, в развитии какого-либо явления имеют место **привходящие** моменты, которые не стоят в необходимой связи с предшествующей ступенью развития данного явления

[1] *В. И. Ленин.* «Философские тетради», 1947, стр. 66.

(ибо у них своя линия развития), но зато являются не менее необходимыми предпосылками, моментами последующего развития данного явления. Это очень важная черта процесса развития, без учета которой нельзя вообще понять принципа и условий применения логического и исторического способов рассмотрения предмета познания.

В предыдущих разделах мы указывали на то обстоятельство, что Маркс объяснял наличие рабочей силы как товара на рынке не путем логического выведения ее из денег и самого обращения, а исторически — из первоначального накопления капитала, опираясь на материалистическое понимание истории. В «Капитале» Маркс объясняет это обстоятельство подробно, и мы остановимся на нем еще раз.

Прежде всего следует заметить, что дело не в том, в чем видит условия применения логического или исторического способов рассмотрения предмета Б. А. Грушин. Согласно его мнению, исключительно логический способ рассмотрения предмета объясняется тем, что неизвестна история его развития. Это объяснение исходит не из природы развития предмета, а из недостатка самого познания, следовательно, необходимость логического познания определяется здесь внешним обстоятельством: познание застает предмет уже установившимся, не располагая его прошлой историей. Отсутствие или малоизученность имевшей место истории предмета для исследователя оправдывает применение им логического способа рассмотрения предмета, но не объясняет, например, применения исторического способа рассмотрения в «Капитале» Маркса (я имею в виду не «Теории прибавочной стоимости», а хотя бы первый том «Капитала»), т. е. в труде, представляющем собой классический образец логического способа исследования.

Правда, Грушин замечает, что помимо популяризаторского значения исторического способа изложения (здесь может идти речь лишь о способе изложения и об этом можно было бы умолчать), иллюстрации[1], «важнее

[1] Примерно такое ограничение значения **исторического вообще** проскальзывает в статье *Г. А. Подкорытова* «Соотношение истории и теории в познании», который подытоживает ее следующими заключительными словами: «История, таким образом, питает теорию, иллюстрирует, дополняет, проверяет и подтверждает ее. С другой стороны, теория выступает как руководящее направление, как метод исторического исследования» (Журн. «Вопросы философии», № 10, 1958 г., стр. 55).

и значительнее решение историческим способом таких задач, которые не могут быть решены способом логическим»[1].

Это очень важная и глубокая постановка вопроса о принципах логического способа исследования предмета. Это одна из ценных сторон книги Б. А. Грушина. Однако, дело сводится к тому, что «структура системы еще не исследована» и поэтому здесь «к воспроизведению процесса развития системы можно идти лишь путем исследования ее генезиса (генетические ряды, конечно, предполагаются данными)»[2]. В качестве примера дана ссылка на «Капитал» Маркса, написанию логической части которого предшествовало возникновение в черновике «Теорий прибавочной стоимости».

Здесь исторический способ рассмотрения предмета, предваряющий логический, берется не как решающий, а как вспомогательный способ рассмотрения предмета по сравнению с логическим. Ясно, что «Капитал» — это, прежде всего, продукт преимущественно логического способа исследования объекта. Кроме того, незнание «системы» еще не говорит о том, что она может быть познана первоначально историческим способом. Что же касается «Теорий прибавочной стоимости», то их объект есть прежде всего **история** теорий прибавочной стоимости, а не «система» капиталистического производства. Следовательно, нельзя изучать историю познания без преимущественно исторического подхода, и здесь необходимость исторического подхода объясняется не незнанием системы, а сущностью самого предмета анализа. Ведь нельзя же допустить или даже предположить, что знание капиталистического производства как «системы» сделает возможным рассмотрение истории буржуазной политической экономии иначе, чем в исторической форме, хотя логический подход здесь обязательно присутствует.

Наконец, речь идет в данном случае о соотношении логического и исторического способов исследования в процессе анализа предмета как системы (например, в первых трех томах «Капитала» Маркса). Об этом

[1] *Б. А. Грушин.* «Очерки логики исторического исследования», 1961, стр. 207.

[2] Там же. Уже здесь содержится неверная мысль, будто логическое не есть генетическое.

Б. А. Грушин ничего не говорит, кроме того, что возникновение капитала Маркс раскрывает в первых главах I тома «Капитала» логически, а в 24-й главе того же тома — исторически. Но это — уже не вопрос о границах логического познания предмета. Кроме того, в указанных Б. А. Грушиным главах I тома «Капитала» речь идет о различных сторонах процесса возникновения капитала, чего он, к сожалению, не показывает и тем более не объясняет.

Выше только было указано на то, что в линию развития какого-либо явления вплетаются линии развития иных явлений, вследствие чего они превращаются в моменты развития рассматриваемого явления, хотя и не стоят в непосредственной логической связи с предыдущим его развитием. В этих случаях моменты развития принимаются логическим познанием как готовая предпосылка, уже существующий факт, из которого оно исходит для своего дальнейшего движения. Выведение же этого момента здесь может быть исключительно историческим, если в этом есть вообще особая необходимость.

Вернемся к примеру с рабочей силой как товаром, без которого немыслимо появление капитала ни в какой форме. Вопрос, почему свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересует владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как часть товарного рынка. Теория здесь исходит из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. «Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних формаций общественного производства»[1].

Рабочая сила как товар есть продукт длительного общественного развития, «продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более древних

---

[1] «Капитал», т. I, стр. 175—176.

формаций общественного производства», и выведение этой категории непосредственно из природы рыночных, т. е. товарно-денежных, отношений логически неправомерно и невозможно. Теоретическое познание здесь или должно прервать свой ход логического выведения капитала из денег для того, чтобы отправиться в далекий исторический экскурс с целью выяснения происхождения этой специфической формы товара, или же непосредственно исходить из фактического положения вещей, но в отличие от антиисторического буржуазного сознания не объявлять этот факт явлением природы или «таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам».

Теоретическое познание может поступать таким образом не в силу своих сугубо методологических особенностей. Подобные методологические способности познания оказываются возможными благодаря особенностям объективного развития самого предмета познания. Появление на рынке рабочей силы как товара, возникновение рынка труда невозможно без наличия рынка вообще. Но другая линия, которая привела к образованию рынка труда, связанная с первоначальным накоплением капитала, составляющая, собственно, содержание этого рода накопления, сводилась к историческому процессу отделения работника производства от средств производства, к процессу освобождения его от всякой собственности, кроме собственности на свою способность к труду. Этот исторический процесс не имеет своей **непосредственной предпосылкой** наличие рынка, товарно-денежных отношений, но зато своим конечным **результатом** он включается как момент в развитие товарно-денежных отношений, меняя природу последних. «Итак, первоначальное накопление, как мною показано, есть не что иное, как отделение условий труда в качестве самостоятельных сил, противостоящих труду и рабочим. **Исторические процессы сделали это отделение моментом общественного развития. Раз капитал уже существует, то из самого способа капиталистического производства развивается сохранение и воспроизводство этого отделения во все больших размерах, пока не произойдет исторический переворот»** (подчеркнуто мною — *З. О.*)[1].

[1] Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 254.

Таким образом, если в «Капитале» логически исследуется процесс возникновения денег из товара, а из денег — капитала в его всеобщей форме, то историческому рассмотрению в этом произведении подвергается не процесс возникновения капитала вообще, а процесс образования его исторических предпосылок, процесс, который вытекает не из внутренней природы обращения, а входит в это обращение **извне**, преобразуя его природу, делая его капиталистическим.

Если обратиться к логическому развитию той или иной специальной науки (будь то естествознание или общественная наука), то мы здесь увидим, что целый ряд категорий (философские категории причины, следствия, необходимости и т. д.) она принимает как готовый продукт предшествующего исторического развития философии и включает в ход своего логического движения, как необходимейшие моменты этого движения. Хотя эти категории не стоят в прямой связи с предшествующим логическим этапом этого движения, зато последующее логическое движение ее без них невозможно. Так, ленинское понятие материи, являясь продуктом более чем 2-х тысячелетнего развития философии, входит в современное естествознание (хочет оно того или нет) как необходимейший момент его теоретического движения, ибо отождествление понятия материи с веществом, оправданное для XIX в., в настоящее время привело бы к нелепым выводам физику, которая оперирует категорией поля как категорией, отражающей объективную реальность, не зависящую от человека.

Но не только философские категории являются идеальными историческими предпосылками для теоретического развития естествознания. Встречаются и более специфические предпосылки теоретического развития естественной науки, которые не могут быть выведены логически из ее собственного предшествующего движения. Так, аксиомы в геометрии представляли для этого нового (нового в свое время) раздела в математике необходимейшие логические и исторические предпосылки развития. Но их нельзя вывести из предшествующих положений математики, которая в то время уже существовала в зародышевой форме арифметики и начал алгебры. Являясь идеальным продуктом истории многовековой человеческой практики, аксиомы геометрии включились

в математику, превратившись в моменты ее собственного развития, предпосылкой возникновения особого раздела математики — эвклидовой геометрии. Это «первоначальное накопление» геометрии не может быть раскрыто, выведено чисто логически.

Этот вопрос — вопрос о соотношении исторического и логического способов рассмотрения в едином процессе анализа предмета — мы разобрали с тем, чтобы легче было понять другой вопрос этого соотношения. Речь идет об известном факте несоответствия, противоречия хода логического рассмотрения явлений исторической последовательности их возникновения. Обычно на это несоответствие указывается и тут же дается объяснение: земельная рента, хоть исторически предшествовала промышленному капиталу, а в системе капиталистического производства представляет по сравнению с ним нечто производное, вторичное, — она в действительности есть нечто принципиально иное, чем та, которая исторически предшествовала капиталу. Нельзя отождествлять ренту капиталистическую с феодальной.

Это правильное рассуждение о существенном различии между феодальной и капиталистической рентами, но оно касается уже результата логики тех исторических процессов, которые имели место в процессе превращения феодальной ренты в капиталистическую. Ясно, что линия развития, приведшая к возникновению капитала, совершенно иная и не только не зависела от развития ренты, но, наоборот, при пересечении с линией развития последней существенным образом изменила ее направление. С другой стороны, ясно также, что рента буржуазного общества не является исключительным, чистым продуктом промышленного капитала, ибо она является лишь **капитализированной** земельной рентой: «...капитализация ренты предполагает ренту, между тем как рента не может быть выведена и объяснена в обратном порядке, из ее собственной капитализации. Напротив, ее существование, независимо от продажи, является здесь предпосылкой, исходной точкой»[1].

Таким образом, здесь, как и в предыдущем случае, при пересечении двух линий развития одна из них, воздействуя на другую, преобразует, видоизменяет ее. Од-

[1] Капитал, т. III, стр. 636.

нако, если в первом случае «историческая» (назовем ее условно так, хотя все линии развития являются историческими) линия развития преобразует другую (так появление рабочей силы на рынке превращает деньги в капитал), то в этом случае «историческая» линия развития, вплетаясь в основную, не только не меняет ее направления, но сама изменяет свое направление, подчиняется ей. Это значит, что рента меняет свою **историческую форму,** превратившись из феодальной в капиталистическую. Это, как говорит Маркс, исторические различия ренты, между тем как различие между промышленной прибылью и капиталистической рентой есть различие между особенными формами бытия прибавочной стоимости. «То, что земля получила форму земельной собственности, служит исторической предпосылкой этого (капиталистического — *З. О.*) способа производства. То обстоятельство, что земельная собственность приобретает формы, допускающие капиталистический способ ведения сельского хозяйства, является продуктом специфического характера этого способа производства»[1]. Поэтому если капиталистическая рента не может быть **логически** выведена из феодальной, а лишь исторически, то из промышленного капитала она выводится логически, ибо у них **одна субстанция** — прибавочная стоимость. В этом причина того, что Гегель все и вся выводил исключительно логически: все есть лишь многообразные особенности, формы движения единой субстанции — абсолютной идеи.

Исходя из рассмотрения объективных основ соотношения логического и исторического способов рассмотрения, — основ, представляющих собой известные черты всякого развития, — можно, наконец, дать общие определения этих двух способов воспроизведения процессов развития объективной действительности.

По существу, общие определения исторического и логического способов исследования содержатся в известном положении Энгельса о том, что логический способ является тем же историческим способом, только «освобожденным от его исторической формы и от нарушающих его случайностей». Т. е. это значит, что и исторический способ есть тот же логический способ, но не

---

[1] Капитал, т. III, стр. 897.

свободный от рассмотрения **исторически-эмпирической формы объекта.**

Что же такое **исторически-эмпирическая** форма объекта? Различие между логическим и историческим в том, что последнее рассматривает внутреннее развитие предмета во временно́й и чувственной форме. Так же, как и логический, исторический способ рассмотрения предмета раскрывает **внутреннюю связь** в развитии, но только в единстве с тем, как она проявляется **во времени** и в чувственной форме. Конечно, и исторический способ рассмотрения предмета вовсе не должен отражать все эмпирические случайности (например, в каком костюме был Мирза-Фатали Ахундов, когда писал стихотворение о Пушкине). Энгельс, говоря об исторических случайностях, которыми логический анализ может пренебречь в отличие от исторического, имел в виду именно **исторические** случайности, т. е. случайности времени, которыми история пренебречь не может. Например, крушение крепостничества в России исторический способ рассмотрения соотносит с определенной временной шкалой (точнее с определенной точкой этой шкалы), причем для исследователя истории русского капитализма, который в конце XIX века достиг больших успехов благодаря отмене крепостного права в России в 1861 году, этот факт является такого рода «случайностью», без которой нельзя понять успехов русского капитала в конце XIX века. Между тем для «капитала вообще», который может быть рассмотрен посредством логического анализа, это обстоятельство безразлично и случайно.

В чем же тождество исторического и логического способов исследования предмета? Сказать, что оно заключается в том, что и тот и другой способы имеют один «предмет исследования»: «процесс развития системы»[1] — значит указать не на внутреннее единство, тождество этих двух способов исследования, а на то, чем это единство обусловливается.

Действительное внутреннее тождество этих двух способов исследования, отличающее их от любого другого способа рассмотрения развивающегося объекта, заключается именно в **генетическом** подходе к предмету позна-

---

[1] См. *Б. А. Грушин.* «Очерки логики исторического исследования», стр. 174.

ния. Было бы ошибочно противопоставлять генетический подход логическому, как это делает Б. А. Грушин[1]. Противоположную и совершенно правильную позицию в этом пункте занимает Э. В. Ильенков. В своей книге «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса» (на стр. 219) он пишет: «...аналитический метод Маркса — метод, восходящий от целого, данного в созерцании, к условиям его возможности, и совпадает с методом **генетического выведения** теоретических определений, с логическим прослеживанием реального происхождения одних явлений из других...» и т. д. Такое же определенное указание на это единство содержится в работе М. Н. Алексеева «Диалектическая логика как наука» (стр. 115): «Единство исторического и логического способов исследования выражается в том, что оба они — генетические способы, раскрывающие генезис, развитие предмета»... и т. д. Именно генетический подход избавляет логический способ исследования той или иной ставшей целостной системы от антиисторизма в исследовании[2].

Для логического анализа этот генетический подход возможен именно благодаря тому обстоятельству, что всякая целостная система содержит в себе, так сказать, «в снятом виде» свою историю. Эта история, «снятая» в предмете, раскрывается при помощи логического способа восхождения от абстрактного к конкретному, согласно которому более простая и абстрактная категория выражает исторически менее развитые отношения действительности, и из нее, следовательно, только и можно выводить более сложные категории, в которых она присутствует лишь как момент. Разница лишь в том, что в целостной системе происхождение одной категории из другой, отражающее зависимость, переход одного реального отношения в другое, дано не в форме временной связи, а в форме одновременного соотношения, при котором одно зависит от другого, определяется другим.

Вся теоретическая слабость метафизически мыслившей классической политической экономии сказалась в том, что она не знала генетического выведения в логиче-

[1] *Б. А. Грушин.* «Очерки логики исторического исследования», стр. 177, 189 и т. д.

[2] Критика ошибочной точки зрения Б. Грушина по данному вопросу дана (правда, в несколько косвенной форме) в работе *М. Б. Туровского* «Труд и мышление», М. 1963 г., стр. 47.

ском анализе капиталистического способа производства. И даже несмотря на формальную дедукцию Рикардо, ей никогда не удавалось вывести одну категорию политической экономии из другой, **как более сложную из менее сложной.** Во всех экономических категориях, выражавших различные формы буржуазного богатства, буржуазных отношений, она аналитически стремилась, прежде всего, обнаружить тождество, и, следовательно, формой связи между ними для нее являлось только тождество, а не единство тождества и различия (последнее как раз и характеризует ступень развитости категории и выражаемого ею отношения), которое (конкретное единство противоположных определений) можно получить лишь при помощи генетического выведения многообразных сложных категорий из простой.

Не трудно увидеть внутреннюю связь генетического подхода с диалектическим методом, ядром и душой которого является закон единства и борьбы противоположностей. Ясно, что отождествление всех экономических категорий буржуазной политической экономией мешало выявлению наиболее простейшего и исторически первичного отношения, которое и явилось как бы источником всех остальных отношений капиталистического производства.

Логический способ исследования, не содержавший в себе генетического подхода к познанию объекта, не мог иметь ничего общего с историческим способом исследования — такова мысль Маркса, когда он критикует основной недостаток буржуазной политической экономии[1].

Подводя итог всему вышесказанному, можно характеризовать исторический и логический способы рассмотрения развития объекта как такие способы диалектико-материалистического познания, которые обеспечивают генетический подход к анализу каждого отношения, каждой стороны развивающегося объекта как целостной системы (и соответственно каждой категории, являющейся логическим выражением отношений и сторон этого объекта). Различие между этими двумя способами рассмотрения предмета с точки зрения внешней формы в том, что исторический способ исследования рассматривает развитие и в исторически-эмпирической форме, а с

[1] См. Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 477—478.

точки зрения внутреннего существа дела — в том, что историческое развитие восходит от конкретного к конкретному, между тем как логическое восходит от абстрактного к конкретному.

К рассмотрению «генетического выведения» (Маркс) как внутренней формы исторического и логического способов исследования, обеспечивающей первому логическую строгость, а второму — исторический подход, мы и перейдем. Метод восхождения от абстрактного к конкретному до сих пор с этой стороны нами не рассматривался. Здесь важно показать, что метод восхождения от абстрактного к конкретному является не просто дедукцией, как это выглядит на первый взгляд, а значительно более сложной формой мышления, включающей в себя, как простые моменты, и индукцию и дедукцию, и анализ и синтез.

§ 2. ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ КАК ЕДИНСТВО ИНДУКЦИИ И ДЕДУКЦИИ, АНАЛИЗА И СИНТЕЗА

Мы рассмотрели общие черты метода восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении, и задачей настоящего раздела является лишь дополнить и развить их в свете применения Марксом этого метода в его бессмертном труде — «Капитале». Эта задача облегчается не только тем, что было сделано в предыдущих разделах, но в большей степени тем, что в марксистской литературе применение Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному особенно хорошо показано в работах М. Розенталя, Э. В. Ильенкова и др. Указанные авторы дают много весьма ценных мыслей и положений относительно места и роли индукции и дедукции, анализа и синтеза в процессе восхождения от абстрактного к конкретному[1], однако общее принципиальное ре-

[1] В работе Э. Ильенкова, несмотря на отождествление движения от абстрактного к конкретному с особого рода дедукцией, а движения от конкретного к абстрактному — с движением от особенного ко всеобщему (с особой индукцией). (См. *Э. В. Ильенков* «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» *Маркса*, стр. 260, 271), — несмотря на это отождествление, дан превосходный анализ сущности диалектической дедукции и индукции.

шение этого вопроса в их работах, на наш взгляд, все еще отсутствует.

Раскрытие внутренней связи между индукцией и дедукцией, анализом и синтезом, с одной стороны, и методом восхождения от абстрактного к конкретному, — с другой, является раскрытием **структуры** логического мышления **по форме,** тогда как раскрытие внутренней связи между основными законами диалектики и методом восхождения от абстрактного к конкретному было бы раскрытием **структуры** логического мышления и **по содержанию.**

Мы здесь рассмотрим структуру логического мышления лишь **по форме.** Конечно, полученная нами структура теоретического мышления не может быть полной, так как мы будем рассматривать связь лишь между некоторыми его элементами (индукцией и дедукцией, анализом и синтезом) в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Итак, перейдем к вопросу о соотношении между восхождением от абстрактного к конкретному и вышеуказанными формами логического мышления.

Прежде всего рассмотрим гегелевский взгляд на этот вопрос. Из всех философских предшественников Маркса Гегель был первым и, пожалуй, единственным мыслителем, кто по-настоящему попытался положить конец одностороннему противопоставлению форм мышления друг другу.

Первой формой логического мышления из вышеназванных является, по Гегелю, индукция. Гегель подвергает критике ее несовершенство, заключающееся в том, что она основана на движении познания от единичного к общему, но «единичности никогда не могут быть исчерпаны»[1]. Индукция есть знание через опыт, но опыт никогда не завершен. **«Заключение** индукции остается постольку **проблематическим»**[2]. Индукция поэтому переходит, говорит он, в аналогию.

Не трудно увидеть, что Гегель прав против индукции эмпирической, следовательно, формально-логической[3].

---

1 Гегель. Соч. т. I, стр. 298

2 Там же, т. VI, стр. 139.

3 «Формально-логическое образование общих понятий необходимо на первоначальной, эмпирической или аналитической ступени познания». *(Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Бакинидзе* «Проблемы логики и диалектики познания», стр. 254).

Ясно, что индукция как форма движения теоретического знания (хоть и связана с эмпирическим материалом) не ставит результат мыслительной операции в зависимость от количества рассмотренных «единичностей»[1]. Формально-логическая индукция поэтому, как правильно замечает Гегель, является формой «субъективного синтезирования единичных в род и смыкания рода с некоторой всеобщей определенностью, поскольку она встречается во всех единичных»[2].

Формально-логическая индукция потому эмпирична, что результатом этого мыслительного акта является не конкретно-всеобщее понятие, а абстрактно-всеобщее, т. е. родовое понятие. «Всеобщая определенность», встречающаяся во всех единичных вещах, одна и та же. Если же есть между этими единичными вещами различия, делающие, на первый взгляд, их несовместимыми по данному внешнему признаку, то такая индукция оставляет их вне поля рассмотрения: равенство, тождество общего признака должно быть абсолютным. Именно поэтому в истории биологии одни классификации постоянно вытесняли другие. «Индукция учила нас, — писал Энгельс по этому поводу, — что все позвоночные животные обладают центральной нервной системой, диференцированной на головной и спинной мозг, и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — откуда заимствовано даже название этих животных. Но вот оказалось, что ланцетник — позвоночное животное с недиференцированной центрально-нервной струной и без позвонков. Индукция твердо установила, что рыбы — это такие позвоночные животные, которые всю свою жизнь дышат исключительно жабрами. И вот обнаруживаются животные, которых почти все признают за рыб, но которые обладают, наряду с жабрами, хорошо развитыми легкими, и оказывается, что каждая рыба имеет в своем воздушном пузыре потенциальное легкое. Лишь путем смелого применения учения о развитии помог Геккель индуктивистам, вполне хорошо чувствовавшим себя в этих противоречиях, выбраться из них. — Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы стремительно опрокидывающие

---

1 Об этом речь пойдет ниже.

2 *Гегель*, Соч., VI, стр. 138.

друг друга перевороты в классификациях органического мира? Ведь они являются самым подлинным продуктом индукции, и тем не менее они уничтожают друг друга»[1].

Эти слова Энгельса очень удачно подмечают то важное, на наш взгляд, обстоятельство, что индукция сама по себе, взятая оторванно от остальных форм мышления, не в состоянии самостоятельно справиться с задачей отражения предмета в **его развитии. Внешнее** многообразие весьма случайным образом соединено в нечто единое, а то и вовсе кажется разобщенным, и индукция, выявляющая родовую общность различных вещей, основана на произвольном сочетании внешне одинаковых единичностей. Два предмета по одному внешне одинаковому признаку могут попасть в один класс, а по другим признакам оказываются в числе различных классов, родов и т. д.

Всеобщность, которую получает формальная индукция, поэтому и является абстрактной, неопределенной. Следовательно, понятия и категории, полученные путем формальной индукции, **неисторичны.** Хоть Гегель, критикуя недостатки индукции, и не имел в виду **«конкретно-историческую всеобщность»,** но он требовал, чтобы научное познание всегда приводило к «некоей **определенной** всеобщности». Индукция, взятая как самостоятельная форма мышления, естественно, не могла приводить познание к таким результатам. Вместо того, чтобы требовать применения индукции в связи с теорией развития, как это вытекает из вышеприведенных слов Энгельса, Гегель объявил индукцию вообще неприменимой в философии (кстати, Гегель ошибочно полагал, что и дедукция, и анализ, и синтез, взятые изолированно, вполне устраивают «конечные», т. е. положительные, науки в зависимости от предмета рассмотрения, но для философии они непригодны).

Может показаться, что индукция действительно заслуживает подобного, пренебрежительного отношения, и дедукция в самом деле является более приемлемой формой умозаключения. При этом можно даже сослаться на следующие слова Энгельса: «вся классификация организмов благодаря успехам теории развития отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхожде-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, 1950, стр. 181.

нии — какой-нибудь вид буквально **дедуцируется** из другого путем установления его происхождения, — а доказать теорию развития при помощи одной только индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна»[1]. Однако Энгельс здесь имеет в виду индукцию, **взятую в противовес дедукции:** он говорит, что невозможно доказать теорию развития при помощи «одной только индукции». Только в этом смысле теория развития «целиком антииндуктивна», но отсюда нельзя **формально-логически** заключать, что теория развития «целиком дедуктивна». Не случайно, противопоставляя индукции дедукцию, Энгельс берет слово «дедукция» в кавычки, тут же раскрывая его смысл, заключающийся в «учении о происхождении». Ниже мы увидим, что метод восхождения от абстрактного к конкретному содержит генетическое выведение более сложных форм развития из менее сложных, которое не сводится к дедукции вообще, хотя включает ее в себя как один из своих важнейших моментов.

Уже Гегель показал, что дедукция, взятая сама по себе, так же как и индукция, не обеспечивает необходимости результата мышления, потому что оторвана от «развития понятия», т. е. **теории** развития. Гегель указывал, что формально-логическая дедукция сама по себе бессильна обеспечить истину не только вследствие того, что ее вывод, результат зависит от истинности посылок, полученных, может быть, отнюдь не дедуктивным путем. Но сама формально-логическая дедуктивная операция, как и индукция, не содержит в себе необходимости вывода. Не говоря о том, что сами определения, которыми оперирует мышление, при формальной дедукции произвольно выдергиваются из единичных, эмпирических фактов, ибо ход формально-логической дедукции определен не содержанием мышления, отражающим объективное развитие, а самой дедуктивной формой, которая уже поэтому безразлична ко всякому содержанию, и выбор того или иного определения предмета всецело ставится в зависимость от произвола субъективного мышления, — не говоря об этом, здесь бросается в глаза абстрактность результатов формально-логической дедукции. Особенные определения, с которыми здесь свя-

[1] *Ф. Энгельс.* Диалектика природы, стр. 180.

зывается общее понятие, не всегда оказываются необходимыми определениями общего понятия, следовательно, не раскрывают содержания этого понятия; они поэтому не выступают как определенные черты данного общего. Гегель верно подметил, что этот недостаток дедукции проистекает не из того, что она — дедукция, а из того, что она формальна, оторвана от содержания, от теории развития: «в самой форме формального умозаключения лежит основание того, что содержанием оказывается столь одностороннее качество; к этой односторонности содержание определено именно вышеуказанной **абстрактной** формой»[1].

В противовес формальной дедукции, Гегель выдвигает «имманентную дедукцию», имманентную самому содержанию мышления, заключающуюся в том, что понятие в самом себе содержит уже в скрытом виде все конкретное богатство результатов своего развития. Гегель выступает против примитивной, креационистской концепции развития, которая в религии сводится к сотворению мира из ничего. Понятие, бог, по Гегелю, не производит все богатство мира из **ничто.** Сотворенный богом мир есть не порождение нечто из ничто, а тот же бог, который «определяет» себя как этот, земной мир. То же самое происходит с понятием: оно «определяет» себя иным, противоположным самому себе, затем снимает это противоположение по закону отрицания отрицания, и в результате оказывается, что все это развитие происходит внутри самого понятия, стало быть, вообще содержится в нем. Почему гегелевская дедукция является **имманентной?** Потому что она происходит внутри понятия и, следовательно, согласно его общей концепции развития, содержится в нем, так сказать, потенциально, «в себе». Это дедуктивное движение определено **исключительно внутренней** природой понятия.

Из абстрактных понятий, конечно, можно вывести более конкретные, но значит ли это, что последние целиком содержатся в этих абстрактных понятиях? Конечно, нет! Более конкретное понятие заключает в себе абстрактное как момент, поэтому оно выводится из абстрактного, но не просто дедуцируется, ибо дедукция сама по себе не может иметь результатом нечто более сложное,

[1] *Гегель.* Соч. т. VI, стр. 115.

чем содержится в ее посылках. Сама по себе дедукция есть лишь объяснение особенного или единичного на основе общего. Она не обеспечивает перехода от общего и абстрактного понятия к конкретному, так как действительное развитие не есть движение только от рода к виду и разновидности, но и непрерывное превращение той или иной разновидности в новый самостоятельный вид, род и т. д., т. е. многообразное развитие нельзя свести только к движению от общего к частному, каковым является именно дедуктивное движение мысли.

Правда, возражая Д. Ст. Миллю, М. Н. Алексеев убедительно доказывает, что формально-логическое дедуктивное умозаключение в своем выводе все-таки приводит к новому знанию, и это новое знание состоит в том, что устанавливается новая связь между уже имеющимися известными терминами. «Вывод умозаключения является новым по сравнению с посылками в том смысле, что он воплощает в себе связь, отсутствующую в посылках, **непосредственную** (подчеркнуто мной — *З. О.*) связь между Е и В (в посылках эта связь опосредствована). Вывод умозаключения не является новым в том смысле, что он заключает в себе те же термины, какие есть в посылках Е и В. Значит, вывод, взятый со стороны самих составляющих его терминов, никакого нового знания в себе не содержит; взятый же со стороны способа связи этих терминов, он несомненно содержит в себе это новое знание. Так решается вопрос о новом, неизвестном и старом, известном в умозаключении,если исходить из диалектической природы категорий «нового» и «старого», «известного» и «неизвестного»[1]. Но здесь видно, что и сам М. Н. Алексеев считает, что формально-логический дедуктивный вывод не присоединяет **к содержанию** известного положения ничего нового, а лишь уже содержащуюся, опосредствованную связь выражает непосредственно, открыто[2]. Таким образом, знание, полученное в выводе, отличается от знания, заключенного в посылках, лишь формально-логически, лишь по форме связи, но не по содержанию (вообще книга М. Н. Алек-

---

[1] *М. Н. Алексеев.* «Диалектика форм мышления», МГУ, 1959, стр. 214.

[2] «Вывод представляет в непосредственной форме то, что в посылках или основании было опосредовано». *(Ж. Абдильдин, А. Касымжанов, Л. Науменко, М. Баканидзе.* «Проблемы логики и диалектики познания», стр. 333).

сеева «Диалектика форм мышления» является прекрасным анализом диалектики форм **формально-логического мышления**, т. е. форм мышления самих по себе, взятых вне необходимой, внутренней связи с содержанием мышления). Формальная логика имеет своей задачей **установление непосредственных связей между понятиями** (все формально-логические умозаключения, собственно, служат этой задаче). И если П. В. Копнин говорит: «Новое знание получается только в результате взаимодействия форм умозаключения, индукции и дедукции в особенности»[1], то это взаимодействие вовсе не означает, что они просто должны дополнять друг друга в том смысле, что индукция добывает нам «принципы или аксиомы», а дедукция их проверяет, укрепляет и дополняет[2].

Избавление от ограниченности формально-логического мышления заключено не в поочередном движении познания в обоих диаметрально противоположных направлениях — индуктивном и дедуктивном, но в таком движении познания, которое было бы **одновременно** и индукцией, и дедукцией и потому не индукцией и не дедукцией, а чем-то более сложным, высоким, универсальным. Это движение будет не установлением новой формы связи в одном и том же содержании нашего знания, данного первоначально в такой-то форме, а движением, изменением самого содержания нашего знания, выражающего реальное диалектическое движение самого объекта познания. Формальная сторона мышления в этом движении, конечно, сохраняется, но как абстрактный момент движения нашего познания, гарантирующий его от извращения непосредственных связей и отношений, допускаемого вследствие нарушения законов и правил формальной логики[3] (так, например, нельзя непосредст-

---

1 Журн. «Вопросы философии», № 3, 1956, стр. 55.

2 Там же.

3 Указание на то, что законы формальной логики представляют собой моменты логики диалектической, содержится в книге *Ж. Абдильдина, А. Касымжанова, Л. Науменко, М. Баканидзе* «Проблемы логики и диалектики познания» (стр. 254), хотя там же можно найти противоположное утверждение: «Познание нераздельности противоположных категорий противоречит законам формальной логики» (там же, стр. 255); Или: «Формальная логика запрещает **всякое** (подчеркнуто мной — *З. О.*) противоречие в мышлении» (там же, стр. 180), тогда как она рассматривает только определенное, формально-логическое противоречие. Последовательное понимание раз-

венно отождествлять прибавочную стоимость и прибыль, ибо они на самом деле непосредственно не совпадают; их действительная внутренняя сложная связь, однако, положительно раскрывается при помощи законов диалектической логики. Формальная логика не дает систематического знания о предмете, логика диалектическая дает именно систематическое знание о предмете благодаря раскрытию внутренних противоречивых связей в нем).

Что касается другой стороны гегелевской дедукции, то попытка оправдать при помощи ее теологическое учение о сотворении мира богом свидетельствует лишь о связи идеалистического понимания дедукции, как имманентного движения понятия, с религией. «Развитие» и «сотворение» суть не одно и то же, даже если последнее и объявляется дедуктивным. Собственно, сотворение потому исключительно дедуктивно, что оно возможно лишь в мысли[1]. Удивительным образом почувствовал связь теории сотворения с голой, т. е. формально-логической, дедукцией Фейербах. «Дедукция, — писал он, — которая имеет, впрочем, как бы извращена она ни была, хорошее

личия предметов диалектической и формальной логик проведено в книге *А. Касымжанова* «Проблема совпадения»..., где законы формальной логики рассматриваются вследствие их элементарности и абстрактности как моменты диалектического мышления (стр. 188) и вместе с тем указывается, что недопустимость «субъективных противоречий» в мышлении регламентируется именно «правилами элементарной, формальной логики» (там же, стр. 190). Этого, как верно отмечает Г. Штилер, не понял Гегель, объявив основные законы формальной логики метафизическими и противопоставив их, таким образом, диалектическому способу мышления». См. G. *Stihler*. Hegel (nd d e r Marxismus ûber den Widerspruch. Dietz Verlag Berlin, 1960 uS. 16, 45, 46 и т. д.)

1 Характерно, что ученый теолог Ф. Делекат объявил метод «Капитала» дедукцией, которую он никак не может примирить с индукцией, в результате чего он приходит к теологизации метода «Капитала» в духе средневекового реализма. «Но как гегельянец, он (Маркс — *З. О.*) думает не о фактах, а о понятии. Понятия являются для него «реальностями» в смысле средневекового реализма. Он изображает ступени развития хозяйственной жизни не чисто исторически, а дедуцирует их из этих онтологических предпосылок» (F. *Delekat*. Vom Wesen des Geldes. Theologische Analyse eines G ndbegriffes in Karl Marx:„ Das Kapital". Сборник: „Marxismusst dien". S. 56). Что же это за общие реальности, из которых Маркс «дедуцирует» свое учение? Если в религии это—бог, у Гегеля—абсолютный дух, то у Маркса—труд вообще (хотя, как было видно, сама категория «труд вообще», по Марксу, есть историческая категория, абстрагированная от исторически определенной формы труда. «Можно,

историческое основание; ибо она, подобно философскому выведению мира из Я, является законным потомком древнего и освященного объяснения мира из бога»[1]. Гегелевская дедукция очень часто, как метко подметил В. Ф. Асмус, является мифологической[2].

Гегелевский идеализм в понимании дедукции заключается в том, что она предполагает общие знания готовыми, заранее данными до любого акта мышления. Если допустить иное происхождение исходного общего понятия, то дедукция перестает быть исключительно имманентной. Гегелевская логика начинается с «чистого бытия», тождественного «чистому небытию». Само собой разумеется, что «чистое небытие» не есть результат абстрагирования от чувственно определенного предмета познания. Такая предварительная работа познания, если Гегелем и допускается, то только для индивидуального, субъективного мышления, имеющего дело с конечными вещами. Что касается «чистой науки», ее понятия, то оно дается именно дедукцией[3]. Известно, что «абсолютное знание», как результат этой дедукции, есть «истина всех способов познания», что означает «освобождение» познания от противоположности сознания и его предмета, означает отождествление вещи и мысли, сущности и понятия.

таким образом, смело сказать, — и это первый результат моего теологического анализа, — продолжает наш ученый теолог: — понятие абстрактно-человеческого труда играет у Маркса точно такую же роль понятия бога, как для Гегеля понятие абсолютного духа. Дело идет лишь об иной форме секуляризации (превращения в светское — *З. О.*) мысли о боге, на этот раз не в истории духа, а в экономике» (там же, стр. 57—58). Таким образом, различие чисто номинальное, технология же творческого акта — та же: и бог, и дух, и труд творят свою продукцию из самих себя, исключительно дедуктивно. Но в «Капитале» на самом деле все протекает иначе: труд без средств производства, которые противостоят ему внешним образом, бессилен сотворить что-либо, и диалектика труда, о которой говорит Делекат, не разыгрывается внутри самого труда. Труд, взятый в самой абстрактнейшей форме, с самого начала противостоит природе, преднаходит ее, и, следовательно, его имманентное развитие совершается не настолько имманентно, чтобы его можно было теоретически изобразить при помощи одной лишь дедукции.

[1] *Л. Фейербах.* Избранные философские произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, стр. 619.

[2] См. *В. Ф. Асмус.* «Маркс и буржуазный историзм», Соцэкгиз, 1933, стр. 88.

[3] См. *Гегель,* Соч. т. V, стр. 27.

Такое понимание «чистой науки», которая исключительно дедуктивна, приводит к весьма необычному способу движения теоретического знания: «доказать означает в философии (т. е. в «чистой науке» — *З. О.*) показать, как предмет (т. е. понятие — *З. О.*) через самого себя и из самого себя делает себя тем, что он есть»[1].

Односторонне превознося дедукцию на словах, Гегель часто, однако, отказывался от ее одностороннего применения.

Так, развивая свою систему форм мышления, он группирует суждения следующим образом: 1) «суждение наличного бытия» (где о единичной вещи высказывается какое-либо общее определение), 2) суждение рефлексии (где о субъекте высказывается некоторое **относительное** определение, некоторое отношение), 3) суждение необходимости (в котором о субъекте высказана его субстанциальная определенность, имеющая отношение к его общей сущности) и, наконец, 4) суждение понятия (в котором выражается степень соответствия вещи своей, если можно так выразиться, «идеальной сущности»). Первая группа — это единичное суждение, вторая и третья — особенное суждение, четвертая — всеобщее суждение.

«Какой сухостью ни веет здесь от этого, — пишет Энгельс по поводу вышеприведенной гегелевской классификации суждений, — и какой произвольной ни кажется на первый взгляд эта классификация суждений в тех или иных пунктах, тем не менее внутренняя истинность и необходимость этой группировки станет ясной всякому, кто проштудирует гениальное развертывание этой темы в «Большой Логике» Гегеля»[2]. И действительно, при внимательном рассмотрении классификации суждений, данной Гегелем в его «Логике», мы видим, что сама классификация суждений оказывается умозаключением, т. е. более сложной формой мышления, чем суждение. **Вместо классификации,** заключающейся во внешнем расположении различных форм по тем или иным одинаковым признакам, мы получили умозаключение, логическую структуру, отражающую не только исторический ход по-

[1] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 142.

[2] *Ф. Энгельс.* «Диалектика природы», стр. 177.

знания от частного к общему. Эта форма мышления, как показал Энгельс, отражает движение и «развитие наших, покоящихся на **эмпирической** основе теоретических знаний о природе движения вообще»[1]. Энгельс говорит здесь о развитии наших знаний «о природе движения вообще» потому, что он иллюстрировал правильность гегелевской классификации суждений на историческом примере развития познания закона сохранения и превращения энергии, исходным положением которого было: «трение есть источник теплоты». Но можно на любом примере показать, что познание не только исторически, но и логически идет именно путем восхождения от частного к общему, будучи одновременно и дедукцией, ибо в восхождении от абстрактного к конкретному[2] и индукция и дедукция содержатся уже в существенно снятом виде. Например, переход от простой формы стоимости ко всеобщей и денежной в «Капитале» Маркса раскрывается, как мы увидим ниже, посредством движения мышления от частного к общему, однако, этот индуктивный процесс логического познания обнаруживает себя вместе с тем и как дедуктивное движение от общего к особенному.

Гегель хорошо сознавал, что его дедукция стоит в известной внутренней связи с другими формами мышления, что ее связь с иными формами мышления позволяет считать ее не только дедукцией, но и анализом, и синтезом, однако не эмпирическим анализом или синтезом, а особым **методом** — «аналитическим методом», который столь же и синтетичен.

Следует с самого начала обратить внимание на то, что, называя свой метод то дедукцией, то особым анализом, то особым синтезом, Гегель тем самым смутно чувствует, что ни один из этих терминов полностью не раскрывает сути диалектического мышления, а лишь то с одной, то с другой его стороны.

---

1 *Ф. Энгельс.* «Диалектика природы», стр. 178.

2 Что касается приведенного исторического примера, то здесь историческое познание шло именно от абстрактного к конкретному: «Общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого» (*Ф. Энгельс* Анти-Дюринг, стр. 176). Например, в законе сохранения само понятие тепла определено как понятие движения, между тем как в единичном суждении оно выступало абстрактно, как один из моментов, одно из побочных свойств механического движения и т. д.

Гегель критикует анализ, оторванный в руках эмпиризма от синтеза. «В опыте, — пишет он, — эмпиризм пользуется преимущественно формой **анализа**»[1]. Гегель верно подметил, что эмпирический анализ по существу есть определенная форма мышления, которая приводит сознание к абстрактным определениям[2], без которых невозможно абстрактное мышление. Но он тут же отмечает и недостаток эмпирического анализа, заключающийся в том, что при таком анализе исчезает внутреняя связь предмета познания. Гегель приводит пример с химиком, который «пытает» кусок мяса и открывает азот, углерод, и т. д. Но эти «абстрактные вещества» уже больше не являются мясом. Следовательно, заключает он, анализ — «лишь **одна** сторона, а главным является объединение разделенного»[3].

Но односторонний, формальный синтез, характерный для кантовской философии, способен давать «нам только **формальное единство** для упрощения и систематизирования опытов»...[4], «и принципом разума является только непротиворечивость»[5].

Действительно, при эмпирическом синтезировании мы, оставаясь на поверхности, не видим противоречивости связи явлений, а если обнаруживаем внешнее противоречие, то не видим внутреннего единства, тождества, отделяя друг от друга вследствие этого то, что действительно внутренне едино. Если вдуматься в это рассуждение Гегеля, то можно будет хорошо обнаружить внутреннюю связь между формализмом и односторонностью

---

[1] *Гегель.* Соч. т. I, стр. 80.

[2] Там же, стр. 80—81.

[3] Там же, стр. 81. Характерно, что Гете, живший примерно в то время, что и Гегель, и имевший много общего с последним с точки зрения их духовного развития, устами Мефистофеля очень метко и удачно подмечает тот же порок старой, метафизической науки:

«...живой предмет желая изучить,
чтоб ясное о нем познанье получить,
Ученый прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчленяет
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!

(*Гете*, «Фауст», Москва, 1956, стр. 108—109).

[4] Там же, стр. 105.

[5] Там же.

анализа и синтеза. Если я, например, беру связи элементов, на которые я аналитически разлагаю предмет, как непротиворечивые, то это значит, что элемент, рассмотренный отдельно, нисколько не меняется от этого, он таков и в связи с остальными элементами[1]. Противоречивая связь между элементами означала бы, что этот элемент не только есть нечто отдельное и отличное от другого, но есть вместе с тем нечто и **тождественное** ему внутренне. Следовательно, данный элемент испытывает влияние другого элемента, с которым (причем не с одним им) он находится в единстве. Стало быть, сам по себе данный элемент не может быть таким, как дан в эмпирическом анализе. Таким образом, формальный характер анализа, т. е. его оторванность от содержания мышления (от такого закона диалектики, например, как закон противоречия), обусловливает его односторонность. Формальное тождество и есть абстрактное тождество без различия, так же как формальное различие есть различие без тождества. Тем самым Гегель метко подметил, почему Локк и эмпирики стоят на точке зрения анализа.

Внешнее отношение анализа к предмету приводит к тому, что и связь анализа с синтезом оказывается внешней, т. е. сначала применяется анализ, разлагающий предмет на его составные части, затем применяется синтез, который служит как бы завершающим этапом в познании вещи. Гегель не отрицает, что в результате такого применения этих форм мышления, могут быть получены даже «блестящие результаты», но только не в философии, а «в их собственной области», каковы положительные науки, особенно геометрия, которая на пути применения синтетического метода добилась больших

---

[1] Эмпирический анализ и эмпирический синтез сами по себе имеют своей логической основой представление об абсолютной неизменяемости анализируемой системы и элементов, из которых она состоит. Об этом свидетельствует характеристика анализа и синтеза в химии, данная Дальтоном: «Химический анализ и синтез идут не далее, чем до отделения частиц друг от друга и их воссоединения. Никакое новое создание или разрушение материи не может быть достигнуто химическим действием. Мы могли бы с тем же успехом попытаться ввести в солнечную систему новую планету или уничтожить одну из уже существующих, как и создать или уничтожить частицу водорода». (Цитир. по книге *Б. М. Кедрова* «О количественных и качественных изменениях в природе», 1946 г., стр. 107).

успехов. И тот и другой методы «исходят из внешней предпосылки», говорит он, и в этом их коренная ограниченность. Здесь, конечно, сказывается идеалистическая ограниченность самого Гегеля, который считает «истинной наукой» такую науку, в которой понятие производит из самого себя все богатство конкретного, не нуждаясь для этого ни в каких предпосылках.

Дело не в том, что Гегель считал эти формы мышления свойственными положительным наукам. Оно так и есть. Всякая наука начинает отражение своего предмета эмпирически. Дело в том, что он ошибочно лишал их права на метод восхождения от абстрактного к конкретному как высший способ мышления, не замечая, что все положительные науки в своем развитии подчинены этому методу. Говоря о том, что эти формы мышления в их изолированности прекрасно устраивают положительные науки, но не философию, для которой они недостаточны, он противопоставляет фактически метод познания самому познанию, ибо философия и есть метод познания, которым должно последнее руководствоваться. Получается, что философия имеет свой особый метод познания, а положительные науки — свой. Методы отдельных положительных наук, по Гегелю, существуют разобщенно: индукция особенно свойственна одной науке, дедукция — другой, анализ — третьей, синтез — четвертой и т. д. Лишь в методе философии эти формы мышления сливаются в высшую форму мышления, в метод, который называется теперь им **аналитическим.** Вместо того, чтобы объявить самое философию методом развития положительных наук, Гегель объявляет методы положительных наук моментами самой философии[1].

---

[1] То, что Т. А. Подкорытов имеет в виду под частно-научным методом и методом той или иной специальной науки — это в одном случае внешние условия познания, примененные в данной специальной науке (использование приборов и иной аппаратуры), в другом случае — внешние приемы наблюдения, зачастую имеющие условный характер (меченные атомы и т. д.), но чрезвычайно облегчающие процесс изучения, наконец, в третьем случае — это отдельные моменты сложного диалектического мышления, выделенные путем абстракции, вследствие того, что в данной области познания (в данной науке) наиболее ярко проявляется преимущественно данная сторона диалектической логики данная форма мышления (дедукция, индукция, анализ, синтез, гипотеза и т. д.). Что касается того, что формально-логическая дедукция является, в основном, методом математики (См. *Т. А. Подкорытов* «Соотношение диалектического ме

Свой метод философии Гегель называет **аналитическим**. Есть ли в этом какой-нибудь резон? В известном смысле — да. Это — не метод анализа в вышерассмотренном плане. Гегель это подчеркивает, указывая, что анализ должен раскрыть **необходимые** стороны, моменты целого. Тогда такой анализ сделает возможным дальнейшее выведение всех конкретных определений сущности из ее всеобщего понятия. Только такой анализ гарантирует мышление от случайных и произвольных результатов. Гегель метко подмечает характерную особенность этого анализа как метода «выведения», а не «разложения» предмета[1].

Анализ должен сводить предмет к таким простым определениям, которые вместе с тем являются настолько конкретными, что из них можно выводить новые, более сложные определения. Такой анализ обеспечивается не в созерцании, а в восхождении от абстрактного к конкретному, в форме которого и движется научное мышление.

Внутреннее единство анализа и синтеза достигается в методе философии, причем не в том смысле, что анализ и синтез чередуются друг с другом, а в том, что «философский метод содержит их внутри себя как снятые, и, соответственно с этим, он в каждом своем движении в одно и то же время аналитичен и синтетичен»[2]. Если не принимать во внимание противопоставления метода философии методам положительных наук, мысль Гегеля о новой форме связи анализа и синтеза, об их внутренней связи имеет неоценимое значение для разработки научного метода. Не случайно он называет метод, в котором

тода с частно-научными методами». Журн. «Вопросы философии» № 6, 1962 г., стр. 38), то, не говоря уже о том, что П. В. Копнин убедительно доказал, что индукция также повсеместно применяется к математике, как и дедукция (См. *П. В. Копнин* «Диалектика как логика». Изд. Киевского университета, 1961 г., стр. 360—362), не говоря об этом, с этим нельзя согласиться хотя бы потому, что **формально-логические приемы** вообще в **научном познании** недостаточны, независимо от того, является ли последнее математическим или внематематическим. Можно сказать, что в химии господствует анализ, но это будет лишь означать, что сложный процесс мышления в химии проявляется преимущественно этой стороной (аналитической), ибо ясно, что при исследовании явления изомерии, например, формально-логический анализ вообще ничего не даст.

[1] *Гегель.* Соч. т. VI, стр. 265.

[2] *Гегель.* Соч. т. I, стр. 342.

это единство только и может быть осуществлено, диалектическим[1]. Только в диалектике возможно совпадение форм и содержания мышления. Об этом выше уже говорилось.

В какой же именно связи они стоят к методу восхождения от абстрактного к конкретному? Почему же Гегель называет свой метод именно аналитическим, если и остальные формы мышления в этом методе «снято» присутствуют?

Если послушать самого Гегеля, то идеалистическая манера у него настолько выпячена, что заслоняет рациональный момент его рассуждений по этому вопросу. Когда он говорит, что его абсолютный «метод есть имманентный принцип и душа предмета», он явно переворачивает существо дела с ног на голову. И тем не менее за этой идеалистической манерой скрыта глубокая мысль о том, что метод познания аналитичен уже тем, что, имея своим объектом самое абстрактное и общее, научное рассмотрение раскрывает «определения всеобщего в самом всеобщем», стало быть, оно не присоединяет к этому исходному, простейшему отношению извне ничего постороннего (это был бы уже синтез, причем формально-логический), а, раскрывая моменты этого всеобщего, оно подвергает его таким образом анализу. Однако ясно, что, говоря о моментах **простейшего**, всеобщего, следовательно, **единого** отношения, мы уже тем самым предполагаем и даже раскрываем их связь между собой, которая и обнаруживается в том, что они суть моменты всеобщего нерасчленимого отношения. Здесь синтез дан самим анализом: само **общее отношение** приобретает определенность в процессе выделения моментов, сторон этого всеобщего[2].

Хотя Гегель и не говорит прямо о связи анализа с индукцией и дедукцией, но ясно, что его анализ дедуктивен. Что касается индукции, то он, конечно, не мог признать за ней какой-либо существенной роли в «абсо-

---

[1] *Гегель.* Соч. т. VI, стр. 304.

[2] Там же, стр. 303—304. Ясно, конечно, что когда познание начинает с чувственно-конкретного, оно не может иметь дела с синтетическим анализом т. к. внутренняя связь еще неизвестна. Когда же познание начинается с абстрактного, всеобщего отношения, каждое выделенное определение есть определение самой связи, которая дана как бы с самого начала, хотя и в абстрактной форме. Это Гегель и подметил.

лютном методе», ибо движение от внешнего и особенного к внутреннему, которое осуществляется в каждом звене научного познания, он выносил за скобки, собственно, познания: сущность, по Гегелю, проявляет себя во-вне, но таково же и движение познания; движение сущности предмета и движение познания суть одно и то же. Чувственное созерцание даже не есть движение от явления к сущности. Сущность раскрывается в философии, а эмпирическое содержание, выступающее в эмпирических формах анализа, синтеза и т. д., присуще лишь «конечному познанию», частным наукам.

В непонимании внутренней связи между эмпирическим, чувственным познанием и теоретическим мышлением заключается основная слабость гегелевской теории познания. В. И. Ленин непосредственно связывает этот недостаток гегелевской теории познания с его идеализмом, неверным пониманием связи материального с идеальным[1].

Отсутствие диалектической связи между чувственным и логическим, характерное для теории познания прошлых философских школ, в том числе и гегелевской, впервые исчезает в теории познания Маркса.

В каждом звене исследования любого предмета выведение более сложного понятия из более простого сопровождается одновременно движением познания от чувственно-наглядного к абстрактному, общему, «невидимому», от внешнего к внутреннему. Движение познания от внешнего к внутреннему наблюдается, например, не только в первой главе «Капитала», в которой осуществляется переход от меновой стоимости к ее сущности — стоимости и субстанции последней — общественно-необходимому труду, но и в тех разделах, где рассматриваются такие категории, как деньги, прибавочная стоимость, прибыль, рента и т. д. и т. п. Ясно, что все эти явления вначале были даны познанию эмпирически и иного пути для обнаружения их единой, общей основы, кроме абстрагирования от их внешней, чувственной формы, для познания не было. Лишь после того как все эти явления были выражены в общих, абстрактных категориях, теоретическое познание могло осу-

[1] *В. И. Ленин.* Философские тетради, стр. 264.

ществлять логическое выведение более сложной и конкретной категории из более простой и абстрактной.

Логическое выведение более конкретной категории из более абстрактной возможно лишь тогда, когда общие черты того и другого уже известны. С точки зрения Гегеля, коль скоро дано самое общее, абстрактное понятие, познанию больше ничего не предстоит, кроме как чисто логически, умозрительно вывести из него все более сложные категории конкретного целого. Но на самом деле более сложные категории не являются **самоопределениями** исходной абстракции. Между ними существует не только абстрактно-теоретическая связь, но и познавательная работа, которая называется «живым созерцанием». Это «живое созерцание» при изложении результатов исследования может быть стерто. Это и имел в виду Маркс, когда писал в «Капитале»: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция»[1].

Познание выполняет свою работу по отражению своего объекта, таким образом, в два этапа. На первом этапе оно пробивается за эмпирическую оболочку явления к его внутренней основе, на втором — оно осуществляет переход от абстрактных категорий к более конкретным, т. е. прослеживает внутреннюю связь в развитом предмете и ее закономерное проявление. Причем, в индивидуальном познании эти два этапа научного исследования не отделены друг от друга во времени. Это отделение во времени указанных этапов познания происходит лишь в истории познания (физиократы и школы Смита и Рикардо, с одной стороны, и теория прибавочной стоимости Маркса, — с другой. На это обстоятельство указывает сам Маркс)[2]. Однако и в истории познания это отделение не абсолютно.

---

1 Капитал, т. I, стр. 19.

2 См. *К. Маркс.* «К критике политической экономии», 1950, стр. 213.

В логике познания переход от явления к сущности не является конечной целью, и поэтому этот переход в теоретическом исследовании предмета рассматривается, собственно, лишь как предпосылка научного воспроизведения (сущности) предмета в мышлении. Причем эта работа познания предшествует теоретическому рассмотрению каждой отдельной категории.

По своей форме движение познания от явления к сущности, как указывал В. И. Ленин, есть восхождение от конкретного к абстрактному. В этом восхождении от конкретно-чувственного к абстрактному участвуют все формы мышления — и индукция, и дедукция, и анализ, и синтез. При этом познание, исследование, поскольку оно пребывает все еще в области конкретно-чувственного, пользуется этими формами мышления преимущественно формально-логически. Конкретно-чувственное целое мысленно разлагается на отдельные стороны, моменты, и этот анализ осуществляется путем формально-логической индукции: одинаковые моменты объектов выделяются как общие **путем сравнения** (так была получена, например, абстракция «производство вообще» и др.). Чтобы не потерять это конкретное целое, познание вначале таким же внешним способом «собирает» отдельные стороны в нечто внешним образом единое. Этот синтез осуществляется посредством формально-логической дедукции. Так, например, если всякое производство, «производство вообще» характеризуется наличием орудий труда, сырья и т. д., то и данное производство должно характеризоваться указанными моментами.

Здесь еще можно заметить следующее. Формально-логический синтез и дедукция уже ничего не прибавляют **к знанию общего,** полученного путем индукции и анализа. Они представляют собой прямо противоположное движение знания и, по существу, являются как бы «восстановлением эмпирии», но уже, правда, на основе знания общего. Как верно заметил М. Розенталь, формально-логические умозаключения «достаточны лишь тогда, когда мы отвлекаемся от развития, изменения явлений»...[1].

Пока исследование имеет дело с эмпирическим мате-

---

[1] См. *М. М. Розенталь.* «Принципы диалектической логики», Соцэкгиз, 1960, стр. 361 и др.

риалом, оно пользуется формально-логическим умозаключением для того, чтобы выделить отдельные общеабстрактные моменты, которые поступают на рассмотрение теоретического мышления.

Теоретическое мышление имеет дело с общеабстрактными определениями и категориями как со своим сырьем. Оно подвергает их анализу, и этот анализ уже является совершенно иным по сравнению с тем анализом, который достаточен при рассмотрении эмпирически данного предмета.

Этот анализ не является исключительно индуктивным. Собственно и индукция здесь, как и анализ, мало похожа на прежнюю индукцию. Она осуществляется уже не «путем сравнения» многих объектов и фактов (хотя Маркс всегда для убедительности доказывал теоретические положения «Капитала» не только логически, но и исторически, приводя каждый раз горы фактов), а путем отвлечения, абстрагирования в мышлении от случайных, сугубо индивидуальных, единичных черт и сторон рассматриваемого объекта. Анализ, свойственный теоретическому мышлению, восходящему от абстрактного к конкретному, является как индуктивным, так и дедуктивным. Именно такую форму анализа и имел в виду В. И. Ленин, когда писал о методе Маркса в «Капитале»: «Анализ двоякий, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости)»[1]. В. И. Ленин имеет в виду анализ Маркса, который приводит нас в первой главе «Капитала» от простой, отдельной, или случайной, формы стоимости ко всеобщей и денежной.

Анализ форм стоимости Марксом осуществляется индуктивно и вместе с тем дедуктивно: развернутая форма стоимости выводится из случайной, при которой случайным является не только факт обмена, но и определение относительной и эквивалентной форм стоимости (т. е. любой из обменивающихся товаров может быть относительной или эквивалентной формой стоимости); это — индукция, при которой движение мысли идет от отдельного и случайного к более общему и необходимому. Вместе с тем, это — дедукция, ибо переход от случайной формы стоимости, скажем, к полной или раз-

[1] *В. И. Ленин.* «Философские тетради», стр. 216.

вернутой форме совершается не путем сравнения случайных форм стоимости между собой (это ничего не дало бы), а путем выведения развернутой из отдельной, специфической и особенной — из более общей.

Сам характер выведения здесь с точки зрения формальной логики не обычный. Маркс показывает, как сама случайная форма стоимости превращается в развернутую **по мере развития** меновых отношений[1]. Отмечая значение перехода от простой формы стоимости к развернутой, Маркс пишет: «В первой форме: 20 арш. холста = 1 сюртуку может казаться простою случайностью тот факт, что эти два товара в определенном количественном соотношении способны обмениваться друг на друга. Напротив, во второй форме тотчас же просвечивает скрытая за ней основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее... Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а, наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения»[2]. Что здесь важно? То, что несмотря на движение мысли от отдельного к общему, полученный результат мышления вместе с тем более конкретен, чем исходное понятие, появляется новая особенность в характеристике формы стоимости: индукция оказывается вместе с тем дедукцией, и наоборот. Это совпадение индукции с дедукцией осуществляется **в диалектическом анализе,** сущность которого заключается в том, что мышление исходит из такого общего понятия, которое внутри себя есть конкретное единство противоположностей. Если анализ заключается не во внешнем **разложении предмета на отдельные** элементы и др. моменты, а в отвлечении от всех внешних, случайных, побочных обстоятельств, раздвоении полученного простого понятия и познании противоречивых частей его, то такой анализ является диалектическим анализом, в котором разрешается противоположность между индукцией и дедукцией.

Высшая форма анализа приступает к рассмотрению полученных формально-логическим путем абстракций, обнаруживая среди них самое простое, но в то же время внутри самого себя конкретное понятие, с которого и

---

[1] См. Капитал, т. I, стр. 68—69.
[2] Там же, стр. 70.

должно начаться движение восхождения мышления от абстрактного к конкретному. Ведь понятие стоимости, выработанное в классической политэкономии, было получено путем формально-логического умозаключения, т. е. путем выделения того **одинакового,** что есть во всех по своей натуральной форме многообразных обменивающихся товарах[1].

На примере аристотелевского непонимания истинной природы стоимости Маркс показывает, что ход дальнейшего анализа зависит от правильного понимания исходной абстракции. Если формально-логический анализ является в данном исследовании решающим и окончательным, то мы должны будем довольствоваться полученным родовым понятием, лишенным всякого конкретного содержания, т. е. диалектического противоречия, и дальнейший научный анализ станет невозможным, как у Аристотеля и классической буржуазной политической экономии, у которой понятие стоимости не было законченным.

Противоположность индукции и дедукции снимается в диалектическом анализе именно потому, что последний начинает с общего, но не для объяснения отдельного эмпирически-единичного или особенного, как это происходит в обыкновенной дедукции, а для того, чтобы возвести это общее на более высокую ступень, на которой оно становится более конкретным, так как приобретает новые черты, и в то же время — более общим, так как утрачивает некоторые прежние черты, как случайные. Только формально-логическое, родовое общее не способно утратить или приобрести какие-либо определенные черты, ибо оно внутри себя лишено конкретного содержания.

Выше, на примере перехода от отдельной формы стоимости к развернутой, мы видели, какие новые черты получает понятие «меновой стоимости» в результате этого перехода и какие прежние черты, естественно, сводятся на нет появившимися. Посмотрим, какие изменения претерпевает понятие «меновой стоимости» при переходе от развернутой формы ко всеобщей.

Понятие всеобщей формы стоимости в отличие от понятий, отражающих отдельную и развернутую формы

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 42—44, 46.

стоимости, выражает единообразие и всеобщность измерения стоимостей всех товаров. Товары измеряют свою стоимость в одном единственном товаре, который отныне является всеобщим эквивалентом. Собственная натуральная форма этого товара становится образом стоимости. Прежнее «равноправие» товаров исчезает. Стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительской стоимости, как это имело место при первых двух формах, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собою то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. «Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями или позволяет им выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей»[1]. Таким образом, «неравноправие» в способе выражения стоимости, связанное с появлением товара как всеобщего эквивалента, превращается в условие всеобщего равенства всех товаров.

Этот процесс развития понятия формы стоимости отражает по содержанию самый процесс **развития форм стоимости:** если «вторая форма полнее, чем первая, отделяет стоимость товара от его собственной потребительной стоимости, так как стоимость, напр., сюртука противостоит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто, равное... всему, чему угодно, только не самому сюртуку...»[2], то третья, всеобщая, форма стоимости уже полностью противопоставляет стоимость потребительной стоимости внешним образом. Всеобщая эквивалентная форма есть уже «форма стоимости вообще».

Что касается денежной формы стоимости, то она отличается от всеобщей лишь тем, «что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественного обычая с натуральной, специфической формой товара золото»[3].

Развитие, таким образом, самой стоимости происходит таким путем, что внутренне единые противополож-

---

1 Капитал, т. I, стр. 72.
2 Там же.
3 Там же, стр. 76.

ности товарной формы продуктов труда все больше противопоставляются друг другу внешним образом, и стоимость, непосредственно слитая с потребительной стоимостью товара, как бы подверглась в этом развитии очистительному действию анализа, освободившись от «обременительной» оболочки натуральной формы товара. Деньги — суть «чистая стоимость», «стоимость вообще».

Логический анализ, в котором индукция (движение от случайной, простой стоимости к стоимости вообще) и дедукция (движение от простой стоимости ко всеобщей стоимости, обладающей такими специфическими особенностями, как функции средства обращения, средства платежа и др., следовательно, к «стоимости вообще», но более особенной и определенной, чем простая) совпадают, — этот анализ есть лишь выражение реального «анализа», заключающегося в развитии внутренних противоречий предмета. В этом находит выражение также и совпадение логического и исторического.

Сущность индукции, как и дедукции, обнаруживается, таким образом, в анализе. Именно это и имел в виду Энгельс, когда он говорил о том, что «никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить **процесс** индукции. Это мог сделать только **анализ** этого процесса»[1].

Непонимание этой диалектической связи дедукции и индукции, естественно, вызывало удивление у метафизически мысливших «австромарксистов», вроде К. Реннера, для которого вообще ход развития науки представлялся только индуктивным, как естествоиспытателям XVII и XVIII вв., лишь на том основании, что наука исходит из «фактов опыта». «Капитал» Маркса, — пишет этот теоретик австрийского оппортунизма, — написанный в отдаленную от нас эпоху, отличающийся по способу изложения мышления от современного способа и не доведенный до конца, представляет с каждым новым деся-

---

1 *Ф. Энгельс.* «Диалектика природы», 1950 г., стр. 180. Досадно, что в книге *Ж. Абдильдина, А. Касымжанова, Л. Науменко, М. Баканидзе* «Проблемы логики и диалектики познания»... анализ не только не рассматривается в его внутренней связи с индукцией и дедукцией, но даже противопоставляется синтезу как форма мышления, играющая в научном познании второстепенную роль (см. гл. V названной книги.).

тилетием все большие трудности для читателя. Философия уже более не является царицей наук: она стала их Золушкой; а манера изложения немецких философов стала для нас чуждой. Маркс уходит своими корнями в эпоху, по преимуществу, философскую. Современная наука не только в описании явлений, но и в теоретическом исследовании пользуется не дедуктивным, а индуктивным методом; она исходит из фактов опыта, непосредственно наблюдаемых, систематизирует их и затем постепенно возводит на ступень абстрактных понятий. Поколению, привыкшему именно так мыслить и читать, первый раздел основного произведения Маркса представляет непреодолимые трудности. Кажется, будто бы автор положил на пути желающих к нему приблизиться циклопическую глыбу, чтобы допустить к себе только избранных... И все-таки, — признается наш «теоретик», — я не знаю ни одной книги, которая обязана была бы своим происхождением такой массе опыта как «Капитал» Маркса; еще меньше я знаю книг, изложение которых, несмотря на это, было бы столь дедуктивно и абстрактно»[1].

Удивление Реннера имеет своим основанием непонимание диалектики дедукции и индукции, непонимание сущности логического хода мышления, отражающего свой предмет в развитии по восходящей линии. Реннер сам, как видно, стоит на давным-давно устаревшей точке зрения естествознания XVII—XVIII вв., которая эмпирически исходит из «фактов опыта, непосредственно наблюдаемых». И если вся работа науки будет заключаться в том, чтобы лишь «систематизировать» данные опыта, то непонятно, каким образом она сможет затем «постепенно» возводить их на «ступень абстрактных понятий». Все это Реннер приписывает «современной науке», а между тем вся эта гносеология есть не что иное как старый метафизический хлам, существовавший еще до «немецких философов». По существу, Реннер здесь приписывает индуктивный способ развития специальной науке, а дедукцию — только философии. Это противопоставление индукции дедукции как «современной науки» непосредственного наблюдения — философии есть чисто

---

[1] *К. Реннер.* «Теория капиталистического хозяйства». Госиздат. 1926 г., стр. XVIII—XIX.

позитивистская манера, и утверждение, что философия стала Золушкой наук, ничего тут не меняет, а есть лишь демагогический способ приписать Марксу понимание философии как науки наук, против которого именно Маркс впервые и выступил еще в ранний период.

Не возвращаясь к вопросу о единстве дедукции и индукции в процессе научного, диалектического исследования, сошлемся лишь на письмо Маркса Энгельсу, где Маркс пишет, что логические переходы от одной категории к другой сопровождаются им также историческим рассмотрением процессов[1]. В другом письме, отзываясь с пренебрежением об абстрактном, схоластическом подходе Лассаля к изучению денег, Маркс писал о необходимости тщательного изучения фактов реальной действительности, чего как раз не делал Лассаль, «который, имея в запасе пару таких бессодержательных фраз, как «отвлеченное единство», и тому подобное, берется судить об эмпирических вещах, которые нужно into the bargain (к тому же — *З. О.*) долго изучать, чтобы иметь право говорить о них»[2].

Индуктивный же путь, который предлагает Реннер, есть тот путь, по которому шли к своим выводам об «экономической гармонии» капиталистического общества Бастиа, Кэри и др. буржуазные экономисты периода разложения классической политической экономии и который был подвергнут меткой критике Марксом: «...посредством абстракции от специфических форм более развитых сфер общественного процесса производства, более развитых экономических отношений доказывается, что все экономические отношения суть лишь только другие наименования для все тех же отношений простого обмена, товарообмена и соответствующих им определений собственности, свободы и равенства. Таким образом, из эмпирии, например, открывается, что наряду с деньгами и товарами меновые отношения преднаходятся также еще в форме капитала, процента, земельной ренты, зарплаты и т. д. Посредством процесса легко доступной (sehr wohlfeil) абстракции... все сводится к абстрактным определениям **простого** обращения и таким способом **доказывается,** что экономические отношения, в которых

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. т. XXII, стр. 327.
[2] Там же, стр. 388.

индивиды находятся в тех более развитых сферах производственного процесса, суть лишь отношения простого обращения и т. д... В противоположность классической экономии Стюарта, Смита, Рикардо, которые обладали способностью бесцеремонно (rücksichtslos) изображать производственные отношения в их чистой форме, это бессильное, надутое подкрашивание (Blaufarberei) выдается за прогресс»[1].

Пример Бастиа, Кэри и др. лишь подтверждает уже упоминавшуюся точку зрения диалектического материализма о том, что доказать **теорию развития** при помощи простой индукции невозможно, так как она «целиком антииндуктивна», хотя, безусловно, в научном методе индукция непременно присутствует, как в любом развитии момент постоянства и устойчивости обязательно имеет место. Именно поэтому фритредеры (Бастиа, Кэри и др.) и прудонисты, исходя из закона эквивалентности, равенства, гармонии, не могли понять, почему в этом «прекрасном» мире капитализма все кончается так «ужасно» и притом вследствие закона эквивалентности.

Итак, в чем же сущность научного анализа? Она, очевидно, заключается в сведении многообразных сторон предмета к их внутреннему единству, к его внутренней основе и рассмотрении этой основы «в чистом», незатемненном побочными обстоятельствами, случайностями виде.

Что это значит? Это — не то же, что и выделение **одинакового** в многообразных предметах. Не такое единство имеется в виду. Такое единство предполагает отвлечение от других, может быть, весьма существенных сторон предмета. Так, анализ товарной формы « в чистом виде» заключается не в том, чтобы отвлечься от его потребительной стоимости, которая на каждом шагу изменяется и не может быть одинаковой, и сосредоточить свое внимание лишь на стоимости, которая в любом товаре одинакова. Выделение стоимости «в чистом виде» возможно путем самой обыкновенной индукции. Но полученная таким путем абстракция не есть понятие стоимости, по крайней мере это понятие не является конкретным. Диалектический анализ товара **в чистом виде** заключается в рассмотрении непосредственного обмена

1. *K. Marx*. Grundrisse der Kritik..., S. 917

одного товара на другой. Следовательно, анализ стоимости товара (абстракция которой получена формально-логически) заключается не в отвлечении от его потребительной стоимости, не в расчленении товара на две части, а в рассмотрении **простейшего случая обмена товара на товар,** в котором товары берутся в единстве их обеих противоположных сторон. «Чистота» процесса в теоретическом рассмотрении заключается в том, что берется **простейший случай этого движения** (ибо предмет есть определенное движение; о теле, которое не движется, нечего сказать).

Теоретическое мышление при этом отвлекается от таких моментов, как деньги, взаимное надувательство обменивающихся сторон, люди, участвующие в обмене, и т. д. и т. п. Рассмотрению подвергаются лишь те моменты, без которых процесс невозможен в принципе, или идеально. Собственно, процесс в «чистом виде» всегда возможен лишь идеально. Это и есть абстракция[1].

Точно так же и анализ прибавочной стоимости заключается не в том, чтобы расчленить прибавочную стоимость на ее составные части: предпринимательский доход капиталиста, рента и процент, выплачиваемый заимодавцу. Наоборот, анализ прибавочной стоимости в «чистом виде» не только не предполагает такого расчленения ее, а заключается в том, чтобы рассмотреть процесс возникновения прибавочной стоимости **в целом.** Анализирующее мышление отвлекается здесь от этого разделения как от вторичного, следовательно, более сложного акта, для того чтобы рассмотреть процесс возникновения прибавочной стоимости в неусложненном, «чистом» виде. При этом оно отвлекается и от таких моментов, как конкуренция, взаимное надувательство, цена производства, прибыль (абстракции которых могут быть получены и путем простой индукции), ибо они, эти моменты, вносят изменения, модификации в процесс воз-

---

[1] Этот способ абстракции, являющийся первым условием научного анализа, даже его собственным моментом, иногда в научной литературе называется процессом «идеализации» (см. например, *Д. П. Горский.* «Вопросы абстракции и образование понятий» АН СССР, 1961, стр. 276—290; «О процессе идеализации и его значении в научном познании», журнал «Вопросы философии» № 2, 1963 г.). Последний, очевидно, есть лишь одна из особенных форм абстрагирования.

никновения прибавочной стоимости и лишь затемняют и искажают этот процесс, хотя без этих затемнений и искажений прибавочная стоимость в реальной действительности не существует.

Далее, этот анализ непременно осуществляется по принципу: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его»... (Ленин). В этом суть диалектики, поскольку признание непрерывного развития предмета предполагается. «Условие познания всех процессов мира в их **«самодвижении»**, в их спонтанейном развитиии, в их живой жизни, есть познание их, как единства противоположностей»[1].

Таким образом, анализ как единство индукции и дедукции, как диалектически противоречивое единство этих форм умозаключения, заключается не в отвлечении от всех сторон рассматриваемого объекта или формально-логически полученной абстракции, не в разложении конкретного целого на его части и стороны (эта необходимая, хотя и предварительная, работа проделывается формально-логическим путем), а в рассмотрении процесса как единства противоположностей. Анализ товара возможен в единстве его обеих сторон — стоимости и потребительной стоимости, анализ прибавочной стоимости — в единстве переменного и постоянного капиталов, но не основного и оборотного и т. д., усложняющих процесс. Основной порок анализа буржуазных экономистов в том, что они исследовали процессы всегда в сложной форме: стоимость — в связи с деньгами и другими формами потребительной стоимости (у физиократов — вещество природы), прибавочную стоимость — в форме прибыли и т. д. Зато, беря объект в сложной форме, они вытравляли из него живую душу, отделяя противоположности друг от друга: деньги — от товара, прибавочную стоимость (капитал) — от стоимости рабочей силы и т. д.

Весьма симптоматично заявление такого выдающегося физика современности, как В. Гейзенберг, о том, что «...даже в самой точной науке, в математике, не может быть устранено употребление понятий, содержащих внутренние противоречия. Например, хорошо известно, что понятие бесконечности ведет к противоречиям, однако

---

[1] *В. И. Ленин* «Философские тетради», стр. 327.

практически было бы невозможно построить без этого понятия важнейшие разделы математики»[1].

Таким образом, диалектический анализ Маркса заключается в обстоятельном рассмотрении каждой из категорий (отражающих различные явления действительности) **в виде простейшего случая**. К каждой категории анализ подходит не просто как к имманентному результату движения предыдущей (хотя эта сторона дела имеет важнейшее значение), не как к продукту «имманентной дедукции», а самостоятельно, т. е. как к категории, полученной прежде всего в результате переработки чувственного материала в понятии.

Анализ, следовательно, имеет дело с готовыми абстракциями, для того чтобы сделать их конкретными внутри самих себя, т. е. **чтобы раскрыть их внутреннее содержание**, без которого невозможно вообще логически вывести из одной категории другую. Это содержание есть живое, конкретное единство, тождество противоположностей.

Из того, что анализ имеет дело с готовыми абстракциями, т. е. с объектами, взятыми в простейшем виде, — из этого следует, что правильное абстрагирование является условием успешного анализа. Это правильное абстрагирование заключается не в том, чтобы отбросить все стороны чувственного объекта и удержать в представлении какую-нибудь одну. Об этом в предыдущих разделах говорилось. Правильное абстрагирование заключается в том, чтобы взять такое простейшее отношение предмета, без которого нельзя понять ни одной его сложной формы. Причем неважно, встречается ли в эмпирическом мире это простейшее отношение самостоятельно или нет. Так, например, Маркс в качестве абстракции от процесса расширенного воспроизводства капитала берет простое воспроизводство, хотя для капитализма простое воспроизводство является не нормальным, не характерным явлением.

Вот как объясняет Маркс эту абстракцию: «Простое воспроизводство, воспроизводство в неизменном масштабе, является абстракцией постольку, поскольку, с одной стороны, в условиях капитализма отсутствие всякого накопления или воспроизводства в расширенном масштабе является неправдоподобным предположением, а,

[1] *В. Гейзенберг*, «Физика и философия», Москва, И. Л., стр. 171.

с другой стороны, отношения, в которых совершается производство, в различные годы не остаются абсолютно неизменными (а именно это и предполагается)... Впрочем, даже если совершается накопление, простое воспроизводство всегда составляет часть последнего, следовательно его можно рассматривать само по себе, оно — реальный фактор накопления»[1].

Таким образом, в процессе абстрагирования той или иной стороны предмета познание не отбрасывает решающих моментов этой стороны в угоду какого-либо одного момента, а берет все эти моменты в совокупности, но в самой простейшей связи их между собой. В этом примере с простым воспроизводством, как одной из сторон воспроизводства вообще, Маркс вовсе не отвлекся ни от одного решающего момента воспроизводства, а лишь взял простейший случай взаимодействия моментов капиталистического воспроизводства. Анализ этого взаимодействия уже не будет анализом эмпирического объекта: он будет в этом случае формой движения теоретического мышления.

Маркс упрекает Рикардо в том, что тот недостаточно полно абстрагирует, беря простейшие отношения капиталистического общества в более сложной форме[2]. Конечно, это может лишь затруднить анализ предмета. Но другой, самый главный недостаток абстракций Рикардо заключается в том, что они у него являются «насильственными» абстракциями, уродующими, извращающими предмет рассмотрения, что дало повод вульгарным экономистам объявить теоретические истины абстракциями, противоречащими «действительному положению вещей»[3]. Вместо того, чтобы показать, каким образом осуществляется взаимопроникновение противоположностей в действительности (взяв это тождество противоположностей в простейшем виде), Рикардо свои положения добывает путем насильственного отвлечения от противоположностей, довольствуясь установлением лишь тождества. Так,

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 395. «Идеальные газы», для которых имеет значение закон Бойля-Мариотта, существуют лишь в абстракции так же, как закон инерции в действительности действует иначе, чем это содержится в самой формулировке его и т. д. и т. п., не говоря о мысленных экспериментах, без которых современная физика не может обойтись. *(См. В. Гейзенберг* «Физика и философия», стр. 18).

[2] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 184.

[3] См. Там же, стр. 439—440.

Рикардо отождествил прибавочную стоимость и прибыль, представив законы прибыли непосредственно как законы прибавочной стоимости, хотя последние явно противоречили первым. Все те моменты, которые приводили к этому противоречию, были неправомерно, «насильственно» отброшены им, и действительная связь прибавочной стоимости и прибыли была извращена. При анализе прибыли Рикардо, как и Смит, отвлекается от такого важного момента, органически входящего в категорию прибыли, как **постоянный капитал,** без которого невозможно само понятие прибыли. «Так как Рикардо отождествляет норму прибавочной стоимости и норму прибыли... и так как норма прибавочной стоимости исчисляется лишь по отношению к переменному капиталу, затрачиваемому на заработную плату, то Рикардо, как и А. Смит, предполагает, что **стоимость всего продукта** — после вычета ренты — делится между рабочим и капиталистом, т. е. делится на заработную плату и прибыль. Иначе говоря, Рикардо делает ошибочное предположение, будто весь авансированный капитал состоит только из переменного капитала»[1].

Если прибавочная стоимость может быть понята из взаимодействия стоимости рабочей силы (труд) и прибавочной стоимости (капитал), то прибыль и ее норма уже не могут быть поняты без рассмотрения противоположности между постоянным и переменным капиталом. Отвлечение от одной из противоположностей, составляющих в единстве сущность прибыли, является насильственной абстракцией, которая, однако, у метафизика Рикардо служила способом удержания понятия прибавочной стоимости. Маркс поэтому замечает, что у Рикардо, «новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений»[2]. Рикардо поэтому все же выше стоит по своим методологическим принципам, чем Смит, который подчас уподобляется вульгарным экономистам, абстрагировавшим путем выхватывания отдельных явлений конкуренции[3]. Как указывалось, Смит иногда подвергает вновь произведенную стоимость чисто внешнему, вуль-

---

[1] *К. Маркс.* Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 468, см. также стр. 375.

[2] См. там же, ч. III, стр. 73.

[3] См. там же, ч. II, стр. 346.

гарному анализу, разлагая ее на процент, ренту и зарплату как источники ее происхождения.

Выше мы говорили, что правильное абстрагирование является условием теоретического анализа предмета. По существу уже процесс абстрагирования, **поскольку он определяет характер** анализа, является моментом самого анализа. В самом деле: отделение (или выделение) простого воспроизводства от процесса капиталистического воспроизводства есть аналитическое действие, которое есть вместе с тем абстрагирование; отделение прибавочной стоимости от прибыли достигается путем анализа, но это вместе с тем есть абстрагирование от особенной формы, абстракция. Таким образом, научный анализ начинается процессом абстрагирования, ибо выделение путем абстрагирования простейшего случая, «чистого» отношения есть аналитическое действие, заключающееся в отделении простого от сложного, или в сведении сложного к простому. Кстати, процесс **сведения** не есть просто возвращение от развитого к неразвитому, как иногда полагают (например, Грушин Б. А.), хотя развитое всегда сложнее неразвитого. Процесс сведения есть процесс абстрагирования, заключающийся в отвлечении от сложной формы бытия предмета и обращении к самой простой и «чистой» форме его движения. Так, прибыль сводится к прибавочной стоимости, но прибыль не есть более развитое состояние капитала, ибо прибавочная стоимость в реальной действительности не существует вне прибыли. Ее можно лишь путем анализа, говорит Маркс, «вылупить» из последней.

Итак, анализу подвергается каждая сторона предмета (след., каждая категория, отражающая предмет с той или иной стороны), причем это движение анализа не есть только индукция, приведение явления только к его наиболее общему, «чистому» виду, но и дедукция, поскольку это «чистое» отношение как результат берется в **конкретном** единстве противоположных моментов, и, следовательно, результат движения познания всегда есть нечто более конкретное по сравнению с исходными абстрактно-всеобщими понятиями.

Помимо движения от частного к общему и от общего к частному диалектический анализ представляет собой еще нечто такое, что делает его более сложной формой мышления, чем только индукция и дедукция. Это новое

в анализе, несводимое к индукции и дедукции, есть установление отношения внутреннего единства между различными многообразными формами явления, предмета.

Как видим, анализ является по сути дела также и синтезом, но только абстрактно, поскольку между анализом и синтезом в теоретическом мышлении нет **непосредственного тождества.** Они совпадают опосредствованно, т. е. в форме более сложной формы мышления — **генетического выведения.** Анализ органически перерастает в генетическое выведение, если он логически продолжается, ибо анализ, заключающийся в сведении многообразных форм проявления явления к его внутреннему единству, к внутренним связям сущности, взятой в «чистом» виде, должен все больше и больше конкретизировать эту связь, единство различных моментов сущности предмета, в результате чего он приходит к раскрытию конкретных форм проявления этой сущности. Так получается генетическое выведение сложных форм проявления внутренне единой сущности, и в этом генетическом выведении анализ сохраняется как важнейший момент, а не исчезает, как в процессе формально-логического синтеза.

Рассмотрим эту сторону дела внимательнее.

Научный анализ устанавливает внутреннюю связь, внутреннее единство между, например, прибылью и прибавочной стоимостью, сводя первую к последней. Тем самым исчезает мистический характер прибыли как непосредственного продукта мертвого, т. е. постоянного, капитала. За прибавочной стоимостью анализ раскрывает прибавочный труд как источник прибавочной стоимости, а за стоимостью — общечеловеческий, абстрактный труд. За всей пестротой нетрудовых доходов — процент, рента, предпринимательский доход — анализ раскрывает прибыль, получающуюся от применения промышленного капитала; триединая формула вульгарной политэкономии «капитал — процент, земля — рента, труд — заработная плата» сводится к опредмеченному труду вообще и т. д. Анализ, таким образом, сводит многообразные явления к их всеобщей, простой основе, раскрывая между ними внутреннюю, необходимую связь. Он поэтому совпадает и с синтезом, но это совпадение еще абстрактно. Лишь в генетическом выведении это совпадение становится опосредствованным, конкретным,

т. е. более сложной формой мышления. Об этом речь будет ниже.

Пока в последний раз укажем на отношение индукции и дедукции к анализу. Научный анализ, оперируя абстрактно-всеобщими, т. е. формально-логическими, понятиями, как-то: прибыль вообще, рента вообще, процент вообще, производство вообще, труд как таковой, стоимость как таковая и т. д.—понятиями, которые являются абстракциями, но абстракциями разумными, избавляющими нас от повторений (ибо минералог, который повторял бы при виде каждого минерала: «это — минерал вообще», был бы минералогом лишь в своем собственном воображении), — анализ восходит от них к конкретно-всеобщим понятиям, отражающим самые простейшие отношения явления, которые составляют его внутреннюю основу. Так, сводя все формы прибыли (прибыли вообще) к прибавочной стоимости, анализ восходит от сложного и особенного к простому и общему, но в то же время полученное понятие прибавочной стоимости является диалектически противоречивым, поэтому конкретным единством таких противоположностей, как стоимость рабочей силы и капитал; следовательно, анализ от абстрактно-всеобщего («прибыль вообще», ибо пока механизм прибыли не раскрыт) приходит к конкретному понятию, содержащему в себе такие определения, которые отсутствуют у абстрактного понятия «прибыль вообще». Таким образом, анализ есть противоречивое единство индукции и дедукции, которые вследствие этого взаимного совпадения принципиально отличаются от формальных индукции и дедукции. Это противоречивое совпадение индукции и дедукции может быть легко проиллюстрировано на примере любой категории «Капитала» Маркса.

И не только «Капитала». Так, в истории физики мельчайшие частицы, понимаемые как «атом вообще», были сведены в конце XIX и начале XX вв. к электрону и протону, **противоречивое отношение** которых и есть атом. Впоследствии были аналитически открыты и другие частицы — нейтрон, мезон, позитрон и т. д., но это принципиально не меняет сути дела. Человеческое мышление здесь пришло от частного (от понятия многообразных химических элементов, молекул) к таким общим понятиям, как электрон и протон, одинаково присущим всем различным элементам, молекулам, атомам. По-

стольку оно было индуктивным. Вместе с тем, от абстракции «атом вообще», «элемент», «молекула» был совершен переход к конкретному понятию с **определенным** содержанием, представляющим собой противоречивое единство электрона и протона (самый простейший атом — это водород, он состоит из одного электрона и одного протона).

Но конечно, этот анализ есть лишь одна сторона дела. Значительно важней и трудней построить (лучше: вывести) из этой простейшей абстракции более сложные отношения — многообразные атомы и молекулы. Это и будет генетическим выведением, при помощи которого Маркс из прибавочной стоимости через ряд промежуточных звеньев вывел среднюю прибыль, ренту, процент и т. д. В настоящее время физика и химия стоят на пороге раскрытия генетической связи атомов и молекул. Если молекулы и сведены к атомам, а атомы в свою очередь подверглись научному анализу, то более трудная задача еще впереди: показать, каким образом атомы могут соединяться в молекулы, в более сложные частицы.

Генетическое выведение, в котором «снимается» противоположность анализа и синтеза, совпадает с определенной стадией в движении познания. Познание идет от внешнего явления к сущности в ее общем виде, к закону явления и, наконец, к раскрытию необходимых форм проявления этой общей сущности, закона. Переход от явления к сущности есть процесс абстрагирования, непременное условие диалектического анализа, хотя процесс абстрагирования в известном смысле относится к самому процессу анализа. Рассмотрение общей сущности явления, закона явления есть, собственно, процесс анализа сущности в «чистом виде». Переход познания от сущности, взятой в «чистом виде», к необходимым формам ее проявления есть не что иное, как процесс генетического выведения этих более сложных форм из общего понятия.

Буржуазная классическая политэкономия, вопреки ее метафизическому методу, достигла больших успехов в деле научного **анализа** различных форм движения буржуазного способа производства. И хотя ее анализ не был полным и до конца последовательным, ей все же удалось свести стоимость к общечеловеческому труду,

прибавочную стоимость — к прибавочному труду, прибыль к прибавочной стоимости и т. д. Но она не в состоянии была полностью раскрыть те формы буржуазного богатства, которые ей удалось свести к их общей основе. Она не пошла, таким образом, дальше анализа, хотя последний подводил ее к генетическому выведению. «Классическая политическая экономия, — писал Маркс по поводу ее метода, — старается посредством анализа свести различные фиксированные и чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и совлечь с них ту форму, в которой они индифферентно стоят друг возле друга; она хочет понять внутреннюю связь целого в отличие от многообразия форм проявления... Классическая политическая экономия иногда впадает в противоречия при этом анализе; часто она пытается произвести это сведение и доказать единство источника различных форм непосредственно, без выявления посредствующих звеньев. Но это необходимо вытекает из ее аналитического метода, с которого должны начинать критика и понимание. Она интересуется не тем, чтобы генетически вывести различные формы, а тем, чтобы свести их посредством анализа к их единству, так как она исходит из них как из данных предпосылок. Но анализ является необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах»[1].

Абсолютизация анализа, которая привела классическую буржуазную политэкономию к противоречиям и непоследовательностям в теории, была связана с ее метафизическим, неисторическим пониманием самого объекта познания. Взгляд на предмет не как на нечто непрерывно развивающееся, а как на нечто неизменное, совершающее вечный круговорот, движение по замкнутому кругу, исключал генетический способ рассмотрения процессов формообразования единой сущности предмета в его различных фазах.

Но это не все. Поскольку развитие подчинено законам диалектики, ясно, что каждый новый этап, новая форма в развитии является как-бы антитезисом предыдущего этапа, и поэтому попытка **непосредственно** согласовать простое с более сложными, противоречащими

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 477—478.

ему формами, оказывается бесплодной, откуда и проистекают формально-логические противоречия, действительно недопустимые в научном познании. И это имеет значение не только при движении познания от предыдущей фазы развития к последующей (например, развитие закона стоимости в законы прибавочной стоимости), но и при переходе познания от сущности (общего закона) к необходимым формам ее проявления (например, превращение законов прибавочной стоимости в законы прибыли).

Поскольку действительное развитие от начала и до конца противоречиво, познание, желающее отобразить свой предмет в развитии, должно постоянно иметь в виду это обстоятельство. Но противоречие не есть **непосредственное тождество противоположностей,** как думали Рикардо и особенно Джемс Милль (с которого начинается разложение рикардианской школы именно из-за формально-логического понимания **единства противоположностей** как их **непосредственного тождества**).

В этом пункте особенно проявляется связь форм логического мышления с их содержанием. Метафизическое понимание сущности развития определило и метод отображения этого развития. Мнимое отсутствие противоречий в реальном движении предмета изображается в форме такой системы категорий политической экономии, при которой ни одна из категорий системы не противоречит самой общей и простейшей, т. е. исходной, категории, а также и друг другу. Это — анализ, но анализ не вполне совершенный, т. к. сведение многообразия форм предмета к их внутреннему единству, внутренней связи не может раскрыть действительно сложного взаимоотношения их между собой. Это, следовательно, односторонняя абсолютизация аналитического метода, проистекающая из метафизического понимания самого развития. «У Рикардо, — пишет в этой связи Маркс, — односторонность проистекает также из следующего: он вообще хочет доказать, что различные экономические категории или отношения **не противоречат теории стоимости,** вместо того чтобы, наоборот, проследить их **развитие,** со всеми их кажущимися противоречиями, из этой основы, или раскрыть развитие самой этой основы»[1]. На связь между метафизическим пониманием предмета и фор-

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 143.

мальным методом логического отображения у Рикардо Маркс указывает также в другой связи: «Рикардо, наоборот (в отличие от Смита — *З. О.*) сознательно **абстрагирует** от формы конкуренции, от видимости, создаваемой конкуренцией, чтобы рассмотреть **законы как таковые** (здесь Рикардо пока занят анализом — *З. О.*). Его следует упрекнуть, с одной стороны, в том, что он недостаточно, не до конца абстрагирует, так что, когда он, например, рассматривает **стоимость** товара, он с самого же начала включает в ее определение всевозможные конкретные отношения; с другой стороны — в том, что он форму проявления понимает как **непосредственное, прямое** подтверждение или выражение всеобщих законов; он никак не раскрывает **развития** этой формы. В отношении первого из этих моментов его абстракция является весьма неполной, в отношении второго она — абстракция формальная, ложная сама по себе»[1].

Таким образом, связь между категориями в логической системе, отображающей предмет в развитии, противоречива, а противоречие есть опосредствованное единство противоположностей. Следовательно, ни о каком **непосредственном тождестве** противоположностей не может быть и речи. Формальная логика вполне последовательно отрицает противоречия в мышлении, поскольку саму природу связи она понимает весьма абстрактно — как непосредственное тождество, непосредственную связь.

В критике Марксом метода Джемса Милля и других учеников Рикардо эта особенность раскрыта весьма определенно. «Милль был первым, кто изложил теорию Рикардо в систематической форме, хотя лишь в довольно абстрактных очертаниях. То, к чему он стремится, — это формально логическая последовательность. С него и начинается «поэтому» **разложение** рикардианской школы. У учителя (у Рикардо) новое и значительное — среди «навоза» противоречий — насильственно выводится из противоречивых явлений (стремление согласовать теорию с действительностью заставляло Рикардо не отбрасывать ряд правильных положений своей теории, например, положения о прибыли, противоречившие положениям о прибавочной стоимости — *З. О.*). Самые

[1] *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, ч. II, стр. 100.

противоречия, лежащие в основе его теории, свидетельствуют о богатстве того жизненного фундамента, из которого, выкручиваясь, вырастает теория. Иначе обстоит дело у ученика [у Милля]. Тем сырьем, над которым он работает, является уже не сама действительность, а та новая теоретическая форма, в которую ее, путем сублимации, превратил учитель. Отчасти **теоретические возражения противников новой теории, отчасти парадоксальное нередко отношение этой теории к реальности** побуждают его к попытке **опровергнуть** первых и **отделаться путем чисто словесного «объяснения»** от последнего»[1].

Таким образом, при исключительно формально-логическом подходе, связь теории с действительностью возможна лишь путем **насильственной** абстракции, насильственной потому, что она, действительность, не укладывается в рамки канонов формальной логики, исключающей всякие противоречия **там, где налицо единство.** Поэтому гораздо легче было бы Дж. Миллю, который имел задачей лишь привести в систему то, что уже было получено путем анализа Рикардо. Он приводит в формально-логическую гармонию полученные категории, подчеркивая **момент единства между ними** и отделываясь путем чисто словесного объяснения от противоречия некоторых категорий действительности. «Где экономическое отношение, — а значит и категории, выражающие его, — заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он (*Милль — З. О.*) подчеркивает момент **единства** противоположностей и отрицает **противоположности.** Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»[2]. Та словесная схоластика, которая лишь начинается у Дж. Милля вследствие формально-логического понимания связей и отношений между явлениями (и категориями, их выражающими), у такого **«бессовестного лошляка,** как **Мак-Куллох...**, принимает форму важничающего бесстыдства»[3].

Формально-логические противоречия действительно

---

[1] *К. Маркс.* Теории прибавочной стоимости, ч. III, стр. 73.
[2] Там же, стр. 77.
[3] Там же, стр. 76.

в научном мышлении не должны иметь места[1]. Это значит, что нельзя отождествлять явления (и понятия), между которыми нет единства. Т. е. формально-логическое противоречие, в отличие от диалектического, есть противоречие без единства. Диалектический метод считает, что такие противоречия на самом деле не имеют места в действительности и, следовательно, не должны иметь места в мышлении. Но существуют и такие противоречия, для отражения которых формально-логические правила, законы недостаточны и бессильны. Формальная логика имеет дело с непосредственными связями, а диалектическое противоречие есть опосредствованное отношение, движение, отражение которого под силу лишь диалектической логике, которая есть применение законов диалектики к области мышления, вернее, **развитие законов диалектики** в форме мышления, или, наконец, диалектика как логика.

Законы и правила формальной логики имеют, таким образом, в отличие от диалектической, свою область, свой предмет — исследование условий, при которых бы непосредственные связи и отношения вещей мышлением не извращались. Нам представляется поэтому правильным утверждение П. В. Копнина и П. В. Таванца о том, что «формальная логика изучает все формы мышления, но только с определенной стороны»[2]. Однако, различие предметов формальной логики и логики диалектической не в том, что первая изучает «только правила и формы выведения одного суждения из других, а диалектическая логика — условия истинности нашего мышления и пути достижения истины»... и т. д.[3]. Не следует забывать, что и формальная логика, как указывал Ф. Энгельс, есть «прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному...[4], и различие между ними, следовательно, лишь в способах достижения «новых результатов», истины. Оно—в том, что формальная логика, как бы опосредствованы ни были ее умо-

---

[1] Хороший разбор противоречий движения мышления дан в книге *П. В. Копнина* «Диалектика как логика»..., стр. 202—210, а также в книжке Г. С. Батищева, ссылка на которую дана нами выше.

[2] Диалектика и логика. Законы мышления. Изд. АН СССР, 1962 г. стр. 60.

[3] См. там же, стр. 62.

[4] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг, 1953, стр. 126.

заключения, предохраняет теоретическое мышление от извращения **непосредственных** связей и отношений вещей, между тем как диалектическая логика обеспечивает **позитивное** обнаружение и раскрытие **связей опосредствованных, противоречивых,** сложных. Последнее возможно лишь благодаря диалектическому единству всех форм мышления, единству, которое есть **целостная система** форм мышления. Эта система форм мышления, в свою очередь, достигается благодаря диалектическому содержанию мышления, его движению. Система форм мышления есть метод мышления. В диалектической логике эта система форм мышления отличается от формально-логической именно связью с содержанием мышления, движение которого подчинено законам диалектики[1]. Поэтому можно даже сказать, что в известном смысле только в диалектическом мышлении и осуществляется строгое и последовательное соблюдение принципов формальной логики.

Итак, поскольку противоречие есть **опосредствованное** взаимоотношение противоположностей, переход от одной категории к другой (противоположной) невозможен путем формально-логической дедукции. Вывод, результат формально-логической дедукции есть утверждение в особенной или единичной форме того, что содержится уже в известной большей посылке. Поэтому умозаключение по дедукции в конечном счете также основано на непосредственной связи между такими противоположностями как общее, родовое, и особенное и единичное. Формально-логическая дедукция подчеркивает лишь момент тождества общего и единичного.

Изображение процесса развития предмета (его сущности) в форме логических категорий, с точки зрения форм логического мышления, есть генетическое выведение, осуществляющееся способом анализа промежуточных звеньев, опосредствующих единство противоположностей, превращение одной противоположности в другую. Генетическое выведение есть прямая противоположность формально-логическому подведению частного под общее. Оно есть более высокая форма мышления, чем ана-

[1] А. Зиновьев поэтому пишет, что формальная «логика не может дать исчерпывающую картину строения науки и не стремится к этому». «Диалектика и логика. Формы мышления». Изд. АН СССР, 1962 г., стр. 230).

лиз, так как содержит такие моменты (помимо того, что присуще анализу), которые в научном анализе отсутствуют. Вместе с тем, генетическое выведение нельзя полностью отождествлять с методом восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении. Последний включает в себя как анализ, так и генетическое выведение. И то и другое суть моменты, абстрактные стороны метода восхождения от абстрактного к конкретному. Если можно так выразиться, метод восхождения от абстрактного к конкретному есть снятая противоположность диалектического анализа и диалектического синтеза, сведения и генетического выведения[1]. Восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой не особую форму синтеза, как это иногда кажется, а нечто иное, форму мышления более высокого порядка, чем синтез вообще.

Рассмотрим несколько примеров генетического выведения более сложных категорий из менее сложных.

Обратимся к переходу в «Капитале» от категории прибавочной стоимости к категории прибыли. Вследствие различного органического строения равновеликих капиталов при одинаковой эксплуатациии труда получаются различные нормы прибыли. Но капиталист отнюдь не заинтересован в том, чтобы на ту же величину авансированного капитала иметь меньшую норму прибыли, чем другой, у которого авансированный капитал имеет больше живого труда. Отсюда — переливы капиталов из одних отраслей производства в другие, конкуренция, превращающая стоимость товаров в цены производства, и посредством последних выравнивание прибылей в общую норму прибыли. Последняя, взятая в качестве индивидуального капитала, есть средняя прибыль; вернее: прибыль, «падающая согласно этой общей норме на капитал данной величины, каково бы ни было его органическое строение, называется средней прибылью»[2]. Мы видим здесь, что без анализа промежуточных звеньев (понятия цены производства, органического строения капитала, конкуренции) совершенно нельзя согласовать между собой такие категории, как прибавочная стои-

[1] Выражения **«генетическое** сведение», **«генетическое** выведение» указывают на диалектический характер анализа и синтеза, раскрывающих **развитие** предмета исследования.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 164.

мость и прибыль, ибо в понятии прибавочной стоимости содержится прямая зависимость нормы прибавочной стоимости от количества примененного в производстве живого труда, а в понятии прибыли эта зависимость отсутствует. В понятии прибыли содержится зависимость массы прибыли от количества авансированного капитала вообще (включая и постоянный капитал), а в понятии прибавочной стоимости эта зависимость отсутствует. И тем не менее понятия прибавочной стоимости и прибыли находятся в отношении (хоть и противоречивого) тождества, которое раскрывается посредством генетического выведения более сложной категории (понятия прибыли) из более простой (понятия прибавочной стоимости).

Здесь следует заметить, что если раскрытие сущности прибавочной стоимости в общей форме есть одновременно и анализ прибыли, и генетическое выведение прибавочной стоимости из стоимости, то переход от категории прибавочной стоимости к категории прибыли есть одновременно и анализ всех особенных форм прибыли (процента, ренты и т. д.) и генетическое выведение категории прибыли из категории прибавочной стоимости. К этому мы еще вернемся, но в данном случае эта оговорка была необходима для того, чтобы иметь в виду постоянную круговую связь аналитического сведения сложных форм к более простым с генетическим выведением логически более сложного из простого. **Анализ может и не быть генетическим выведением, но генетическое выведение всегда есть научный анализ**, или точнее: всегда включает в себя последнее как свой важнейший момент.

Другой пример. Домарксистские материалисты никак не могли примирить свой материализм с пониманием истории человечества, которое всегда у них оказывалось идеалистическим вследствие того обстоятельства, что в обществе общественное бытие само являлось продуктом сознательной деятельности человека, субъекта. Но ведь сознание всегда вторично, если не оставлять позиций материализма. Следовательно, и в обществе должно быть то же самое. Но здесь дело обстояло как будто бы прямо противоположным образом: общественное бытие (будь то даже экономический строй) всегда — продукт деятельности людей, существ, наделенных сознанием и руководствующихся им. Бессилие разрешить это противоречие приводило домарксовских материалистов к от-

казу от материализма в одной из важнейших областей человеческого познания — в области общественной науки. Если Смит и Рикардо смогли аналитически свести прибыль к прибавочной стоимости, а последнюю к прибавочному труду, если домарксистские атеисты, в том числе Л. Фейербах, свели небесный мир к его земной основе, то в области решения основного вопроса философии домарксистский материализм не смог даже подобный анализ довести до конца и показать тождество, внутреннее единство природы и общества на основе материализма. В этой области Марксу пришлось выполнить всю работу с самых, так сказать, азов (правда, французские историки времен реставрации указывали на связь между политикой и отдельными экономическими отношениями, но они вовсе и не думали о сведении этих проблем к общей основе — материалистическому решению основного вопроса философии в истории).

Маркс, совместно с Энгельсом, блестяще вывел исторический материализм из диалектического материализма, как более сложный и конкретный раздел философской науки из более общего и простого. Основным промежуточным звеном, которое здесь подвергалось анализу, было понятие **практики, как сознательной, активно преобразующей мир деятельности человека.**

Категория практики в гносеологическом аспекте уже дана в понятии диалектического материализма (как основа и критерий познания субъектом объекта). Но дальнейший анализ этой категории привел к ее более глубокому и конкретному раскрытию, чем установлению тождества между категориями материи и сознания. Практика есть диалектический синтез того и другого, диалектическое разрешение противоречия между материей и сознанием: в практике осуществляется **реальное единство материального и идеального,** ибо практика есть сознательное действие материального существа, или материальное действие сознательного существа. Общественное же производство является основной формой практики, следовательно, основой практической жизни человека. С понимания общественного производства как основы **всякой деятельности человека** (в том числе духовной) и начинается научное, материалистическое понимание общественной жизни, общественных явлений. Исторический материализм логически и исторически вы-

рос из понятия общественной практики, в которой диалектически совпадают понятия материального и идеального, но которая сама абстрактна по сравнению с другими категориями исторического материализма и поэтому при их рассмотрении всегда предполагается известной.

Вернемся теперь к взаимоотношению анализа и синтеза в методе восхождения от абстрактного к конкретному.

Мы уже сказали, что в методе восхождения от абстрактного к конкретному анализ и синтез выступают в форме генетического сведения и выведения, причем только в этой форме и осуществляется их диалектическое единство. Поэтому в каждом шаге анализа метод Маркса, как говорит В. И. Ленин, аналитичен и вместе с тем синтетичен.

Из этого единства и проистекает спор[1] о том, можно ли метод Маркса называть аналитическим. Спор этот можно назвать «терминологическим», т. е. спором о названии, ибо спорящие стороны придерживаются, в основном, правильного понимания существа дела. В «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» Маркс назвал свой метод аналитическим[2]. Это замечание Маркса дало основание К. Островитянову, Э. Ильенкову и М. Розенталю называть логический метод Маркса аналитическим. Правда, у К. Островитянова[3] метод Маркса назван абстрактно-аналитическим, что, конечно, неверно, если принять во внимание, что абстрактным является формально-логический анализ, но не диалектический. Против того, чтобы метод Маркса назывался аналитическим, выступил В. Мальцев со статьей «Можно ли метод К. Маркса называть аналитическим?»[4]. В. Мальцев утверждает, что метод Маркса «является материалистически-диалектическим», что, как говорит он сам, общеизвестно. В «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» Маркс имел в виду **не весь свой метод**, а лишь свой **метод анализа**, указывает автор статьи. Нельзя не согласиться с тем, что диалектический анализ есть лишь сторона, момент материалистической диалектики. Но если вдуматься-

[1] По существу это даже не спор, а лишь критика одной стороны другой.

[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч. т. XV, стр. 470.

[3] См. Журнал «Коммунист», 1954, № 4.

[4] См. Журнал «Философские науки», 1961, № 4.

ся в суть диалектического анализа, то станет ясным, что **логический метод** Маркса можно назвать и анализом. Что такое анализ? Это — сведение всех конкретных, сложных форм к их внутреннему единству, внутренней сущности и рассмотрение последней в общем, «чистом виде». «Капитал» Маркса и есть в этом смысле анализ различных национальных и иных исторически-эмпирических форм капитала в «чистом виде», сведение их к их самой общей внутренней основе — движению капитала как такового, абстрагированного от всякой конкретно-эмпирической формы.

Это — не эмпирический, формально-логический анализ, абстрагирующий, «вынимающий» какую-либо одну сторону конкретного целого, а диалектический анализ, раскрывающий движение капитала в конкретном единстве производства и обращения, а также других сторон производственных отношений. Говоря о методе Маркса, В. И. Ленин писал: «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»[1].

Анализ и генетическое выведение суть две стороны одного и того же логического метода, но отношение между ними довольно сложное. Ведь сам «Капитал» есть вместе с тем и генетическое выведение различных определений **капитала вообще** из более простых и общих законов. Получается, что генетическое выведение привело в результате к анализу, а за анализом, который мы имеем в «Капитале», снова последовало генетическое выведение в работе В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма».

Таким образом, анализ, данный в «Капитале», есть **предпосылка** генетического выведения, данного Лениным в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», которая в свою очередь является опять-таки анализом, т. е. сведением различных форм империализма (военно-феодального и др.) к его «чистому виду», к

[1] *В. И. Ленин.* Соч. т. I, стр. 148.

его внутренней общей, единой основе. Точно такое же круговое движение анализа и генетического выведения (синтеза) имеет место и внутри этих гениальных трудов при рассмотрении каждой категории в отдельности и при переходе от одной категории к другой.

Анализ, можно сказать, сохраняется в генетическом выведении как его результат и содержит внутри себя его. В то же время генетическое выведение предполагает анализ более общего, из которого генетически выводится особенное, более сложное. Таким образом, круг взаимоотношений анализа и синтеза разрывается в анализе, с которого начинается теоретическое мышление и которым оно оказывается после процесса генетического выведения.

Маркс потому и назвал свой метод аналитическим, что без анализа невозможно «действительное понимание», что правильный анализ предопределяет ход и результат мышления, исследования. Вместе с тем, следует также иметь в виду, что анализ есть лишь одна сторона логического метода Маркса, и всякий отрыв и абсолютизацию его Маркс, как мы выше видели, подвергал критике.

В целом, это круговое движение («анализ — генетическое выведение — анализ»), совершающееся по закону отрицания отрицания, является в самом точном смысле слова, по существу, не анализом и не синтезом (генетическим выведением), а логическим методом восхождения от абстрактного к конкретному. Последний есть, таким образом, нечто более сложное, чем то и другое, и не сводится ни к одной из этих форм мышления.

Генетическое выведение представляет собой лишь один из моментов метода восхождения от абстрактного к конкретному потому, что оно, как и анализ, выражает диалектику простого и сложного, которая отнюдь еще не есть диалектика абстрактного и конкретного. Действительность развивается от простого к сложному, но не от абстрактного к конкретному. Метод восхождения от абстрактного к конкретному охватывает собой весь процесс мышления, начиная с операций обще-абстрактными, или абстрактно-всеобщими, понятиями (см. стр. 164—165 настоящей работы), между тем как генетическое выведение имеет своей готовой предпосылкой уже конкретный результат анализа, или результат анализа как

конкретное единство противоположных определений понятия. Подобно тому как эллипс является разрешающей формой противоречия между притяжением и отталкиванием, подобно этому и метод восхождения от абстрактного к конкретному есть разрешающая форма противоположности между анализом и синтезом, форма движения мысли, которая не сводится ни к анализу, ни к синтезу. Восхождение от абстрактного к конкретному есть не просто сложная форма умозаключения, а **система форм** мышления, поэтому оно есть метод логического мышления, метод теоретического изображения сущности предмета во всей ее конкретной целостности.

*
* *

Мы постарались вкратце осветить разработку К. Марксом ряда проблем диалектической логики в 50-х годах XIX века, а также в «Капитале».

Мы считаем, как указывалось во введении к настоящей работе, исследование всего методологического богатства произведений Маркса, хотя и выполнимым, но все еще далеким от своего завершения трудом. Однако уже сейчас очевидна плодотворность усилий философских последователей гениального основоположника научной диалектики. Вслед за работами историко-философского характера появились многочисленные исследования, посвященные проблемам диалектической логики вообще и применимости последней к естествознанию и науке об обществе. Это является необходимой предпосылкой сознательного применения диалектической логики представителями специальных наук в практике теоретического познания.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Форма движения теоретического познания. Его внутренняя диалектика 25
§ 1. Предмет науки об обществе и форма ее теоретического развития 29
§ 2. Соотношение истории развития предмета и логики его познания. Критика гегелевской абсолютизации логического способа отображения предмета 52
§ 3. Отношение познающего мышления к движению сущности предмета 75
Глава II. «Капитал» и диалектика форм мышления в процессе восхождения от абстрактного к конкретному . . 118
§ 1. Еще раз о соотношении исторического и логического 118
§ 2. Восхождение от абстрактного к конкретному как единство индукции и дедукции, анализа и синтеза 145

Оручов Зahид Мəлик оғлу

К. МАРКС ВƏ ДИАЛЕКТИК МƏНТИГ

Бакы — Азəрнəшр — 1964

Редактор проф. *Т. И. Ойзерман*
Художник *К. Искендеров*
Художественный редактор *М. Кулиев*
Технический редактор *Р. Алиева*
Корректоры *С. Агейчева, И. Внукова*

Сдано в набор 24/VI-1964 г. Подписано к печати 5/XI-1964 г. ФГ 13194. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 6,125. Условн. п. л. 10,04. Учетн. изд. л. 10,2. Заказ № 335. Тираж 3.000. Цена 40 коп.

Азербайджанское государственное издательство, Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4

Типография „Красный Восток" Государственного комитета Совета Министров Азербайджанской ССР по печати, Баку, ул. Ази Асланова, № 80

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр	Строка	Напечатано	Следует читать
32	снизу 18-я	Мак—Куллаха	Мак-Куллоха
50	сверху 9-я	сего	с его
56	снизу 5-я	Больной	Большой
57	сверху 10-я	свио	свои
70	снизу 16-я	другу	к другу
72	сверху 6-я	стоимости	стоимости,
89	снизу 7-я	Так, как	Так как
103	снизу 16-я	различие	различие,
153	снизу 17-я	(nd	und
153	снизу 16-я	uS.	S.
153	снизу 6-я	G ndbegriffes	Geldbegriffes
153	снизу 5-я	st. dien	studien

Заказ № 335